

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал • №

7
1973

РАБОТНИЦА

ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ СЕМЬИ КОММУНИ- СТОВ

● С. Н. Поросятников

● Е. И. Поросятникова
с дочерью Верой и зятем
Александром Шаршатки-
ными.

● Владимир Шаршат-
кин — внук С. Н. Поро-
сятникова.

● Вадим и Костя Шар-
шаткины знакомы со
своим прадедом С. Н. По-
росятниковым по фото-
графиям и рассказам
взрослых

Фото Н. Маторина.

ПУРПУРОВАЯ

Вера ТКАЧЕНКО

В мае поселок Крюков весь будто окутан стелющимся над землей розовато-лиловым дымом: цветет по садам сирень. Цветет буйно, обильно, даже расточительно, как бы торопясь одарить людей коротким праздником цветения. Легкий штатеник палисадов и дощатые заборы едва сдерживают упругий натиск разросшихся кустов, тяжелые кисти свисают через ограду, задевая головы прохожих. В эти дни крюковцы ходят с сиренью в руках, в петлицах пиджаков и в девичьих прическах. Даже в машинах за ветровым стеклом плещется чуть привядшая веточка сирени. И старый Крюков молодеет, будто на его рабочую спецовку кто-то приколот душистую сиреневую кисть.

Дом потомственных вагоностроителей Шаршаткиных отыскать нетрудно: его знает в Крюкове каждый. Но, объясняя дорогу приезжему человеку, крюковец непременно добавит: «Там у них сирень такая, знаете, богатая...» И верно, возле углового домика пенится особенная, «богатая» сирень, махровая, иссиня-розовая, почти пурпуровая,— такую заметишь издали даже в разливанном сиреневом море, затопившем старый посад.

Впрочем, Крюков называют теперь посадом разве только старики, помнившие пыльный поселок с многочисленными кабаками и церквушкой на небольшом плацу, кривые, узкие улочки, зажатые между угрюмым забором старинных вагонных мастерских и песчаными откосами правобережья Днепра. Нынешний Крюков так же похож на прежний посад, как юноша в расцвете лет чем-то отдаленно, смутно, какой-нибудь фамильной

чертой напоминает своего старенького деда. Поселок вагоностроителей влился в город Кременчуг, двухкилометровый красавец мост, перекинутый через Днепр, соединил их в одно целое. Бывший захолустный посад оброс многоэтажными домами, оделся в асфальт, украсился скверами и парком, превратился в современный благоустроенный городок.

Неразрывными узами крюковцы связаны с заводом, выросшим на месте бывших вагонных мастерских. Несколько поколений крюковцев просыпались по утрам от гудка и одной и той же неизменной дорогой шли в заводские цеха. Несколько поколений — это уже традиция, выверенная связь времен, и оттого, верно, потомственная верность родному заводу у крюковцев в крови, она как бы фамильная их черта. В угловом домике, окруженном пурпуровой сиренью, эта черта достигла высшего проявления: здесь живет семья, насчитывающая в своей родословной три поколения коммунистов.

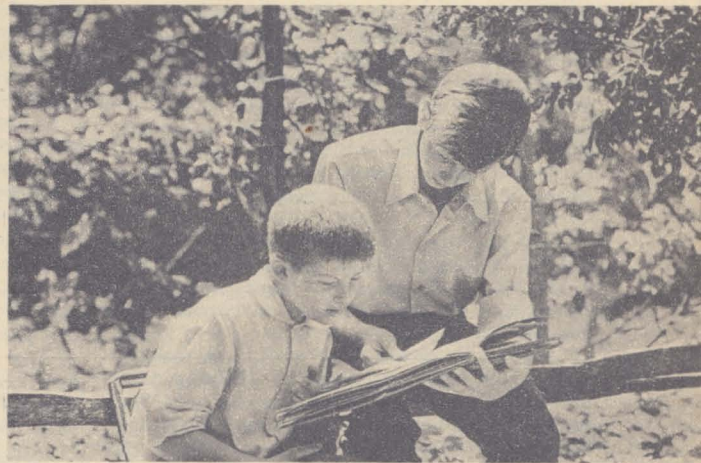
...Вера Сергеевна Шаршаткина, в девичестве Поросятникова, уже немолода, но все еще сохраняет свежесть спокойной, жизнелюбивой и деятельной женщины, о каких говорят, что у них ясная погода души. Может, стойкой своей молодостью и людским признанием она обязана отчасти и тому, что у нее, бабушки четырех внуков, есть старенькая мама. Любовь матери может много. Евдокия Ивановна, простая неграмотная женщина, сумела быть достойной женой и подругой большевика-подпольщика Сергея Поросятникова, чье имя свято чтят крюковские вагоностроители, а оставшись вдовой, подняла на ноги всех своих

шестерых детей и, наконец, посвятила себя дочери Верочке и ее семье. А кто же не знает, как хорошо, покойно семейной женщине за материнским плечом, как свободно, без постоянной тревожной оглядки может она отдаться любимой работе, с какой щедростью и полнотой раскрывается ее талант!

Но если мать облегчила ей женскую участь, то мужеством и целеустремленностью партийного борца Вера Сергеевна в большой степени обязана отцу, Сергею Николаевичу Поросятникову, одному из первых коммунистов-ленинцев в Крюкове. Сергей Поросятников вошел в историю революционной борьбы рабочих крюковских вагонных мастерских наряду с другими коммунистами-ленинцами. Их жизнь и борьба стали предметом научных исследований, о них пишут книги, их лица глядят с плакатов, выпущенных к торжественным датам.

А в угловом доме висит на стене забранная в старинную рамку фотография молодой пары со счастливыми, чуть испуганными лицами — традиционный снимок новобрачных, Сергея и Евдокии Поросятниковых. В этом доме большевик Поросятников просто муж, отец и дед, и о нем говорят как о живом: Сережа, папа, дедушка... Он и есть живой, родоначальник династии коммунистов, оставивший в наследство своим детям и внукам стойкость и мужество стремление всегда быть на переднем крае борьбы, брать на себя, не перекладывая на плечи других, ответственность за все, что происходит в мире.

Но, может быть, только Евдокия Ивановна знает, какой ценой платил ее муж за трудное, гордое счастье принадлежать к партии Ленина в те далекие годы. Она не ходила

СИРЕНЬ

с ним на подпольные сходки, на тайные мавки в лесу, не пробиралась сквозь жандармский заслон с пачкой прокламаций на конспиративную квартиру. Но жена большевика-подпольщика в полной мере узнала, что такое жить в вечной тревоге за свободу и жизнь мужа, отца своих детей. Она привыкла терпеливо сносить нужду, когда Сергея, как неблагонадежного, увольняли с работы. Она не плакала, не гневалась и не спорила, когда муж говорил ей:

— Я в первую очередь принадлежу партии, а потом уж тебе, Дуня, и ребятишкам...

...Однажды ночью Сергей Николаевич, скрывавшийся от петлюровцев, заскочил домой с буханкой хлеба под мышкой; детишки голодали, а он, отец, не мог им ничем помочь. Евдокия засуетилась, собирая мужу бельишко и чего-нибудь поесть, как вдруг в дверь загрохотали удары. Сергей дунул на лампу, осторожно выглянул в окно и отшатнулся:

— Гайдамаки! Дуня, сховай! — Он сунул ей наган, и Евдокия, выхватив из люльки спящего Васютку, своего младшенького, завернула оружие в пеленки и вместе с ребенком прижала к себе.

Ввалились в дом гурьбой: «Га, большевистская сволочь!» Неужели кто-нибудь из посадских выдал, указал, что он партизнец? Тогда конец: скрывавшихся от мобилизации мужчин нещадно поролы плетьюми, а большевиков — сразу к стенке. Но, видно, гайдамаки не догадывались, кто этот стоящий перед ними усатый мужчина с твердо очерченным лицом и смелым взглядом. Засвистели нагайки. Закричали в голос перепуганные насмерть ребятишки. Дуня, прикрывая

«КПСС объединила трудящихся всех национальностей на идейной основе марксизма-ленинизма, воспитала поколения людей — самоотверженных строителей коммунизма, подлинных интернационалистов».

Из постановления ЦК КПСС «О 70-летию II съезда РСДРП».

собою ребенка, свободной рукой хваталась за рукоятки нагаек и, растрепанная, с рассеченным диким лицом, страшная и неустрашимая, загоразивала собой тело сбитого с ног, окровавленного Сергея.

— Тю, скаженная баба! Тебе что, жить надоело? Скажи спасибо, что детей у тебя орава...

Ушли. В распахнутую настежь дверь было слышно, как гайдамаки ломились к соседям; немного погодя там хлестнули выстрелы. Сергей пришел в себя, медленно оглядел разгромленную хату, сбившихся в кучу детей, изувеченное лицо жены. Сказал тихо:

— Дунюшка, родная моя, прости...

Десятилетняя Верочка широко распахнутыми глазами глядела на отца, на мать, никогда ей не забыть страшной этой ночи, никогда не сгладятся из памяти свистящие нагайки, обрушивавшие удары на голову отца, эти кованые сапоги, топчущие отцовское тело. Она подрастет и в год смерти Ленина вступит в комсомол, а несколько лет спустя — в партию, она прочтет много книг о революционерах-борцах, об их негнбавемой воле, о муках и страданиях. Но первый урок политграмоты Вера и ее старшие братья и сестры получили в своей хате, и первым примером большевистской убежденности был для них родной отец, Сергей Поро-

сятников. Калужский крестьянин-бедняк, приехавший на Полтавщину в поисках куска хлеба, рабочий, — поверивший в ленинскую правду, коммунист с 1905 года...

Он умер сравнительно молодым — сказало почти двадцатилетнее подполье и лишения, — и его, плотника вагонных мастерских, делегата XIV съезда партии, хоронили как героя. На тихом, заросшем сиренью крюковском кладбище троекратно прогремел воинский салют; скорбно склонился красный кумач знамен; украинские вагоностроители простились с русским товарищем по классу, представителем старой гвардии большевиков...

«Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян!..»

Это была песня поколения детей Сергея Поросятникова. Ее распевала с подругами и ребятами комсомолка Вера Поросятникова, заводская девочка, слесарь по ремонту вагонов. Темноглазая, огневая дивчина много лет была комсомольским вожаком на вагоностроительном. Жила стремительно, целеустремленно и крылато, как многие сверстники — поколение строителей Днепрогэса и Магнитки, Харьковского тракторного и Комсомольска-на-Амуре. Работала, по уши влезала в общественные дела, а по вечерам

бежала в машиностроительный техникум. Молодой ее муж Саша, он же Александр Поликарпович Шаршаткин, тоже слесарь, недовольно ворчал:

— Женат я или не женат? Домой ходишь только ночевать, Вовка тебя не узнает, бабулю мамой называет. Это как же дальше будет?

— А так и будет,— строптиво отзывалась Вера и тут же чисто по-женски переходила в наступление:— И это говорит партиец, сознательный большевик? Домостроевец ты, крепостник и загибщик!

— Будет вам, петухи,— примирительно вмешивалась Евдокия Ивановна.— Вы обоерябое — общественики. И ладно, мы с Вовочкой как-нибудь обойдемся...

Это было счастье — работа, учеба, кипение трудовых будней и скромное веселье редких праздников, муж-соратник, товарищ и душевный друг, здоровые, крепкие малыши Вовка и Толик. Какое это было огромное счастье, она до конца осознала лишь июньским утром сорок первого, мирную воскресную тишину которого взорвала война. С этого дня вся огромная страна и каждая семья, любой в отдельности человек начали отсчет новой жизни — страшной и нечеловечески трудной, проникнутой ненавистью к врагу, упрямой верой в победу.

Вера Сергеевна бежала, задыхаясь, к заводской проходной: там формировались рабочие отряды народного ополчения. Там был Саша. Увидеть, обнять, проститься, выплакать на его плече боль разлуки, страх за старшего сынишку и мать, застрявших где-то в Крыму по пути из «Артека»... А ей — она уже знала это — предстояло ехать с заводскими эшелонами в эвакуацию, куда-то на Урал, на Каму. Она не боялась ни трудностей, ни самой тяжелой работы. Но лучше бы ей идти рядом с мужем в бой, чем терзаться неизвестностью и, надеясь на одно лишь чудо, ждать домой сына и мать, прислушиваться к взрывам фугасок, веря и не веря в возвращение мужа...

Но, видно, не спала ее доля: в самый последний час прибилась к дому Евдокия Ивановна с внуком, и Вера с семейством успела-таки перебраться паромом на левый берег Днепра, к стоявшим на запасных путях заводским эшелонам. Позади, за Крюковом, на Деевской горе, гремели выстрелы, вспухали и оседали султаны взрывов. Это ополченцы с мужеством отчаяния сдерживали натиск фашистского десанта, давая жителям возможность уйти из осажденного города. Оставшиеся в живых бойцы на уцелевших лодках, на плотках, на досках переплыли Днепр, среди них был Александр Шаршаткин.

...Тянется эшелон на восток, мелькают в окнах теплушек все новые места, и, кажется, конца нет пути. Остались позади «мессеры» с черным грузом смерти, разрушенные станции, взорванные мосты — тихо кругом. Но в вагонах не смолкают крики, слезы, плач: потерялся или отстал в пути чей-то ребенок, а то осколком убило мать, и осиротевшие дети, не слушая утешений сердобольных женщин, режут ремья... Сироты, сироты твои, Россия! Горе твое и боль, Россия, и не видно им было в те дни еще конца — было только начало...

...Вера Сергеевна, оставив сыновей под присмотром Евдокии Ивановны, хлопотала возле осиротевших детей, на долгих остановках бежала в эвакупункт — пристраивать. Лишь две недели спустя прибыли на место, в Пермь. Отныне им жить по чужим квартирам, строить в пойме Мерзлотной, близ Камы, завод. И, одолевая слабость, борясь с голодными обмороками, по двенадцать часов простаивать у станка: фронту нужны снаряды. А после смены брести, увязая в низинной топи, домой: ждут там голодные мальчишки, высматривая мать с пайкой хлеба.

Вера Сергеевна стойко, не жалуясь, сносила лишения: дети живы, от мужа с фронта приходят письма, с нею рядом твердая характером мать и сестра Полина, учительница. Чего же еще по нынешним временам, когда в беде вся страна? Но вот перестал почтальон приносить в ее дом солдатские треугольнички: рядовой Александр Шаршаткин пропал без вести. Днем Вера Сергеевна крепилась. Ей, начальнику заводского ОТК, нельзя распускаться. Ей, коммунистке, не к лицу слабость. На нее равняются заводские женщины. Но по ночам, зажимая рот ладонями, мочила слезами подушку, вздрагивала от беззвучных рыданий, пока из темноты не раздавался властный голос матери:

— Будет тебе, будет! Не у тебя одной горе...

И опять улыбнулось ей горькое счастье войны: много месяцев спустя пришло письмо, написанное чужой рукой. Госпитальная сестра сообщала, что Александр Поликарпович жив, но под городом Коротояк был тяжело ранен и ослеп на один глаз. Да ведь живой, живой!..

Комиссар Александр Шаршаткин прошел инвалидом всю войну, закончив ее на Тихом океане. Вернулся домой седой солдат с черной повязкой на молодом лице, с орденами и медалями, на которых обозначены почти все европейские столицы и Япония в придачу. Вернулся к жене и детям, к разоренному жилищу. Город лежал в руинах, мост через Днепр покоился на дне реки, заводы и фабрики превращены в обгорелые груды камней, поросших лебедой. Страна засучила рукава и принялась восстанавливать и строить заново. И, как всегда, коммунисты шли впереди. Гвардии старший лейтенант Александр Шаршаткин снова встал к станку, инженер Вера Шаршаткина приняла заводской бриз. Крюковский вагоностроительный вновь огласил старый посад певучим утренним гудком.

«И вечный бой, покой нам только снится...» Наверное, это относится в первую очередь к коммунистам. К людям, которые отвечают за все и потому не имеют права на успокоение. Жить только для себя, для своего маленького благополучия, в кругу семьи, у вновь обретенного домашнего очага — это, наверное, спокойно. Но не для Веры Сергеевны Шаршаткиной. Рабочие знали: начальник бриза и товарищ Шаршаткина будет отстаивать и «пробивать» ценное рационализаторское предложение любой ценой: дойдет до парткома и директора завода, поднимется на трибуну собрания, выступит с резкой заметкой в заводской многотиражке.

Вдовы-солдатки знали и другую Шаршаткину: бессменный председатель заводского женсовета, Вера Сергеевна чутка и отзывчива к чужой беде, неутомимый ходатай по их вдовьим и сиротским нуждам. — человек, к которому можно постучаться в любое время суток и найти поддержку и помощь. Да она и не ждала, пока к ней придут за помощью, — шла сама, чуть слышав о чьей-то беде. У свердловщицы

Марии Иваненко мальчонка не ходит в школу. Почему?

— А потому, Сергеевна, что у моего сироты башмаков нету. И одежки тоже. Вон сидит босой на печи, в чем пошлю в школу?

— Ох, Маруся, Маруся, а еще нашенская, заводская баба. Молчала-то чего? Я ведь от людей узнала, пришла вот поругаться с тобой. Зайди в женсовет, заберешь ордер на обувку для твоего парня.

— Ой, спасибочка, Сергеевна! Ты уж прости меня, глупую, на весь свет осерчала...

И так изо дня в день: достать ситцу на пеленки новорожденному, выхлопотать денежную помощь Кате Черновой — у нее муж инвалид войны I группы и двое детей на руках, напоминать, чтобы подвезли топливо вдове Зинаиде Фоминой... Директор завода Приходько, завидев входившую в кабинет Веру Сергеевну, смиренно осведомляется:

— Вы ко мне как, борцом за рационализацию или вдовьим ходоком? Ну, шучу, шучу. Знаю, что в любом качестве вы человек железный. Слушаю вас...

Двадцать шесть лет Вера Сергеевна возглавляет заводской бриз. Девять тяжелых послевоенных лет управляет женсоветом. Не раз избирается депутатом горсовета. Порою сама дивилась: где брала силы, в чем черпала энергию, чтобы вот так годами и десятилетиями жить интересами людей, болеть их болями и радоваться их радостями? Но иначе она не умела. Иначе не позволяла совесть да еще, видать, неуемный характер, унаследованный от большевика-отца и матери, мужественной русской женщины.

Один умный человек заметил: «Как от яблоки соки в ветви, так родительские качества переходят в детей». Сыновья Веры и Александра Шаршаткиных не могли не стать хорошими, скромными и честными людьми: в семье, где превыше всех благ ценят трудолюбие и человеческое достоинство, чистую совесть и бескорыстие, — в такой семье поднимается на крыло, как правило, нравственно здоровое молодое племя. Оба брата Шаршаткины — инженеры, и старший из них, Владимир, работает на Крюковском вагоностроительном, где трудились его дед, отец и мать. Братья Шаршаткины — коммунисты. Могло ли быть иначе в семье, где негромкое служение людям, глубокая идейность и убежденность естественны, как окружающий их воздух? На долю Шаршаткиных-младших не выпало испытаний, которыми закалялась сталь старших поколений. Но оба они из того сорта людей, о которых говорят, что с ними можно идти в разведку. Старому большевику Сергею Поросятникову не пришлось бы краснеть за внуков.

...Вера Сергеевна чуть не плакала, когда муж срубил куст сирени, затемняющий окно так, что в комнатах стоял зеленый полумрак, точно в неосвещенном аквариуме.

— Хотел, как бабуле лучше, ей улицы из окна не видать, — оправдывался Александр Поликарпович. — Да не жалеи, ее вон еще сколько осталось, твоей сирени.

— Папины любимые цветы, — тихо сказала Вера Сергеевна. — Откуда-то сам привез эти саженцы, а цветов от них не дождался. Для нас насадил...

Пурпуровая сирень благоухала за окном — память о суровом человеке, любившем цветы и детей. О человеке, отдавшем свою жизнь за правду и за людское счастье, за то, чтобы земля по весне расцветала сиреневым садом.

Крюков — Кременчуг, Полтавская область.

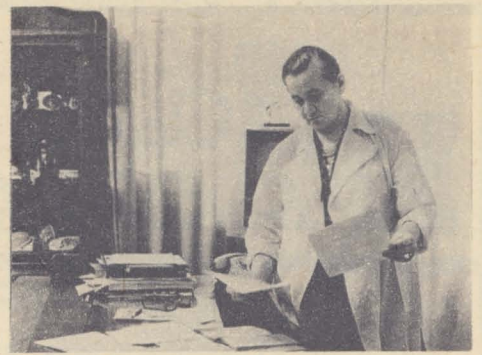

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
РАБОТНИЦА
Журнал основан 8 марта 1914 года

Издательство «ПРАВДА» Москва .ИЮЛЬ 1973 г.

К ПРОШЛОМУ ВОЗВРАТА НЕТ

Анна ГРИНЕНКО,
директор ордена Ленина кондитерской фабрики «Красный Октябрь»,
Герой Социалистического Труда

— Мы по горло сыты этими разговорами о реванше. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на бесплодные споры. Следует наконец признать реальности сегодняшнего мира.

Я хорошо видела, что этот мюнхенский профсоюзный работник говорит то, что думает. Что все сказанное — не под влиянием минуты, а выношенное, созревшее.

Там же, в Мюнхене, у нашей делегации состоялась встреча с учащейся молодежью. Сколко было искреннего, неподдельного интереса к нам, советским людям, какое горячее желание ближе узнать друг друга! «Существует ли возможность попасть в ваше Бауманское? Великолепная высшая школа! — И, уже с явным задором: — Неужели не ясно, что мы, выпускники вашего вуза, стали бы потом первыми агитаторами за вас?..»

Немало на памяти таких встреч и бесед в ФРГ, в других странах Запада, где довелось бывать. Я невольно думала о них, когда читала постановление нынешнего апрельского Пленума ЦК нашей партии, следила за переговорами Леонида Ильича Брежнева в ФРГ и США. Вот они, реальности наших дней, четко зафиксированные в документах Пленума: «ЦК КПСС исходит из того, что сложились предпосылки для создания в Европе прочной системы безопасности и сотрудничества, которая стала бы живым и притягательным примером мирного сосуществования».

«Предпосылки»... Многого стоит за этим словом. И здравые мысли профсоюзного работника, и пытливые глаза юных жителей Мюнхена, которые говорят решительное «нет» и реваншистским бредням, и «пивным путчам», и дремучей политике последователей Аденауэра. Предпосылки — это трудовой героизм миллионов советских людей. Среди них и те, кто работает со мною бок о бок. Более чем тридцатилетний фабричный стаж Георгия Романовича Косошинского, награжденного орденом Красного Знамени. Рабочее мастерство коммунисток Надежды Николаевны Барановой и Зинаиды Ефимовны Дементьевой, чей вклад в восьмую пятилетку отмечен правительственными наградами. Верность рабочему слову бригады коммунистического труда Али Павловны Королевой, которая на собрании заявила: «При достигнутых нами темпах бригада сможет выполнить девятую пятилетку за четыре года и два месяца». Это и тесные связи нашей фабрики с родственными предприятиями Германской Демократической Республики. Мы обмениваемся технологией, научно-технической документацией. Иными словами, и наш коллектив участвует в реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Содружество социалистических стран — это весомая предпосылка прочного мира в Европе. А в основе всего — реализация ленинского принципа мирного сосуществования, мудрая, настойчивая и последовательная политика Центрального Комитета КПСС, его Политбюро, нашего правительства.

Налаживание делового сотрудничества со странами Запада идет сегодня различными путями. Две большие выставки — «Космос» и «Сибирь» — работали в Дортмунде в дни пребывания в ФРГ Л. И. Брежнева. Они помогли западным немцам точнее представить, что же такое СССР сегодня. Своими глазами увидели посетители выставки звездные корабли, модели самых могучих в мире сибирских электростанций, все оборудование которых советской марки.

С большим удовлетворением узнаешь о практическом воплощении советско-западногерманских соглашений. Советский газ будет поставляться в ФРГ, а трубы, изготовленные в ФРГ, позволят быстрее нарастить наш промышленный потенциал. Наши западногерманские партнеры называют это «хорошим примером долгосрочной комбинации экономических интересов». Что же, мы с этим согласны, выгода будет обоюдной.

Выгоду взаимных связей отчетливо понимают и всячески приветствуют прежде всего рабочие. Мы, живущие в стране, где навсегда ликвидирована безработица, лишь умозрительно можем представить себе, как эти взаимосвязи влияют на занятость. Недавно я прочла в газете слова одного из американских портовых

рабочих-ветеранов, Т. Смита: «Мы нуждаемся в торговле с Советским Союзом. Настало время это признать». А печать ФРГ отмечает, что укрепление контактов с СССР приветствует подавляющее большинство людей, потому что рабочие Западной Германии знают: чем шире экономические отношения, тем больше гарантия занятости, «а это у нас всегда одна из первых забот людей труда».

Двадцать восемь лет живем мы в условиях мира. И не надо быть особенно наблюдательным, чтобы заметить, с каким постоянством растет благосостояние советских людей. Нередко это свидетельствуют и представители западного мира. «В Москве меня поразил размах жилищного строительства», — заявил мэр Нью-Йорка Линдсей. Действительно, мы привыкли к тому, что государство год от года расходует все больше средств на эти цели. Жилье для своих рабочих строят и сами предприятия. Наша фабрика в этом году заселила стоквартирный дом. На будущий год собираемся закончить такой же. Распределяем жилье по принципу: семья — отдельная квартира. При домах ясли-сад. Как удобно родителям! Мы стараемся особо позаботиться о женщинах: в новых домах предусмотрены прачечные, на фабрике организована выездная торговля. Перестал быть проблемой летний отдых детей наших работниц. Около тысячи ребят каждый год уезжают в пионерские лагеря, круглый год для взрослых и детей действуют дачи.

Но, зная природу империализма, мы никогда не жалели сил для укрепления могущества Родины. И Запад не мог не признать в нас равного по мощи собеседника. Он не мог не пойти и на переговоры об ограничении стратегических вооружений, о сокращении общей численности войск и обычных вооружений.

На XXIV съезде партии была принята и теперь победно действует внешнеполитическая программа, повсеместно названная Программой мирного советского наступления. Спросите любую нашу работницу, есть ли такие усилия, на которые она не пошла бы для предотвращения новой войны. Она вам ответит, что у нас нет семьи, которая не испытала бы горе войны. Что весь народ абсолютно единодушен со своей ленинской партией.

Вспоминаю разговор у нас дома, когда Леонид Ильич был в ФРГ. Я вижу сидящего перед телевизором моего дядю Мишу. Дядя Миша брал Зимний. Воевал в гражданскую. Воевал и в Великую Отечественную. Ему 82 года. А рядом — внук. Я знаю, он не обидится, если я скажу о нем коротко: «Молодо — зелено». Оба смотрят репортаж из ФРГ: Западная Германия торжественно встречает Л. И. Брежнева. Миг, который мировое общественное мнение единодушно назвало историческим.

— Нет, вы поглядите, как принимают!

Мудрый дядя Миша может понять восхищение. Но и тени иронии он не принимает. И он просто взрывается:

— Что же, по-твоему, лучше враждовать? А сам-то ты знаешь ли, что такое война? Пороху нюхал? Эх ты! Давно сказано: гитлеры приходят и уходят, а народ остается. Вот и пошевели мозгами, что к чему. А ты, племянница, — обращается он ко мне, — работай больше да лучше. Хорошо разговаривают с сильными!

Я смотрела на своего заслуженного старенького дядьку и думала: да, много перенес наш народ. Тяжкие раны войны болят до сих пор. Но именно мы — и в этом мудрость нашей партии, наша сила — первыми протянули руку мира и сотрудничества. Могучая страна наша стояла за каждым словом Л. И. Брежнева. А за плечами Генерального секретаря ЦК партии стоял его собственный опыт войны. Опыт фронтовика с самого первого дня и до последнего. Поэтому такая жизненная правда в его словах: «Советскому народу, а тем самым и его руководителям, было не так легко открыть эту новую страницу в наших отношениях... Мы смогли перешагнуть через прошлое в отношениях с вашей страной потому, что мы не хотим его возврата».

Да, мы не хотим возврата ко вчерашнему. Но верно заметил дядя Миша: для этого нам надо быть сильными.

Короткий год

В заводской проходной Заводской фабрики игрушек Калининской области появилась такая «молния»: «Красильщица Александра Павловна Соловьева, взявшая обязательство завершить личную пятилетку за три года, заканчивает ее сегодня». Действительно, Александра Павловна Соловьева завершила план-задание девятой пятилетки, опередив время на 726 рабочих дней. В торжественной обстановке победительнице соревнования были вручены именные часы, почетная грамота и денежная премия. А ее портрет был установлен в аллее Славы.

АЛ. ЛОНГИНОВ

В поэме В. Маяковского «Хорошо» есть такие строки: «Я в комнатенке-лодочке проплыл три тыщи дней». В этой «комнатенке-лодочке», расположенной на четвертом этаже дома 3/6 по проезду Серова, жил и работал Маяковский с 1919 по 1930 год. Здесь создавались поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Про это», «Хорошо», «Во весь голос». Дом этот передан Государственному музею В. В. Маяковского.

Вот что рассказал нам директор музея В. В. Макаров: — В пяти больших залах разместится тематическая экспозиция «Маяковский — поэт Октябрьской революции и социалистического созидания».

Свыше 300 редких фотографий из семейного архива Маяковских, обширная переписка, личные вещи поэта, семейные реликвии. Экспозиция музея даст возможность понять, как формировалось революционное мировоззрение юного поэта, что подтолкнуло его к вступлению в ряды РСДРП (1908 г.), к восторженному принятию революции.

Особый интерес представляют материалы, раскрывающие творческую лабораторию Маяковского в работе над поэмой «Владимир Ильич Ленин».

Маяковский-поэт, Маяковский-драматург, Маяковский-художник... Вся разносторонняя творческая и общественная деятельность трибуна революции впервые будет так широко представлена в музее.

О. ЕРМОЛАЕВА

На снимке: рабочий стол В. В. Маяковского.

Для матерей

В августе в Москве открывается VII Международный конгресс акушеров-гинекологов.

— То, что подобный форум проводится в нашей стране, — большая заслуга советской медицинской науки, признание ее достижений, — рассказывает руководитель пресс-центра конгресса профессор Ю. Ф. Змановский.

На обсуждение специалистов разных стран выносятся такие важные и еще недостаточно решенные научной проблемы, как физиология родов, влияние гормонов на рост и развитие опухолей, гинекология детского возраста.

С основными докладами

выступят видные советские ученые — Л. С. Персианинов, И. А. Мануилова, Н. Ф. Башев, В. И. Бодякина, а также профессор из Великобритании Томкинс и профессор Е. Дисфалюзи из Швеции. Мы предполагаем ознакомить зарубежных ученых с организацией здравоохранения в нашей стране, и в частности с советской системой охраны здоровья матерей. В период работы конгресса в павильонах ВДНХ будут развернуты выставки новейшего отечественного и зарубежного медицинского оборудования и медикаментов.

Л. ВИТАЛЬЕВА

В небе и на земле

Тем, кто был на республиканском смотре художественной самодеятельности Белоруссии, хорошо запомнился сильный, богатый оттенками голос Нины Якименко.

Но эстрадная песня — это только «земное» увлечение Нины, основная ее профессия «небесная»: она бортпроводница в Минском аэропорту. В этом году Нина Якименко отметила своеобразный юбилей — налетала три миллиона километров. А песня — ее верный помощник в труде, источник бодрости и хорошего настроения.

Д. АЛЕКСАНДРОВ
Фото автора.

г. Минск.

Победители конкурса

Валентина Тимофеева Шитикова с Купавинской тонкосуконной фабрики имени И. Н. Акимова и Анастасия Ивановна Шувалова с серпуховской фабрики «Пролетарий» стали победителями Всероссийского конкурса

пряделниц. Конкурс, состоявшийся недавно на Купавинской фабрике под Москвой, явился смотром передового опыта. Все двадцать его участниц показали отличное мастерство.

Фото А. ЕЛАНЧУКА.

ПРИГЛАСИЛИ СЕВЕРЯН

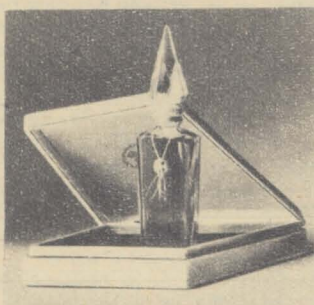
В пионерских лагерях, расположенных на побережье Черного, Азовского, Балтийского морей, в живописных уголках Украины и Подмосковья, нынешним летом отдыхают 43,5 тысячи школьников, живущих в Коми, АССР, Мурманской и Архангельской областях. А

профсоюзные организации Краснодарского и Ставропольского краев, Украины, Грузии, Армении, Азербайджана, Ульяновской, Волгоградской и Ростовской областей пригласили на отдых в свои пионерские лагеря детей нефтяников Тюмени.

В. КРИВЧЕНА

Выставка ароматов

Незаинтересованных, скужающих посетителей (вернее, посетительниц) на этой выставке не было. Зрелище было действительно впечатляющим: в двух больших залах Политехнического музея в Москве на стеллажах и стендах собраны лучшие образцы отечественной парфюмерии и косметики. Духи «Мана Дзимтене», «Ярославна», кремы «Березка» и «Мария», шампунь «Наташа», мыло «Алые паруса» и другие полюбовавшиеся женщинам изделия — всего 700 названий — представили на выставку 15 ведущих предприятий страны.

Разработку рецептур и испытание новых изделий косметологи ведут в сотрудничестве с учеными-медиками. Вот, к примеру, крем «Малышам» и лосьон «Огни Москвы» прошли испытание в двух научно-исследовательских институтах, получили хорошее заключение специалистов, и теперь врачи про-

писывают их людям, страдающим аллергией. Такая выставка проводится впервые. Цель ее — вместе с посетителями оценить качество советской парфюмерии, чтобы в будущем еще лучше удовлетворять запросы потребителей.

Т. ВЕНЦИМЕРОВА

«А ну-ка, женщины!»

«Дорогая подруга! Приходи на чашку чая!» Такие письма получили многие женщины Небит-Дага. Городской женский совет приглашал их на встречу-конкурс «А ну-ка, женщины!». Жюри предстояло решить: кто окажется самой веселой и находчивой, кто приготовит самый вкусный и недорогой пирог?

У входа в новый городской Дом культуры члены женсовета встречали гостей, вручали каждой памятный значок.

Открыла встречу секретарь горкома партии Гуля Мур Айтанова. Она рассказала о планах работы вновь избранного женсовета и призвала женщин деятельно участвовать в общественной жизни города. А потом все сели за столы, которые поместились от тортов, пирогов и плюшек. Сколько было шуток, песен, добрых разговоров! Как много, оказывается,

живет среди нас веселых, остроумных, талантливых женщин!

Уже вечером под гром аплодисментов жюри вручало победителям призы.

М. КЛЫЧЕВА,
председатель городского женсовета

г. Небит-Даг,
Туркменской ССР.

ПО НОВОМУ ПРОЕКТУ

Две школы, построенные за последние годы в Сочи по проекту Натальи Васильевны Миловой, стали архитектурной достопримечательностью города. Светлые тона здания, солнцезащитные ребра, козырек на крыше, открытая площадка — сразу видно, что создавались школы для жителей юга.

Школа № 1 (на снимке сверху) — это целый архитектурный ансамбль. Само здание четырехэтажное, к нему примыкают три двухэтажные пристройки — физкультурный зал, актовый зал с широкоэкранный киноустановкой и плавательный бассейн. Классы, кабинеты, оборудованные по последнему слову техники, отделаны пластиком, деревом, покрашены в светлые, приятные для глаз цвета. Очень хороши и внутренние дворники школы, где ребята проводят перемены. Здесь замощенные дорожки, цветники, бассейны. Проект школы № 8 (на снимке внизу) отмечен премией Госстроя РСФСР.

С. ЖИВОТИНСКАЯ

Фото В. НАЙШУЛЯ.

КРАСИВО И ЭКОНОМНО

Обеденные и письменные столы, которые сходят с конвейеров «Миассмебели», пользуются большим спросом у населения. Всех привлекает красивая отделка. А между тем столы облицованы... бумагой. Только особой. Технолог Мария Константиновна Берсенева первая на комбинате «Миассмебель», да и во всей фирме «Южуралмебель», стала применять для облицовки столов текстурную бумагу, имитирующую дерево ценных пород. Благодаря этому на комбинате экономлено немало квадратных метров древесины.

Н. МИТРОФАНОВ

г. Миасс.

Наш вклад

В аптеке № 36 города Куйбышева есть альбом, в котором отражаются успехи этого коллектива коммунистического труда, отмечают его передовики. В альбоме я увидел грамоту, подписанную председателем Советского фонда мира. Вот уже семь лет фармацевты участвуют в сборе средств для Вьетнама. Их поддержали коллеги из всех аптек области. Результат общих усилий значителен: только за последние два года в фонд мира перечислено около десяти тысяч рублей.

Много сил отдает этому делу управляющая аптекой № 36, бывшая фронтовичка Анна Николаевна Ратникова. Она выступает перед жителями с расказами о борьбе народов за мир, о Советском фонде мира, участвует в выпуске плакатов и в организации фотовитрин.

Примерно от 1 200 организаций города Куйбышева и области регулярно поступают взносы в фонд мира. За

последние пять лет их вклад составил 4 миллиона рублей. Весомы и личные вклады куйбышевцев. Жительница села Курумоч А. Н. Ситникова внесла трехмесячную пенсию. Значительные суммы из личных сбережений внесли в фонд мира К. Н. Барбанова из Куйбышева, О. И. Конданова и А. Г. Гладкова из Сызрани. Шесть лет подряд делает свои взносы Т. И. Шафранская, молодая мать из г. Новокуйбышевска. Поэт Степан Щипачев хорошо сказал в одном из стихотворений:

Хоть и не наши города
горят,
Не наш край неба
заревом окрашен,
Но где бы враг
ни выпустил снаряд —
Он делится и в будущее
наше.

Ф. КОЛЕСНИКОВ,
учитель

г. Куйбышев.

Гаврилов стал полярником: зимовал на далеких станциях, дрейфовал на льдинах. Он привык к этой жизни, и она была ему ^{во} душе. Как когда-то на фронте, здесь тоже ценили мужество и силу, а постоянная опасность цементировала дружбу людей, нуждающихся друг в друге, как нуждаются идущие в бой солдаты. Когда лопалась льдина или на лагерь шли торосы, Гаврилов сутками работал, перетаскивая домики, спасая оборудование и расчищая взлетно-посадочную полосу. Дизелист и механик-водитель, который работает за двоих, да еще и равнодушен к спиртному, — таких на Севере уважают. И получалось, что не только Гаврилов нашел себе дело, но и дело нашло его.

А вот жениться ему никак не удавалось. Возвращаясь на материк, Гаврилов не раз пытался найти подругу по душе, но как-то неудачно. Жених он был завидный, с положением и деньгами, многие одинокие женщины, каких после войны был широкий выбор, охотно пошли бы за него, и вокруг Гаврилова вечно плелись брачные интриги. И не то чтобы он был слишком привередлив или чрезмерно ценил себя, просто не встречалась ему такая женщина, которую бы он смог полюбить. А без любви Гаврилов жены не хотел и перебивался случайными связями, иногда продолжительными, иногда быстротечными. В зимовку он завидовал товарищам, мечтавшим о встречах с женами и детьми, давал себе слово, что на этот раз бросит на материке якорь, но снова возвращался, и все шло по-старому.

Однажды, получив отпускные, застрял он из-за пурги в Архангельске. И пурга давным-давно прошла и товарищи улетели на юг, а Гаврилов так и остался в гостинице, коротая дни и дожидаясь вечера, чтобы проводить до дому медсестру Екатерину Петровну. Полюбил ее Гаврилов всем сердцем, с первого взгляда, как бывает только в книгах. Ей было лет под тридцать, и у нее имелся соломенный муж, летчик, временами левтавший по этой трассе и навещавший жену по несколько раз в году. Подруги жалели сестричку, но, поскольку она была хороша собой и горда, жалость эта была не очень искренняя. Благосклонности Екатерины Петровны добивались многие, но повода сплетням она не давала и отваживала ухажеров корректно, но решительно. С Гавриловым, однако, дело обстояло по-иному,

вал явно равнодушную к нему официантку. Но летчик пренебрегал женщиной, которую Гаврилов боготворил, и потому был в его глазах олицетворением всех пороков.

Разговора не получилось. Узнав, чего хочет от него этот увалень, летчик засмеялся и позвал товарищей.

— Еще один претендент на Катину руку! — поведаль он. Засмеялись и товарищи. — Ставь бутылку коньяка — и бери. А нет денег — дарю мою Катюшу бесплатно!

При всей своей вспыльчивости Гаврилов остерегался драться: боялся потерять над собой контроль и изуродовать человека. Но такого страшного гнева в жизни своей он не испытывал. И не сдержался — изо всей силы ударил кулаком по красивой роже. К счастью, летчик успел перепугаться и чуть отклонился, но все равно его долго приводили в чувство и ждали, пока он не оказался в состоянии дать показания для протокола. И — удивительное дело! — проснулась в человеке совесть. Сказал, что сам виноват и претензий к Гаврилову не предъявляет, поскольку надеется в будущем рассчитаться самостоятельно. На том и расстались.

Дома Гаврилов пробыл недолго: тосковал и не находил себе места, пока не уехал вместо заболевшего водителя в антарктическую экспедицию. Два трудных похода потребовали такого напряжения сил, что травма, казалось, прошла сама собой. Но когда «Обь» пришвартовалась к причалу Васильевского острова, Гаврилов с трудом заставил себя занести домой вещи: непреодолимая сила тянула его в Архангельск. Переоделся, схватил такси, поехал в аэропорт и через несколько часов оказался на тихой архангельской улице. Постучался, вошел. Екатерина Петровна, бледная и неузнаваемо похудевшая, кормила из ложечки годовалого мальчика. Посмотрел на него Гаврилов, и сердце его перевернулось: сын... Обнял он безмолвную Катю, поцеловал заревевшего мальчишку и в этот же день увез их в Ленинград.

И с того дня не было человека счастливее его. Он жил ради Кати и сыновей, которых у него стало трое, и, думая о них в разлуке, боялся верить своему счастью.

Ради них стал осторожнее и мудрее, берег себя и не лез на зряшный риск, если того не требовало дело. В походах не снимал связанный Катей свитер, а к ночи, ложась спать, вынимал из

БУДЬ ЗДОРОВ, БАТЯ!

ВЛ. САНИН

безошибочная интуиция немало пережившей женщины подсказала Екатерине Петровне, что этот огромный и вспыльчивый человек, который немеет при ее появлении, добивается от нее не мгновенной милости, а неизмеримо большего. Про себя она назначила Гаврилову испытательный срок — один месяц только до порога, а потом, поверив, сдалась. Гаврилов совсем потерялся от счастья, две недели любви стали для него высшей наградой за всю его жизнь. Но однажды она сказала: «Знаешь, Ваня, обнимаю тебя, а думаю о нем. Уходи, Ваня, прости меня». Гаврилов оделся, молча ушел и с первым же рейсом улетел — искать соперника. И нашел в летной гостинице Хатанги. Посмотрел на него Гаврилов и честно признался себе, что сравнение не в его пользу. Летчик был высок, мужествен и красив. «С такой мордой только в кино сниматься», — хмуро подумал Гаврилов, сознавая, что по сравнению с мужем Екатерины Петровны он выглядит, как глыба неотесанного гранита. Гаврилов не любил таких людей, каковым, по его мнению, все дается в жизни без труда: и расположение начальства, и успех у женщин, и всякая другая удача. А к этому человеку он испытывал особую неприязнь. Если бы летчик любил Екатерину Петровну, Гаврилов, наверное, простил бы ему и красивое лицо, и превосходно сшитую форму, и даже откровенный взгляд, каким он ошпы-

планшета фотокарточку, на которой была его семья, и на сердце у него теплею.

Так и прожил пятьдесят лет Гаврилов, бывший комбат, а ныне «старый полярный волчара», как называли его друзья. Много раз дрейфовал, исколесил вдоль и поперек Антарктику, повидал столько, что хватило бы и на несколько жизней. В разводах тонул — не утонул, в трещины падал — выкарабкивался. И во всех испытаниях не покидала его вера в счастливую звезду. Ничего в жизни не давалось ему сразу, за каждую удачу платил он потом и кровью, но если бы можно было снова пройти этот путь, то снова прошел бы без сомнений и колебаний, не сворачивая ни на вершок.

...Санно-гусеничный поезд антарктической экспедиции скрылся за снежной пеленой, и Гаврилов остался один.

Сейчас половина первого. Часа через полтора ребята останутся на обед и увидят, что батя отстал. Еще полтора часа — на возвращение. А если догадаться отцепить цистерны от «Харьковчанки» — самой мощной машины, их главного жизненного центра, то минут через сорок. Итого, три часа либо два часа десять минут. Впрочем, это все равно — больше полутора часов ему не выдержать.

Ночь и снежное кружево отгородили Гаврилова от всего остального мира.

Метель не раз пыталась его погубить. Однажды на мысе Шмидта, налетев внезапно, как разбойничья шайка, она застигла

Отрывок из повести «72° ниже 0», которая полностью будет опубликована в журнале «Знамя».

Рисунок А. ШЕРВИНСКОЙ.

его на пути от аэропорта к поселку. Тридцать метров в секунду, видимость — ноль, одна надежда — диспетчер Татьяна Михайловна вспомнит, что не дождался автобуса Гаврилов и пошел пешком. Вспомнила, послала вдогонку вездеход. На сирену вышел или приполз, уже почти не помнил. В другой раз в Мирном, когда скорость ветра достигла пятидесяти метров, отправился с поисковой партией спасать пропавшего аэролога и чуть было не свалился с барьера на припай — в последнее мгновение успел ухватиться за леер. И на дрейфующей льдине с полчаса вертелся вокруг домика, остался без сил и, сбитый с ног ветром, ударил головой в дверь — спасся.

Выжил в настоящую пургу — и погибнуть теперь из-за никчемного ветришки пять — семь метров в секунду... Никчемный, а сделал свое дело: взметнул снег, засеял воздух мельчайшими пылинками, уничтожил видимость.

Был бы у него тягач с балком — «ноу проблем», как говорил американский геофизик, который зимовал на «Востоке». Забрался бы в балок, разжег капельницу и отсиделся в тепле. Значит, допустил ошибку: последний тягач обязательно должен быть с балком. И еще одну ошибку допустил или небрежность — один черт, как назвать: не наладил переговорные радиации на первой и последней машинах, понадеялся на ракеты. А все ракеты сгорели во время начавшегося на одной из машин пожара.

Многовато ошибок на один поход, расстроился Гаврилов. Ко-

му-то нужно за них расплачиваться, и справедливо, что жребий этот выпал ему.

Стал решать, как поступить: отсидеться ли в кабине, пока не уйдет тепло, или сразу разжигать костер. Конечно, нужно отсидеться. Двигатель остынет минут через двадцать, и в эти минуты в кабине будет плюсовая температура. Еще с полчаса морозу придется штурмовать тягач, чтобы проглотить остаток тепла. Значит, покинуть кабину следует не раньше, чем минут через пятьдесят. И тут же внес поправку: через сорок, потому что заколеченешь — рукой не двинешь, а разжечь костер — дело нешуточное, много сил потребуется.

Прикинул план: сначала наломать на куски или распилить остаток горбыля, снести его в колею, намочить тряпку в канистре с бензином и поджечь. Это первый вариант. Второй вариант такой: проделать то же самое, но разжечь костер прямо в санях, чтобы пламя охватило доски, которых имелось кубометра полтора. Вариант более надежный, но в этом случае поезд останется почти что без дров, разогреть масло и солжар будет нечем. Так что второй вариант отпадает.

И решил он, что пожертвует самое большее горбылем и двумя-тремя досками. Тогда дров ребятам, пожалуй, хватит с учетом того, что километров через двести — триста морозы ослабнут, а на «Востоке-1» и «Пионерской» можно наскрести для костров всякого хлама — разбитых ящиков, вех и прочего. Итак, горбыль, две-три доски — и ни одной щепкой больше.

И пока в кабине было еще тепло, стал писать докладную.

«Начальнику САЗ тов. Макарову
Алексею Григорьевичу
23 марта 0 час. 35 мин.

Докладываю, что в двадцати километрах от Комсомольской заглох ведомый мною тягач с хозсанями. Предполагаю, что расплавились подшипники колесчатого вала. В связи с отсутствием переговорных раций, видимости и ракет данное происшествие для экипажа поезда осталось неизвестным. Нахожусь в кабине, которая быстро охлаждается и на исходе примерно часа сравняется температурой с наружным воздухом минус семьдесят один градус (такова температура отмечена на начало движения в 21 час по местному времени).

Принял возможные меры для предотвращения утечки тепла: забил щели в кабине ветошью и укутался чехлом. По окончательному охлаждению кабины буду разогреваться работой, а также зажгу костер из горбыля и двух-трех досок.

Учитывая, однако, что принятые меры могут оказаться лично для меня недостаточными, прошу не винить за последствия экипаж поезда, поскольку именно я проявил халатность в отношении раций и ракет, а идущий впереди Савостиков никак не мог видеть, что тягач № 36 заглох, так как на 23.30 видимость стала ноль из-за пороши.

Алексей Григорьевич! Синицын не подготовил топливо, отсюда все наши беды...»

Зачеркнул тщательно последнюю фразу. Сами разберутся, кто виноват, а то получается, что он, Гаврилов, жалобу сочиняет, а не деловую докладную записку.

И продолжил:

«Григорьевич! Начальником поезда назначь Никитина, заместителем Игната Мазура и подтверди радиограммой. Если что, друг, не поминай лихом. Твой Иван».

В кабине стало заметно холоднее. Паста из шариковой ручки не выдавливалась, и Гаврилов достал карандаш.

«И. о. начальника поезда тов. Никитину В.

Валера! Поставь Давида замыкающим. Мой тягач брось, сними с него что надо, а сани пусть подцепит Савостиков. Учти, на сотом километре у зоны трещин вежи занесло, в пургу ни шагу, стой, пока Маслов не проложит курс. Характеристики на всех пиши с Игнатом и обсуди на коллективе. Если никто не вылезет из оглоблей, дай всем положительные. Если на «Пионерской» сумеете забраться в дом, то на камбузе есть соль и десяток мороженых гусей, точно помню. Ну, байвай.

Гаврилов И. Т.

Сынки! Держитесь друг за дружку — и черту рога обломаете.

Батя».

По тому, как замерзли руки, державшие карандаш и записную книжку, понял, что температура воздуха в кабине опустилась много ниже нуля. Наверное, каждую минуту холодает на градус, а то и на два. Последние, самые трудные строчки — и пора выходить, жечь дерево. Растер кисть, погрел ее в перчатке и стал медленно выводить:

«Катюша, сыночки! Уж такая случилась неудача...»

Гламу заняло сердце, горький спазм перехватил дыхание.

Смерти Гаврилов не боялся — слишком часто за пятьдесят лет она подкарауливала его, и он привык к мысли о том, что рано или поздно звезда перестанет светить. Как и все старые полярики, он никогда не говорил об этом, но знал, что не опозорит свой последний час излишней суетливостью, которая, бывает, перечеркивает все хорошее, что имел человек при жизни. Умереть — это больше не знать и больше не увидеть: не знать, дойдет ли поезд, не увидит Катю и мальчишек.

И письмо его — последнее!

Осознав этот факт, Гаврилов решил, что писать письмо не станет. Он не любил возвышенных и выспренных слов, какими говорят в театре, а именно такие слова и просились на бумагу. К тому же пальцы уже не гнулись, буквы получались корявые, и Катя подумает, что писал он в судорогах. Не к чему ее травмировать, и без того слезами изойдет.

Вспомнил, как провожали его пять месяцев назад на причале Васильевского острова. Было ветрено и сыро, ребятишки замерзли, и Катюша отравила их в помещение, а сама стояла внизу и неотрывно смотрела на него, печальная, гордая, все еще красивая. «Королева у тебя жена, Ваня», — с уважением сказал Макаров. И Гаврилов вздрогнул тогда от этих слов, потому что про себя всегда называл ее королевой, владычицей своих мыслей и своей жизни, счастьем своим незаслуженным.

И оттого, что никогда, быть может, не увидит больше Катюшу и его рожденных для него сыновей, заняло у Гаврилова сердце, перехватило дыхание.

«Эх ты, сплунтяй! — обругал он себя. — Нашел время размагничиваться. Мороз в кабине градусов под пятьдесят, наверное. Нужно выходить, пока не окончательно сковало суставы».

Вышел, захлопнул дверцу кабины. Ветер резанул лицо холодным огнем, пробил подшлемник и шарф, словно бумагу. Но

дует, однако, слабее, метра три в секунду, не больше. И видимость кое-какая появилась, снежную пыль прижимает вниз. Это хорошо, но недостаточно. Уложилось бы пыль на поверхность — Ленька, обернувшись, заметил бы, что за ним никого нет.

...Не бывать бы Леньке в Антарктиде, если б за него, родного племянника, слезно не молила Катя. Очень не хотелось Гаврилову брать Леньку, но ни в чем не мог отказать жене. Для виду поупрямился, поворчал и уступил. Полина, Катюшина сестра, в голос выла, просила зятя вернуть сына человеком. Гаврилов сердился: Антарктида, мол, не исправительная колония, но в глубине души был польщен. Пообещал, что проследит, выбьет дурь из ветреной головы. Сестры наделяли его чрезвычайными полномочиями, а Ленька слушал и ухмылялся. Против Антарктиды, впрочем, он не возражал: слава, нагрудный значок да деньги, и, говорят, немалые. Великодушно позволил себя оформить и поехал на край света превращаться в человека, как докладывал друзьям на проводах.

Леньку брат Гаврилов не хотел потому, что в его глазах племянник жены имел два крупных недостатка. Во-первых, был писаным красавцем, а к этой разновидности людей Гаврилов относился с подозрением; во-вторых, в недавнем прошлом был боксером, даже мастером спорта. А спортсменов, особенно именитых, Гаврилов не уважал вовсе. То есть признавал, что футбол и хоккей — интересные зрелища, сам не без удовольствия смотрел матчи по телевизору и слегка болел за «Зенит», но не мог понять спортсменов, тратящих свою немалую энергию столь бессмысленно на игру, не создающую никаких ценностей. За такие отсталые взгляды Васютка сгоряча обозвал отца «вымирающим мамонтом», что рассмешило Гаврилова до слез. Впрочем, своему десятилетнему первенцу Гаврилов прощал и не такие вольности.

Слушая сговора сестер по поводу Ленькиного легкомыслия, Гаврилов думал, что лет двадцать с лишним назад, когда красота осямого значения не имела, а о спорте и думать было стыдно, он бы из этого парня сделал лихого танкиста. Хотя и в Антарктиде бывают такие переделки, что вся пыль с человека слетает и раскрывается его существо. Да и женщин там нет, собутыльников днем с огнем не найдешь, нос задирать не перед кем. Тогда и посмотрим, мужик ты или тряпка.

Так Гаврилов, отбросив немалые сомнения, взял Леньку с собой. Решил пристроить его в Мирном, не брать сразу в поход, но перед самым выходом Мельнику вырезали аппендикс, и волей-неволей пришлось Гаврилову вместо надежного механика-водителя посадить на тягач племянника.

...Пока Гаврилов стоял, набираясь сил, чтобы вылезти из саней на снег, мороз добрался до костей, и он подумал, что хорошо бы сейчас свалиться, заснуть и на этом поставить точку. Обругал себя за эту мысль грубой бранью, встряхнулся и полез через решетку. Руки околели, а от них сейчас зависело все. Стал сжимать и разжимать пальцы, бить в ладоши, будто аплодировать самому себе, чуть разогрелся и начал укладывать в колее щепки для костра. Вновь выругался: вспомнил, что не смочил в бензине тряпку, а канистра в санях. Пришлось карабкаться на сани, сбрасывать канистру и выбираться обратно.

Теперь предстояла самая ответственная операция: следовало снять перчатку, достать из кармана куртки зажигалку и крутануть колесико. Снял перчатку, рванул «молнию» на кармане куртки, выхватил зажигалку, поджег тряпку и склонился над вспыхнувшими щепками.

В лицо и в грудь дохнуло живительным теплом, так бы и окунулся в него весь, как в горячую ванну. Хорошо, что догадался сложить костер в колее, меньше тепла уносит зря. По мере того, как огонь угасал, подбрасывал щепку за щепкой, и каждой щепки было жаль, потому что она добавляла секунд пятнадцать жизни.

Осталось десяток щепок, почти что ничего. Не напиться Антарктиду двумя охапками горбыля. Что еще может гореть? О досках не думать, за чужой счет Гаврилов жить не привык. Чехол от капота, старый комбинезон, что в кабине валяется, — годится, облил их бензином — и в огонь. От копоти и масляного чада драло горло, слезились глаза, но зато тепла тряпье дало много, минут на семь-восемь, даже сосульки на шарфе подтаяли.

Все, догорел костер, больше жечь нечего. Но угли еще тлели, и, чтобы это последнее тепло не пропало, Гаврилов лег на них в колею, уже не боясь того, что куртка будет дымиться. И это тепло оказалось очень значительным: оно проникло глубоко в грудь, и согретая кровь побежала в ноги, с болью побежала, вознаграждая догадливого Гаврилова мучительным наслаждением.

Но угли быстро остыли, и Гаврилов поднялся. Снегом загасил на перчатках и куртке тлеющие места, взял с кузова кувалду и попробовал поработать. После третьего удара задохнулся, бросил кувалду и полез в кабину.

Тело быстро леденело, но руки еще слушались. Не снимая

В. ЦВЕТКОВА. ЦВЕТУЩАЯ ГЛИЦИНИЯ.

перчатки, он взял карандаш и крупно вывел на листке записной книжки: 2 часа 03 минуты. Выронил карандаш и решил, что остальные люди поймут сами.

Перед самым выходом с Комсомольской, осмотрев напоследок траки, Ленька заметил, что головка одного пальца чуть вылезла. Товарищи уже разошлись по машинам, и Ленька, воровато оглянувшись, вбил головку обратно — уж очень не хотелось ему сейчас махать кувалдой и ложиться на снег. Часов пять разогревали двигатели, перемазались, устали, как черти... «А, бог не выдаст, свинья не съест, на первой же остановке смению», — подумал Ленька.

Как на грех, шли километр за километром без остановок, исключительно удачно шли, ни разу еще в этом походе такого не бывало. Радоваться бы и полплевывать через плечо, чтоб не сглазить, а Ленька совершенно истерзался, потому что мерещилась ему распутившаяся змеей гусеница, длительный ремонт и бешеный взгляд Гаврилова. На двадцать пятом километре он остановил тягач, вышел и убедился, что сделал это на редкость своевременно: головка держалась на честном слове, минутадругая — и поползла бы змея. Благословляя свою удачу, вылез из-под тягача и замер от нехорошего предчувствия.

Гаврилова не было видно. Может, проскочил мимо? Нет, колея одна, и на ней стоит его, Ленькин, тягач. То, что Никитин не просматривается, это понятно: он уже далеко, где его увидишь в такую погоду! А почему нет дяди Вани? На мгновение Ленька заколебался: может, догнать поезд, взять с собой напарника, но вспомнил, что батин тягач без балки, и, не раздумывая, развернулся и понесся назад на третьей передаче.

Тем самым механик-водитель Леонид Савостиков за несколько часов нарушил сразу три заповеди: двинулся в путь с поврежденным траком, в одиночку погнал тягач по Антарктиде и, не получив на то разрешения, вел машину на третьей передаче.

«За первое нарушение, — сказал потом Игнат, — я бы тебе набил морду. А за второе и третье — дай я тебя, друг, поцелую». Вслед за Игнатом Леньку хлопали по плечу и обнимали остальные ребята, а он счастливо улыбался, понимая, что именно с этой минуты они его окончательно приняли.

Выжил батя! Покоиться бы ему сейчас замороженной мумией на хозсянях, опоздай племяш на несколько минут. Но Ленька не опоздал, хотя и не мог понять, как это у него не лопнуло сердце, когда он выволок из кабины шестипудового Гаврилова и понес в тепло. Пока тащил, сам чуть сознание не потерял. Растормошил и растер замерзшего, довез полуживого до «Харьковчанки», которая неслась навстречу, а там уж Алексей промассировал батю со спиртом, заставил выпить стаканчик и, оживив, с помощью ребят засунул в спальный мешок.

Алексей вытащил канистру и мензуркой отмерил каждому по сто граммов. Выпили за батю здоровье и Ленькину удачу, закусили остывшими от никем не тронутого обеда антрекотами и не разошлись, остались сидеть в салоне «Харьковчанки»: пятеро за столиком, остальные на двухъярусных нарах. Ревел на малых оборотах, нагнетая тепло в салон, мотор «Харьковчанки», но привычные к грохоту уши походников вылавливали из него слова, как радисты морзянку из беспокойного эфира.

Еще раз поудивлялись Ленькиной силой, с уважением пощупали железные его бицепсы и пришли к выводу, что из полярников только сам батя имеет такие.

Гаврилов храпел, беспокойно ворочаясь во сне.

— Может, еще по одной... за батю? — искательно посмотрев на Алексея, предложил Игнат. — Нет? На нет и суда нет... Да, есть характерец у бати, скажем прямо. Никого не боится.

— А я знаю одного командира, которого батя боится, как огня, — заинтриговал всех Алексей.

— Трешников? Макаров? — посыпались предположения.

— Не угадали. Трешникова батя очень уважает, с Макаровым они друзья. А боится он только одного начальника... Кого, Ленька?

— Тоже мне загадка, — ухмыльнулся Ленька. — Тетю Катю, конечно.

— Неужто такая шумная? — поинтересовался Сомов.

— Что ты! Она голос повышает разве что тогда, когда по телефону говорит в полную слышимость. Любит...

— А двигатели-то не приглушили, — спохватился Игнат. — Вхолостую стучат! По коням, братва. Будь здоров, батя!

МАЯКОВСКИЙ НЕ КОНЧАЕТСЯ

К 80-летию со дня
рождения поэта

Статистики подсчитали: почти три четверти населения нашей страны родилось после 1930 года. Мы разминулись с Маяковским-человеком во времени, но не разминулись с Маяковским-поэтом.

Он начинался для нас детской книжкой «про моря и про маяк», он умел весело растолковать, «что такое хорошо и что такое плохо». Мы привыкли доверять ему и когда «росли года» и становилось семнадцать, он вправе был советовать, где работать, чем заниматься, а главное, «делать жизнь с когю».

А потом он являлся к нам как трибун, как агитатор. Все, что «было с бойцами или страной», было в сердце поэта, и через это «сплошное сердце», от него, от «свидетеля счастливого», приходили в сердца семнадцатилетних — нет, не факты — чувства, эмоции революции. Радость ее открытий: «Мы идем. Рабочий мира, слушай. Революция идет. Восток в шагах восстаний». Горечь и суровость ее быта: «Делю, в ладонях вешаю щепотку отсыревшую». Ее пронзающая искренность: «Товарищ Ленин, я вам докладываю не по службе, а по душе». Ее сила, ее вера: «Партия — спинной хребет рабочего класса». Маяковский донес до наших сердец огненное дыхание революции.

А однажды весной, когда приходит вопрос: «Будет любовь или нет? Какая — большая или крошечная?» — ты открываешь, что мужественное сердце поэта, сердце агитатора, горлана-главаря знает, и каково это — «гореть на негсгорающем костре немыслимой любви», что у этого сердца надо учиться любить, «ревнуя к Копернику», что истинная любовь не уместается в «квартирном маленьком мирике» и надо, «чтоб всей вселенной шла любовь».

«У меня растут года...» У тебя растут года... И вдруг оказывается: ты отсчитал их больше, чем сам Маяковский. И у тебя «седины обнаруживает стрижка и бритье». И всякие бывают минуты. И такие, когда кажется, что несешь «один — и радость, и скорбь, и прочий людской скарб». Как это важно, если есть поэт, который тебя понимает, который скажет в этот час: «Дай как другу пару рук положить на твоё плечо...»

Маяковский с нами и сегодня, в том времени, которое из его двадцатых годов виделось как грядущее. Он шагает вместе с нами «от ударных бри-

В. ИВАНОВ. МАЯКОВСКИЙ В ОКНАХ РОСТА.

гад, к ударным цехам, от цехов — к ударным заводам, туда, где «на карте Союза из каждой клетки встают гиганты — теперь уже не первой, как при нем, а девятой. Иной размах планов, иные масштабы. Но и в этом, нынешнем дне он не гость, он работает — помогает «выволакивать будущее». И сегодня из «Комсомольского прожектора» целит в лодыря главное: «Постоял здесь — мотнул туда, вот и вся производительность труда!», хлещет по разгильдяю язвительно: «Сэкономивши пятак — проэкономил трактор!» В бой «против тех, кто зря сидят на труде, на коммунизме», идет с нами Маяковский, кавалерия его острот, поднявши рифм отточенные пики.

Мы — те самые потомки, для которых поэт «вылизывал чохоткины плевки шершавым языком плаката». Но он сделал для наших душ гораздо больше. Помогая газетной строкой и плакатом решать тысячи задач, поставленных буднями, он вывел чеканные строки формул революции. Глубина этих формул понимается не сразу. Всю жизнь, перечитывая, подымаешься по лесенкам строк на высоту поэтической мысли: «Быть коммунистом —

значит
думать, дерзать,
хотеть, сметь».

Маяковский многое удивительно предвидел. Ведь подумать только: он всего один раз летал на самолете, радио при

нем едва начиналось и воспринималось как чудо, пластинки были так несовершенны, что не сберегли набата его голоса, слово «телевидение» еще не было известно. А Маяковский верил: «не то, что людской голос — передадим за сотню стран и как шевелится волос!» И передаем, даже с Луны! «И то, что казалось утопия, по миру шагает топая».

И так же «по миру шагает» сегодня сам Маяковский, на сотнях языков разговаривая с миллионами. По-прежнему слово поэта поднимает души до звезд, «взвивается золоторожденной кометой». И всегда его песня «песней будет наших бед, побед, буден!».

Маяковский не кончается.

А. ЛЕВИНА

Кто хоть раз бывал у нас в Саратовской области, знает, что на степь здесь можно намотаться вдосталь. Едва выедешь из Саратова, сразу начинается степь. Сколько охватишь взглядом — поля: золотистые, изумрудные, черные, словно воронье крыло, в зависимости от времени года.

Издавна занимаются здесь хлебопашеством. Местная пшеница считается лучшей в мире: твердая, прозрачная, жемчуг, да и только. Но, засевая поле, люди не знали, что их ждет. Не будет дождей — сгорят посевы, и семена не соберешь. А это в нашем Поволжье бывает часто.

Я давно работаю в Саратовской области и хорошо знаю, что такое степь после дождя и что такое степь, задыхающаяся от жары. Главный враг ее — засухой. В засушливые годы он, другого слова и не найдешь, прямо-таки свирепствует: случается, за три дня сжигает хлеба. За последние 72 года 26 лет были засушливыми, а 9 отличались жестокими засухами.

В результате засухи в прошлом году область недополучила значительное количество зерна. Где же выход? Выход определен в решении XXIV съезда КПСС и последующих постановлениях Пленумов ЦК КПСС — это комплексная механизация, химизация и мелиорация. Л. И. Брежнев на III Всесоюзном съезде колхозников сказал: «Чтобы покончить с этим многовековым бедствием, есть только один путь — оросить эти земли».

Да, спасение от засух одно: орошение. Даже в очень засушливом прошлом году на орошаемых полях сняли неплохой урожай. Озимой пшеницы в совхозе «Штурм», например, собрали почти по 42 центнера с гектара, а яровой на Ершовской опытной станции — по 39 центнеров.

На мелиорацию земель в последние годы государство ассигнует громадные средства. И в нашей зоне развернулись большие работы по ускоренному вводу орошаемых площадей. Создается мощная производственная база мелиорации, строятся совершенные инженерные оросительные системы. Все усилия направлены на создание в Саратовской области крупного района производства товарного зерна на поливе. Мелиорация земель стала делом каждого саратовца. За прошедшие несколько лет проделана большая работа. В 1966 году в области была одна организация по водохозяйственному строительству, а теперь только в системе «Главсредволгодострой» работают уже 43 организации, 8 тысяч специалистов. Это позволило перевыполнить план ввода орошаемых земель в восьмой пятилетке. За 1966—1970 годы было введено 32 тысячи гектаров, а в 1972 году мы ввели уже почти 41 тысячу гектаров.

В области ведется строительство крупных оросительно-обводнительных систем — Энгельсской, Приволжской и Духовницкой. Начало новой жизни степей Заволжья положило сооружение Саратовского оросительно-обводнительного канала — большой магистрали плодородия. Двойное название канала расшифровывается просто: канал и орошает земли и снабжает водой население. В прошлом году, на 12 месяцев раньше срока, волжская вода, взяв старт у Балакова, устремилась по каналу в глубину степей, к пересыхающим руслам рек — Большого и Малого Узеней, наполнила их и пошла дальше, на земли Казахстана. Волжская вода пришла и в дома жителей степных городов и сел, на промышленные предприятия и фермы.

История Саратовской области еще не знала гидротехнических сооружений подобно-

ДОЖДЬ ПО ПРОГРАММЕ

Е. В. ЛЬВОВА,
зам. начальника Управления
мелиорации и водного хозяйства
Саратовской области

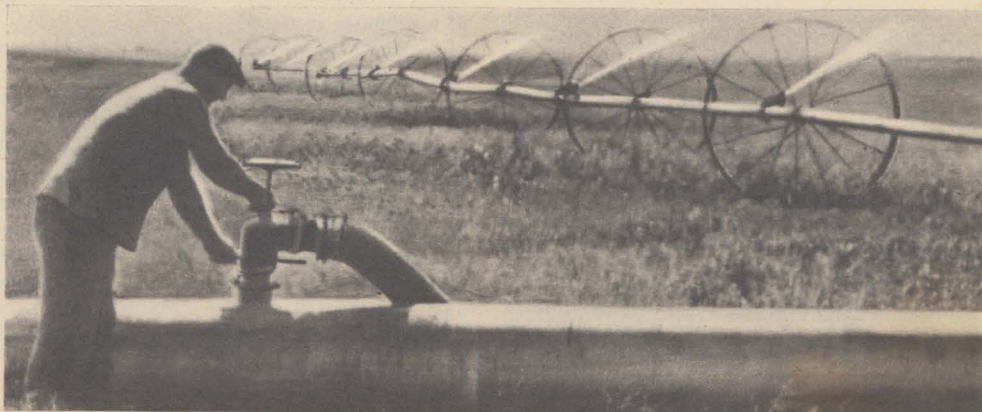
го масштаба. Длина новой степной реки 121 километр, ширина по верху 32 метра. Пять насосных станций, оборудованных в соответствии с современными требованиями инженерной мысли, качают воду в Узени. По гигантским трубам они поднимают воду вверх от одного участка к другому. Расход воды, подаваемой одной насосной станцией, в пять раз превышает среднегодовой расход крупных рек Заволжья.

Любой из строителей канала с гордостью назовет вам сегодня две даты: когда началось сооружение степной реки и когда оно закончилось. С гордостью, потому что нелегко далась нам эта стройка. Трасса проходила вдали от населенных пунктов. Жить строителям сначала пришлось в палатках, шатрах, временках. Работали и в морозы, и в метели, и в жару, в две-три смены. И техника была могучая: на строительстве насосной станции одновременно действовали 82 скрепера, 75 бульдозеров, 45 экскаваторов, до 250 автомобилей.

Саратовский канал дал воду шести самым засушливым районам Заволжья, где сосредоточены основные площади зерновых культур. В день пуска тысячи людей собрались встречать первую воду, и она медленно продвигалась по руслу, потому что истрескавшаяся, не знавшая воды земля впитывала и впитывала ее.

В этом году степи Заволжья и Казахстана получат более 500 миллионов кубометров воды, будет орошено 20 тысяч гектаров, расположенных и по обеим сторонам канала и по берегам Большого и Малого Узеней. В зоне канала идет строительство оросительных систем. Вода будет подаваться на поля по трубопроводам. Чтобы работали

«Волжанка» за работой.

дождевальные машины, возводятся насосные станции.

Продолжается и строительство новых ветвей канала, по которым тоже пойдет волжская вода. В августе будет пущен Ерусланский канал.

Создание оросительных систем вокруг Саратовского канала завершится к концу текущей пятилетки. К тому времени его водой будет орошаться около 70 тысяч гектаров. Это значит, что совхозы и колхозы Заволжья станут ежегодно получать дополнительно большое количество зерна, мяса, молока. А пройдет еще несколько лет — и Саратовский канал будет подавать воду еще на 70 тысяч гектаров. Каким образом? В Заволжье построят крупные, аккумулирующие водохранилища, которые будут наполняться водой из канала. Летом накопившуюся воду станут использовать хозяйства для орошения своих полей.

Помимо Саратовского канала, в области действует семь оросительно-обводнительных систем. И все они тоже расширяются: возводятся вторые и третьи очереди.

Ученые, специалисты и практики пришли к единому мнению, что наиболее перспективный из всех способов полива в Поволжье — дождевание, а для этого нужна техника. В области уже освоено производство дождевальных установок «Радуга».

Не так давно на наших полях появились первые дождевальные машины «Фрегат» и «Волжанка». С каждым месяцем их становится все больше. Сейчас на полях совхозов и колхозов работает около трех тысяч различных дождевальных машин. Каждая поливает в ширину почти полкилометра земли.

Есть у нас совхоз «Новый». Одна из его насосных станций известна далеко за пределами области. «Тюльпан» — так поэтично назвали ее люди. И на самом деле, по форме и красоте она напоминает распутившийся степной тюльпан. Но слава «Тюльпана», конечно, не в красоте. Станция эта автоматизированная. С ее диспетчерского пульта ведется управление и контроль за дождевальными машинами, работающими на разных полях совхоза. Дождь идет по заранее определенной программе, исходя из установленных норм и сроков полива.

Пока что в области мало таких станций, но они наглядно подтверждают: будущее за автоматизацией.

В этой пятилетке предстоит выполнить большой объем работ и по водоснабжению заволжских сел. В перспективе в Заволжье намечено построить групповые водопроводы. Эта задача не только экономическая, но и политическая. Люди верят, что волжская вода будет у них. В прошлом году хлеборобы боролись с засухой до последнего дня. А когда заработал Саратовский канал, люди приходили издали со словами благодарности нашей партии.

«Б

еру нянчица детей с 3 до 5 лет. Приносить по адресу ул. Свердлова...» Это объявление приклеено на стене торгового центра в новом городе Тольятти. Молодая женщина, что просит у меня карандашик переписать адрес, объясняет: «Квартиру легче получить, а место для ребенка в саду — проблема. Три года стоим на очереди, и конца не видать. Вот и приходится к бабкам носить. Побегу, пока не опередили...»

— Да,— подтвердили в отделе детских учреждений и в завкоме ВАЗа,— все верно, плохо у нас с этим. Да разве у нас одних? Были мы недавно в Набережных Челнах. КамАЗ только начинает строиться, а и у них тоже очередь в дошкольные учреждения многотысячная. И просчеты те же и проблемы те же. Говорят, «болезнь роста», «неизбежная болезнь городов-новостроек».

Постойте! Как же так — «неизбежная болезнь»? Строятся прекрасные новые города по проектам специальных архитектурных институтов, строятся, чтоб проверит, опробовать на них модель города будущего. Так почему же эти города должны (да еще «неизбежно») болеть? И если уж болезнь обнаружилась в одном из городов, почему ее нельзя избежать при строительстве следующего?

...Редакция журнала «Работница» пригласила за «круглый стол» всех, кого этот вопрос касается,— представителей городских новостроек и представителей государственных органов, от которых зависит решение проблемы,— Госплана и Госстроя, архитектурных и проектных институтов, министерств и профсоюзов.

«Почему в новых городах острая нехватка детских учреждений?» — такой вопрос был поставлен перед участниками встречи.

Конечно, первыми получили слово представители новых городов. Выступили заместитель председателя горисполкома Тольятти М. Г. Иванова и заместитель председателя завкома ВАЗа А. П. Осипова, из Набережных Челнов — заместитель председателя объединенного стройкома Камгэсэнергостроя М. К. Рогашева, от устьилинцев — начальник отдела Управления строительства города Т. А. Жданова.

В судьбе новых городов много общего. Города это молодежные: средний возраст жителя Тольятти — 26 лет, устьилинца — 24 года, а жителя Набережных Челнов — и того меньше — 23 года. Мудрено ли, что рождаемость здесь такая высокая? Только в 1972 году в Тольятти родилось 5 860 детей, в Челнах — 3 602. Но растут эти города не только за счет естественного прироста. Строители, металлургические, автомобилестроители едут туда со всех концов страны. Едут и одинокие и семейные, имеющие маленьких детей. В прошлом году в Набережные Челны прибыло с родителями 3 тысячи дошкольников. И еще одна особенность: это города без бабушек. Жители старше пятидесяти буквально напечерчат.

Выход один, и он давно подсказан всей практикой жизни в Советской стране,— общественное воспитание детей.

Нельзя сказать, что в новых городах не ведется строительство дошкольных детских учреждений. Они есть, и среди них немало прекрасных. В Усть-Илимске зимой мороз 52 градуса, а в детских садах свои парники и плавательные бассейны с фотариями, где после купания детишек облучают кварцем. Но беда в том, что детских учреждений мало. Вот цифры, которые приводили представители молодых городов. В Усть-Илимске за бортом детских учреждений 2 тысячи детей, хотя в городе пока всего 24 тысячи жителей. Ребятишек нередко можно видеть в кабинках самосвалов и бульдозеров—родители берут с собой на смену, чтобы не оставлять без присмотра.

В Тольятти на очереди в детские учреждения 28 тысяч детей. Из них 17 тысяч в одном только Автозаводском районе — дети рабочих ВАЗа. На ВАЗе даже требовали устроить рядом с проходными «комнаты передачи детей», то есть комнаты, где мать, идущая, скажем, во вторую смену, передает ребенка отцу, отработавшему первую смену... Не открыли комнаты лишь потому, что санэпидстанция запретила, испугавшись инфекций. Но детей все равно передают, передают на улице, рядом с проходными.

В Набережных Челнах на очереди 11 тысяч детей, а КамАЗ растет не по дням — по часам.

Тысячи дошкольников вне детского сада в молодежном городе — это значит, что тысячи молодых женщин, имеющих профессию, вынуждены сидеть дома, в то время как стройки и заводы этих городов остро нуждаются в рабочих!

Представителей новых городов поддержал директор Научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования учебных зданий и дошкольных учреждений Г. А. Градов, который сказал: «Семья временно может жить и в вагончике, но жить, не имея детского сада, школы, нельзя. Надо помнить, что сейчас не первая пятилетка, а девятая. И если мы хотим увеличить темпы капитального строительства, ускорить ввод мощностей, то надо эти мощности начинать вводить с детских садов, с жилых домов. Будет жилье, будут сады, будет рабочая сила — будут и заводы. Иначе в строительстве городов получается диспропорция, которая компрометирует самые хорошие архитектурные замыслы».

Диспропорция заложена уже в нормах, в соответствии с которыми проектируется то или иное количество детских учреждений в городе. Нормы эти — от 70 до 90 мест на 1 000 жителей — одинаковы для Москвы и для Тольятти. А рождаемость, как мы знаем, разная. Правда, есть оговорка: в зависимости от демографического состава населения количество мест может быть увеличено на 10 процентов. Но этой возможностью пользуются редко. Многие участники «круглого стола» говорили о том, что при

проектировании новых, молодых городов всегда должен браться верхний предел нормы да и сами нормы необходимо увеличивать.

Но это только одна из причин болезни. Другая, еще более тревожная: выстроено детских садов значительно меньше, чем запроектировано даже по нормам. Об этом напомнили руководители архитектурных мастерских Центрального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования жилища Л. Б. Либерман, Е. Л. Иохелес, Л. В. Станишевский.

Нужно четко разграничить два понятия — проектирование и планирование. Детский сад, запроектированный, то есть обозначенный в общем проекте города, осуществление которого рассчитано на многие годы, и детский сад, строительство которого внесено в титульный список и на его сооружение отпущены средства, далеко не одно и то же. Именно на пути от проектирования до титульного списка нередко и происходит «сокращение» строек для детей.

В зале, где шел «круглый стол», проектировщики повесили план-чертеж Автозаводского района города Тольятти. Детские учреждения были здесь обозначены квадратиками разного цвета: построенные — красными, запроектированные — желтыми. Из чертежа явствовало: лишь в одном квартале из семи выстроены все детские учреждения, намеченные проектом. В ряде кварталов, заселение которых идет полным ходом, строительство детских учреждений еще не начато. В общей сложности по отношению к построенному жилью не введено в строй детских учреждений на 4 тысячи мест. Строительство Тольятти задумано как комплексное, а комплексность как раз и нарушается.

Такое положение не только в Тольятти. В трех почти законченных жилых районах Набережных Челнов готов лишь один детский сад из шестнадцати запроектированных.

И в Усть-Илимске на строительство запроектированных детских садов не выделяет ассигнований Министерство энергетики и электрификации. В 1971 году заложили здание детского сада, но в 1972 году сняли этот объект с финансирования. Ввиду острой нужды «Братскгэсстрой» закончил стройку за счет собственных средств. И в этом году из трех запроектированных детских садов в титульном списке всего один. На два других отпущено всего 7 тысяч рублей — этого не хватит даже на привязку проекта.

«Если сокращаются ассигнования на строительство города, то снимают с плана именно детские учреждения,— говорили участники совещания.— А строительство детских садов в молодых городах нужно бы вести опережающими темпами».

«Только опережающее строительство детских учреждений снимает пиковую нагрузку в молодых городах,— заявил на заседании «круглого стола» заместитель начальника Управления строительства общественных зданий Госгражданжилстроя при Гос-

ТА — ИЛИ ПРОСЧЕТ?

М. К. Рогашева

М. Г. Иванова

А. П. Осипова

Т. А. Жданова

Г. А. Градов

Л. Б. Либерман

Е. Л. Иохелес

Л. В. Станишевский

А. В. Рыжов

Е. П. Новиков

Ю. А. Шаронов

строе СССР Ю. А. Шаронов.— Откладывать возведение детских учреждений до того времени, когда значительная часть города уже построена, недопустимо».

Но где взять средства на «опережающее строительство»?

У министерств есть право направлять сверх плана на строительство объектов соцкультбыта, в том числе и детских учреждений, до 2,5 процента средств, ассигнованных на промышленное строительство. Но правом этим воспользоваться можно только тогда, когда употреблены в дело деньги, уже ассигнованные на детсады. Чтобы получить деньги сверх плана, сначала надо выполнить план.

Но в том-то и дело, что ни Министерство энергетики и электрификации СССР, ни Министерство автомобильной промышленности СССР—главные застройщики трех городов, о которых шла речь за «круглым столом»,—не использовали в 1972 году средств, ассигнованных им на строительство детских учреждений: первое выполнило план ввода на 87 процентов, а второе—на 75 процентов.

«Детские учреждения строятся в последнюю очередь,—говорила М. К. Рогашева из Набережных Челнов.— Например, в 1972 году по плану строители должны были сдать 7 детских садов на 2080 мест, а сдали всего 4 на 1080 мест. И качество строительства на этих объектах часто низкое. Один детсад из тех, что сдали в 1972 году, уже требует капитального ремонта».

Напрасно заместитель начальника Камгэсэнергостроя В. А. Перельштейн пытался объяснить невыполнение плана ссылками на трудности и сложности сооружения детсада на 320 мест. Кто поверит, что строители КамАЗа, успешно сооружающие гигантские цехи, осваивающие миллион рублей в день, не могут справиться с «монументальным» сооружением стоимостью в 400 тысяч и сделать его так, чтобы не было стыдно перед детьми!

При таком отношении строителей не мудрено, что только в РСФСР, как сообщил начальник отдела Госплана РСФСР А. В. Рыжов, за два года пятилетки не построено детских садов на 135 тысяч мест, тех самых домов для дошкольников, на которые были и проекты и деньги.

Очевидно, за срыв строительства детских садов спрашивают не так строго, как за срыв строительства жилья или школы.

Архитектор Е. Л. Иохелес и заместитель начальника Управления строительства общественных зданий Госгражданжилстроя при Госстрое СССР Ю. А. Шаронов высказали такую точку зрения: острота положения с детскими учреждениями в молодых городах — дело временное.

В Автозаводском районе Тольятти приходится 160 детей на 1 000 жителей—значительно больше, чем в среднем по РСФСР, но через двадцать лет пик рождаемости начнет, мол, спадать. И не будут ли детские учреждения пустовать?

«Напрасные опасения! — ответила науч-

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ

ный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения при МГУ имени Ломоносова Г. Ш. Бахметова.— Последние исследования демографов доказывают, что рост рождаемости в молодых городах — тенденция незатухающая».

Представители молодых городов с цифрами в руках доказали, что если строить детские учреждения нынешними темпами, то очередь желающих поместить туда детей будет не уменьшаться, а расти. Скажем, в Набережных Челнах, где строительство города еще только набирает темпы, в ближайшие пять лет ожидается рост дошкольного населения до 30 тысяч.

Конечно, хозяева города и проектировщики должны думать о завтрашнем дне городов, чтобы «не распухли» они от чрезмерного количества детских учреждений, но можно ли согласиться с мнением архитектора Е. Л. Иохелеса, который утверждал, что пик рождаемости может продлиться 5—7 лет, а в жизни города это — мгновение.

Пять лет для города — действительно мгновение. Но в жизни ребенка именно этот срок — от 2 до 7 лет — единственный период, когда ему нужен детский сад. А в жизни его матери — молодой трудоспособной женщины — пять лет тоже не мгновение, а пятая часть ее трудовой жизни, которую она вовсе не желает провести дома. И надо искать способы помочь работницам молодых городов — не через 20 лет, а сегодня.

Участники «круглого стола» выдвинули конкретные предложения, чтобы улучшить положение с дошкольными учреждениями в городах-новостройках.

Главный инженер Управления капитального строительства Министерства автомобильной промышленности СССР Н. И. Карясов: «Мы предполагаем провести перегруппировку средств и направить дополнительные ассигнования на строительство детских учреждений».

«Надо сконцентрировать средства на строительство детских садов в руках одного заказчика — исполкома Совета, с привлечением долевого участия всех предприятий города, — предложил заместитель начальника Куйбышевгидростроя Е. П. Новиков. — Концентрация позволит маневрировать ресурсами и организовать строительство детских учреждений поточным методом».

«Можно временно создавать детские сады-филиалы в помещениях первых этажей жилых домов, — сказал представитель Госгражданжилстроя Ю. А. Шаронов. — Небольшие детские сады-группы, а питание привозить в термосах из стационарных детских садов». Ясно, что создание таких групп — мера временная, быть может, в них не удастся учесть все требования педагогов и медиков, но лучше разрешить создавать такие группы дошкольников под руководством педагогов, чем группы при «разворотливых» бабах.

Но главное предложение всех участников «круглого стола» — добиваться, чтоб строительство детских учреждений велось опережающими темпами, чтоб годовые планы ввода детских учреждений строителями безусловно выполнялись.

По предложению участниц «круглого стола» для контроля за ходом строительства детских комбинатов решено создать в городах Тольятти, Набережные Челны, Усть-Илимск контрольные посты журнала «Работница» и женской общественности городов. Сообщения этих постов о том, как идет строительство и что ему мешает, журнал будет печатать регулярно.

Запись беседы за «круглым столом» велла А. ВОЛОДИНА.

Очередное заседание Бюро Международной демократической федерации женщин в Гаане имело особые приметы. Впервые за всю историю существования Федерация проводила его на латиноамериканском континенте, на прекрасном острове Свободы, в Республике Куба. Для всех нас, участников заседания, останутся незабываемыми щедрое гостеприимство, горячие чувства дружбы и солидарности кубинского народа. Когда члены Бюро из разных стран мира съезжались в Гавану, город готовился к Первомаю. Среди красочных лозунгов и транспарантов, прославляющих революционные и трудовые подвиги героев Кубы, мы с благодарностью встречали слова приветия, обращенные и к участникам нашего заседания. Нам, советским женщинам, было особенно радостно видеть многочисленные проявления дружественных чувств к советскому народу.

Заседание Бюро МДФЖ проходило под знаком предстоящего в октябре нынешнего года в Москве Всемирного конгресса миролюбивых сил. Стремясь способствовать объединению действий различных политических и общественных сил, выступающих за реализацию целей конгресса, Бюро обратилось к женщинам мира с призывом умножать свои действия в борьбе за мир и

разоружение, национальную независимость, демократию и социальный прогресс, бороться за сокращение военных бюджетов, за повышение жизненного уровня, за счастье детей, за мир, свободный от голода и невежества, угнетения и любой дискриминации. Бюро призвало женщин принимать участие в работе национальных комитетов по подготовке к конгрессу.

Конгресс будет проходить у нас, в Советском Союзе. Участницы заседания горячо приветствовали созыв конгресса в стране, которая идет в авангарде всемирной битвы за мир.

Президент МДФЖ Херта Куусинен и генеральный секретарь Фанни Эдельман в своем письме Л. И. Брежневу в связи с присуждением ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» так выразили мысли и чувства Федерации: «Программа мира и мирные инициативы Советского государства, в которые Вы внесли неоценимый личный вклад, встретили горячую поддержку международной демократической женской общественности. Последовательное претворение в жизнь этой программы обеспечивает реальные пути и конструктивный подход к решению неотложных проблем мира и безопасности народов».

Пожалуй, одно из самых наглядных и примечательных изменений, которые произошли в жизни Индии в последние годы, — рост активности женских масс. Правительство и общественные организации всемерно способствуют этому. Но вековые традиции, складывавшийся тысячелетиями уклад жизни создают еще огромные препятствия. В Индии и сегодня из каждых пяти четырех женщины неграмотны. Мусульманка и по сию пору ведет жизнь затворницы, черная чадра скрывает ее от мира.

Не желая мириться с таким бесправием, женщины включаются в борьбу за новую жизнь.

Манна-джи выходит на трибуну

...Наши дома стоят рядом, разделяет их лишь низенький каменный забор. Я частенько украдкой заглядываю в соседний двор. Уют. Порядок. Вижу хозяйку миссис Притам Сингх в постоянных хлопотах. Кухня, дети, маленькая ферма за городом. Мне казалось, что этим и ограничен мир моей приветливой соседки. Но однажды она окликнула меня и подала конверт.

— Тут приглашение на собрание женщин нашего района. Прошу вас, приходите. — И добавила: — Это первое собрание, которое я решила вести сама.

В этом районе Дели нет богатых домов. Мехроли — район гончаров и чеканчиков, портных и мелких лавочников, сторожей и уборщиков. Они живут в домах, похожих на пчелиные соты.

— Где тут собрание женщин? — спросила я у первого встречного.

— Идите прямо. Спросите бывший полицейский участок. Его наши женщины отвоевали под зал для собраний.

Женщины сидели на цветастом брезенте, разостланном по всему полу. Одежды они были нарядно. Пестрели сари, позванивали украшения: индийские женщины любят носить их помногу. Видно было, что собрание — тот случай, когда надевается самое лучшее.

На почетных местах представительницы Всеиндийской федерации женщин, патронесса здешнего отделения Федерации — седая старушка со старомодными букельками. Местная интеллигенция представляла директором муниципальной школы и медсестрой из районного санитарного пункта.

По рядам ползали ребятишки, участницы собрания ни на минуту не оставляли привычной работы: вязали, штопали, шили, время от времени отпускная расшалившимся детям звонкие шлепки.

Говорили с места, перебивали друг друга. Каждый спешил сказать о наболевшем.

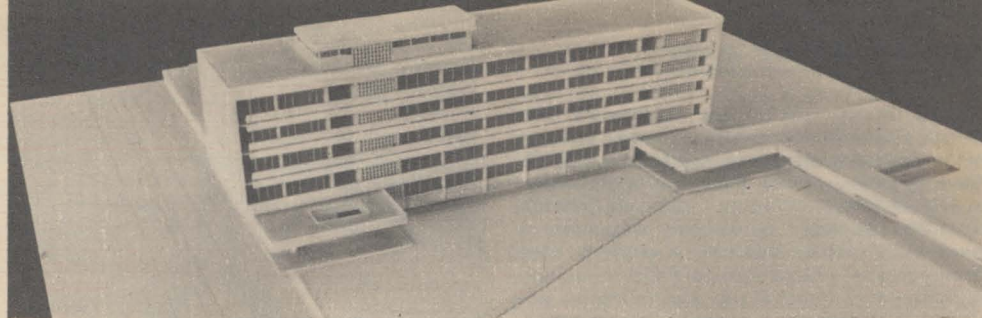
Молчаливые и робкие в присутствии мужчин, здесь они чувствовали себя свободно и

Впервые за много лет Бюро МДФЖ заседало в условиях, когда перестали падать бомбы на многострадальную землю Вьетнама. В резолюции по Вьетнаму Бюро подчеркнуло, что подписание соглашения об окончании войны и восстановлении мира во Вьетнаме, а также соглашения о восстановлении мира и национального согласия в Лаосе является крупной победой героических народов Индокитая, победой солидарности социалистических стран, победой сил мира и демократии на всей земле. Вместе с тем к женщинам обращен призыв МДФЖ: усилить бдительность, добиваться строгого выполнения этих соглашений правительством США и сайгонской администрацией, чтобы обеспечить подлинный мир в Индокитае. Бюро призвало всех женщин, все женские организации помогать матерям и детям Вьетнама и других стран Индокитая.

С чувством глубокого удовлетворения и благодарности было встречено сообщение советской делегации о том, что в ответ на просьбу МДФЖ соответствующие советские организации дали согласие приступить в ближайшее время к строительству в Ханое Медицинского центра матери и ребенка на средства, которые собирают для этой цели женщины всего мира.

Заседание в Гаване гневно осудило новые провокации израильского правительства против арабских стран и выразило свою полную солидарность с борьбой арабских народов за справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке. Моральная поддержка и материальная помощь женщин социалистических стран организациям арабских женщин и прежде всего палестинским женщинам, лишенным родины в результате израильской агрессии, получили высокую оценку Бюро.

Таким будет Медицинский центр матери и ребенка в Ханое.

Как известно, по инициативе МДФЖ и ряда других международных женских организаций XXVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН провозгласила 1975 год Международным годом женщин. Горячо приветствуя это решение ООН, Бюро отметило, что женщины внесли огромный вклад в прогресс человечества. Многие женщины отдали жизнь во имя мира, национальной независимости, свободы и демократии. В ходе этой борьбы женщины завоевали новое, более достойное место в обществе. В социалистических странах они пользуются подлинным равноправием. Но еще во многих странах женщинам приходится вести борьбу против дискриминации, даже если их права провозглашены законом. Особенно тяжело положение женщин в тех странах, где еще существует колониализм, расизм, апартеид и фашизм. Там, где агрессия и война, женщины и дети — всегда первые жертвы. Решение ООН объявить Международный год женщин — это и признание новой роли женщины в обществе и указание на необходимость устранить дискриминацию женщин там, где она существует. В

ближайшее время Федерация внесет в Комиссию по положению женщин ООН свои конкретные предложения о проведении Года. Бюро обратилось ко всем международным и национальным женским организациям с призывом использовать Международный год женщин для развития сотрудничества и проведения совместных действий. МДФЖ выступила с инициативой созвать в 1975 году Всемирный конгресс женщин, который стал бы новым этапом в борьбе за мир и национальную независимость народов, за социальный прогресс и демократические свободы, за права женщин и светлое будущее подрастающего поколения.

1975 год знаменателен для Международной демократической федерации женщин и еще одним событием: 1 декабря ей исполняется 30 лет. Навстречу этой дате МДФЖ идет, объединяя в своих рядах миллионы женщин на всех континентах.

К. ПРОСКУРНИКОВА,
заместитель председателя
Комитета советских женщин

непринужденно. По-хозяйски обсуждали разные житейские дела, ругали не порядки, высказывали свои соображения: что и как хорошо было бы сделать. Говорили о работе своей организации. Но выходявшие к микрофону стыдились собственного громкого голоса. Им было непривычно на людях говорить о том, что их тревожит.

— У нас в районе воды не хватает, и она плохо очищена...

— А как с пособиями для старух, у кого кормильцев нет?

Потом выступила Вимла Фаруки, руководительница Всеиндийской федерации женщин. Говорила с жаром, запальчиво. Женщины откладывали свое вязанье и шитье и подавались вперед, надеясь услышать от Вимлы то важное, ради чего пришли сюда.

— Вот вы говорите, что рис поднялся в цене, овощи подорожали. В том, что у вас не хватает денег прокормить семью, что у многих неблагополучно с жильем, виноваты богачи, подобные Тате, Бирле и другим, кто ворочает миллионами в нашей бедной еще стране. Они не думают о ваших интересах. Какой им толк поддерживать правительство, которое хочет облегчить вашу долю? Потуже набить свой карман — вот их интерес! Надо урезонить этих людей. Принять по отношению к ним строгие меры. И голос женщин должен играть не последнюю роль. Ведь мы — это половина населения страны! Нам надо быть вместе в борьбе за лучшие условия жизни! И еще нам надо учиться грамоте. Только образованные женщины могут понимать, что делается в мире. И отношение к нам будет другое. — Вимла помолчала секунду. — Недавно в Индии гостила делегация женщин из Советского Союза. Ее возглавляла Валентина Терешкова, летав-

шая к звездам. В Советской стране женщины открыта широкая дорога. Я была там и видела женщин, которые руководят заводами, женщин-инженеров, судей, капитанов кораблей. А ведь после революции они начинали с курсов ликбеза. С букварей, по которым учились их дети. Женщины-мусульманки смело открывали лицо и шли учиться водить трактора, работать у станков. И теперь женщина в этой стране — равноправный и уважаемый человек. А у нас? — Вимла внимательно посмотрела в зал. — Разве можем мы считать себя равноправными?

Женщины согласно покачивали головами: «Верно ты говоришь!»

— И так будет до тех пор, пока мы сами, каждая из нас не осознает, что она равноправный и свободный гражданин. А начинать, сестры, надо с семьи.

В зале опять согласно закивали. Многим из этих женщин нелегко было даже прийти на это собрание.

— Это еще что за новости! — неслось им вслед.

— А мы все-таки пойдем, — тихо, но упорно говорили женщины. Было трудно сделать первый в своей жизни решительный шаг, послушаться хозяина-мужа, пойти против вековых обычаев.

Потом обсуждали работу своей женской организации. Оказалось, что, действуя вместе, можно добиться от муниципалитета бесплатных профилактических прививок детям от полиомиелита, собрать сотни подписей под требованием положить конец росту цен на продукты питания. Они участвовали, кто как мог, в сборе средств для восстановления медицинских учреждений в Ханое. Не забыли и о вдовах и сиротах последней войны, которая пронеслась над республикой.

Видно было, что подготовка резолюций, их оглашение — дело новое и для устроителей собрания и для его участников.

— Не бойся, Манна-джи. Подойди ближе к микрофону. Тогда мы все тебя услышим! — М смущайся, Уща, читай. Сегодня по складам. Завтра научишься лучше.

Документы составляли, обсуждая каждую фразу. Женщины учились мудрой науке быть гражданками своей республики.

А потом начался концерт. Ученицы муниципальной школы, дети из самых бедных семей Мехроли исполняли танец. Это был рассказ о том, как дорого достается индийцу хлеб насущный. У девочек с худенькими ручками-тростинками танец получался правдивым и выразительным. Они-то знают цену хлебу. Завершился танец массовой припевкой, в которой говорилось: скоро в Индии все будет иметь вдоволь риса и хлеба.

Танцем руководила школьная учительница. Она же аккомпанировала одной рукой на пузатом расписном барабане. На другой ее руке мирно спал уставший от шума и духоты маленький сын.

— Конечно, все было еще не очень четко, — говорила директор местной школы, когда мы возвращались. — Видели, даже прочитать две строчки резолюции для наших женщин — целое событие.

А я поняла на этом собрании, что индийская женщина постепенно осознает свои права и все смелее ломает устаревшие традиции.

Узкие улочки Мехроли, казалось, стали еще уже. Это высыпали на улицу дети. Хозяйки выставили на тротуар жаровни и варили ужин. Улица для них была одним большим домом.

А. ЩЕДРОВА

г. Дели.

Невысказанный вопрос

Катер «Амур» отходил из Находки в Восточный Порт. В последний момент на борт вошел длинный парень в клетчатом шарфе. Кто его знает, как и почему, но пассажиры — и бабка с пустыми ведрами, удачно расторгнувшаяся на рынке, и девчата в ярких нейлоновых куртках, и матрос, убравший концы, — с одного взгляда определили: новичок, в первый раз едет. Парень осмотрелся и выбрал место рядом с пожилым, степенным мужчиной. Стараясь быть невозмутимым, спросил:

— Ну, как там у вас, в Восточном, есть работа?

— Работа? Смотря какая...

— Шофер я.

— Значит, есть.

— А общежитие?

— Есть.

— А столовая?

— И столовая.

— А заработки?

— Заработки будут.

Казалось бы, на самые фундаментальные вопросы бытия были даны исчерпывающие ответы. Но парень явно хотел спросить еще о чем-то. Не спросил. Отвернулся и стал смотреть на идущие навстречу катеру волны, на далекие, медленно плывущие берега. И тогда в его глазах можно было прочесть последний вопрос: а счастье здесь есть? Счастье, за которым человек готов ехать, лететь, идти пешком хоть на край света.

Кстати, место, куда шел «Амур», как раз и было самым настоящим краем света. Земля тут кончалась, и начиналась иная стихия — море.

Рождение Восточного было предопределено Директивами XXIV съезда партии. А цели строительства, его масштабы, высокая пропускная способность порта как нельзя кстати отвечают положительным переменам в международной обстановке, характеру возникающих сегодня внешнеэкономических связей.

Если прибавить к этому, что семьдесят восемь процентов внешнеторговых грузов перевозится по морю, то вряд ли нужно разъяснять важность создания этой крупнейшей морской торговой базы.

В будущем году первый корабль бросит якорь в новом порту.

Подходящий характер

— Хотите познакомиться с самой интересной женщиной? — улыбнулся Виктор Алексеевич Яценко, директор строящегося порта. — Пожалуйста. Ее зовут Нина Ивановна Громакова. Знаете, какие она торты печет! Каждый праздник — новый торт, и ни разу не повторилась. А в нашем деле оригинальное решение — первейшая вещь. — И, оставив шуточный тон, добавил: — Таких гидротехников, между прочим, днем с огнем ищут, а нам повезло... Характер у нее для нашей стройки подходящий.

До Восточного строила Нина Громакова порт Осетрово у Братска, Усть-Илимскую ГЭС, железную дорогу Абакан — Тайшет. Отличная «география» для инженера-гидротехника. Но морской стройки у нее еще не было.

— Может быть, посидите, Нина Ивановна, для начала в дирекции, — предложили ей.

— Нет, и не уговаривайте.

Каждое утро в сапогах, куртке, брюках, платке, спасающем от пронзительного холодного ветра, добирается она из Находки катером или машиной на свое рабочее место. Блестит под солнцем зеркало бух-

Рая Федорова (впереди, справа) со своими девчатами.

Фото И. Гусева.

СТРОИТСЯ ВОСТОЧНЫЙ ПОРТ

С. ЛАПТЕВА

ты — полтысячи морских гектаров. Возвышенные берега покрыты лесами. Вдаваясь глубоко в сушу, бухта хорошо защищена от ветров и волн. Благоприятный ледовый режим позволит принимать суда круглый год. Большегрузные морские щеповозы, контейнеровозы, лесовозы, углевозы будут

швартоваться у причалов, технический надзор за строительством которых и осуществляет главный технолог дирекции строящегося Восточного Порта Нина Ивановна Громакова.

— Уровень моря — это нулевая отметка, — популярно разъясняет мне Нина Ива-

новна, — с нее, собственно, и начинали. Обычная, земная стройка идет от нуля вверх, а наша — морской порт — вниз, вглубь, под воду.

Прежде всего надо было подготовить — углубить и выровнять — дно. Подводная часть современного корабля достигает высоты 4—5-этажного дома.

Круглые сутки работали мощные земснаряды и землечерпалки, вынимая тысячи кубометров грунта. Громакова тщательно следила за ходом работ. И когда наконец строители «предъявили дно», она знала наверняка, что не осталось там ни коварных пузырей, ни ям — будто ровной скатертью выстлали кораблям дорогу.

Потом плавкопер, ухая на всю бухту, забивал в грунт длинные металлические шпунтины. Сцепляясь друг с другом, они плотной стеной отрезали кусок моря, определив границу будущих причалов. Слово береговой форпост, шпунтовая стенка примет на себя все удары моря, и ее нужно сделать особо прочной.

Причалы — сложные гидротехнические сооружения, им служить долгие годы. Им, главным объектам стройки, отдает Нина Ивановна свое время, заботу, знания. Проверяет, соответствуют ли марка шпунта, его размеры техническим условиям; точно ли по проекту растет причальная стенка; тщательно ли сделана изоляция, предохраняющая металлоконструкции от коррозии; достаточно ли тверд грунт для засыпки, осматривает каждую многотонную плиту, определяя по незаметным постороннему глазу признакам ее долговечность.

Легкими, быстрыми штрихами Нина Ивановна чертит в моем блокноте схему:

— Вот это причал для технологической щепы. Здесь будет лесной. Угольный. Пассажирский. А этот для контейнерных грузов. Никогда еще у меня не было стройки такого размаха, объектов такой важности. И ощущения такой, как бы это сказать, личной ответственности за все.

— А я слышала, — говорю я, втайне любящая какой-то вдохновенной красотой ее лица, всего ее облика, — слышала, что вы прекрасно разбираетесь и в технологии изделий, гораздо менее долговечных, чем причалы...

— Ах, торты... — смеется она. — Это только по праздникам, когда собираются друзья. Коллектив у нас дружный, и мне приятно, если мои печенки нравятся. Хотите, приходите в воскресенье. В будни, сами понимаете, некогда.

Девчата из плавстройотряда

— Девочки, машина!

Рая Федорова опустила руку с мастерком, прислушалась. По всей вероятности, «МАЗ» перебрался вброд через речушку и сейчас брал последний подъем. Она слезла с подмостей и пошла к выходу. Уже несколько дней бригада работала на отдаленном объекте, и подвоз материалов сдерживал темп.

Шофер еще не выключил мотор, а Рая уже закидывала его вопросами:

— Ты что привез? Краски? Плитку? Олифу?

Бросив взгляд на бетонные блоки в кузове, протянула разочарованно:

— Опять не мне. Нам же неинтересно сложа руки сидеть. Девчата с меня требуют работу. — И уже с досадой спросила: — А Хаустова тоже не привез? Павла Федоровича, мастера нашего?

Махнув рукой, вошла в здание. Повсюду красные, зеленые, синие косынки. Девчата вроде бы и не заметили, что бригадир рас-

строен. Каждая занята своим делом. Голубурда, тоже Рая, размешивает в бочке свежий раствор. Галя Бармина, приподнявшись на цыпочки, подает ведро на подмости.

— Рая, а эту трещину затирать? — спрашивает Геля Позедалова. На нее приятно смотреть. Румянец во всю щеку. Из-под кепочки выбиваются короткие светлые пряди.

— Рая, а где взять гвозди?

— Вторую побелку начинать, Рая?

Все как обычно. Только Зина Маковская, комсорг бригады, взмахнула ресницами, чуть заметно кивнула: ничего, мол, еще подождем.

Мастер Хаустов появился к концу дня. Вошел с некоторой опаской: встреча с Федоровой не сулила ничего хорошего. Говорят, один раз она, махнув через забор, а заодно и через все инстанции, остановила машину заместителя начальника строительства и потребовала обеспечить работой свою «загорающую» бригаду. Вот и сейчас в упор устала свои глазищи:

— Как же вы забыли, Павел Федорович! Я ж вам сколько говорила: краски пришли, плитку, олифу. Нам кисти нужны...

— Нет кистей.

— Есть. Я в ту пятницу сама видела. И скажите, чтоб окна стеклили: от сквозняков голова и уши болят. Еще попрошу: выпишите нам сапоги кирзовые.

— Я узнаю, можно ли...

Хаустов, кивнув, уходит. Но звонкий голос нагоняет:

— Слушайте, куда ж вы, Павел Федорович? А размер разве знаете какой? Тридцать восьмой и тридцать девятый. Сорок пятого не требуется.

...Если встать пораньше, можно успеть до работы сбежать в сопки — они сразу за домом — и набрать пионов. Солнце взошло недавно, и легкие облака, разбегаясь по небу, еще несут на себе золотистые краски зари. Цветы, один краше другого, манят Раю все дальше. С крутого склона увидела море, синее, спокойное. Далеко она забралась. Но как легко ей тут дышится!

«Какая я была дура, — усмехается Рая, — ведь совсем не знала, что он за человек...» Короткое знакомство, недолгая переписка, и она уже входит в чужой, незнакомый дом — женой. Дом этот в небольшом украинском городке так и остался чужим. Как он ударил ее тогда, в первый раз... Надо было бы сразу уйти. На что-то надеялась... А потом не ушла — убежала с дочкой на руках куда глаза глядят. Через всю страну, лишь бы подальше. По дороге продала туфли, платье, колечко золотое, ненужное, не принесшее счастья. Вскоре после приезда Раю Федорову послали в Находку, на конкурс маляров-штукатуров, и она заняла второе место. Впервые за долгое время почувствовала себя счастливой.

Рая наклонилась за цветком и вдруг увидела чудо: маленький пятнистый козленок стоял под кустом, пытается удержаться на тонких ножках. Рая протянула ладонь, мягкая мордочка доверчиво уткнулась в нее.

— Вот будет подарок Оленьке! Идем-ка со мной, глупыш.

Я спросила Раю, как она отважилась в такую даль везти с собой дочку, если было с кем оставить ребенка на год-другой.

— Что вы! — тихо ахнула Рая. — Оля мне дороже всего. Люди без детей, по-моему, оторванные от радости.

«Оторванные от радости» — это было метко сказано, и я больше ни у кого не спрашивала, почему так много маленьких жителей в поселке плавстройотряда, само название которого свидетельствовало о непрочности, временности, неустроенности

житейской. Открытие детского сада стало одной из первых забот строителей.

Удивительный это детский сад. Стекла его заклеены крест-накрест бумажными лентами. Кухня и прачечная разместились в полевом вагончике. А в шкафчиках для одежды распыляются лучи сиреневые морские звезды, прихваченные на прогулке. Дети играют «во взрывы и эвакуацию». «Внимание, внимание, — объявляет важно малыш, — через двадцать минут будет взрыв. Прошу покинуть опасную зону». Игра отражает жизнь: почти каждый день детей увозили на машине подальше, потом гремел взрыв, а когда они возвращались, сопка возле поселка становилась все меньше.

Но взрывы эти не были страшными. Не разрушали — созидали.

Когда я познакомилась с девчатами из бригады Раи Федоровой, мне показалось, что кое-кого из них поднял с места и принес сюда, на Дальний Восток, вот такой же, созидающей силы, только внутренний душевный взрыв.

— Не езд, дочка, не езд, — сокрушалась мама Тамары Бусел. — Ты у меня такая маленькая, ложусь спать и вижу, как тебя кто-то обижает...

Мы стоим с Тамарой у костра за десять тысяч километров от ее дома, от мамы, и ветер то и дело бросает в лицо космы горького дыма. Девушка подкидывает в огонь обломки досок, сухие ветки. Когда вода в ведре нагревается, она относит ее девчатам и ставит новую.

— Дома у меня из окон река была видна, а теперь — море. А море реки поглубже... И проверка на прочность здесь у нас, конечно, основательная. Но мама зря боится: я хоть и маленькая, а в обиду не дамся. Это ведь от тебя самой зависит. Как вы считаете?

Когда Тамара приехала на стройку, до восемнадцати ей не хватало еще двадцати пяти дней.

А Татьяна Морозовой было уже дважды по восемнадцать, и за плечами немало всего оставлено. Ей было труднее начинать все сначала. Впрочем, и фамилия ее не Морозова и зовут не Татьяна: строго-настрого запретила мне она называть ее настоящим именем.

О строительстве Восточного она, жительница большого города, услышала однажды в последних известиях. В тот же день, пока не раздумала, подала заявление об уходе с работы.

Разные люди. С разных концов страны. И совсем не сразу стали они единым коллективом, знаменитой бригадой Раи Федоровой.

Пройдет несколько лет. Плавным амфиатром спустится белый город по склону сопки к морю. Пяти-, девяти-, двенадцатиэтажные дома, спортивный комплекс, школы, магазины — словом, все, что положено современному городу. А еще интерклуб и гостиницы, потому что город будет принимать гостей со всего мира. А еще в том месте, где река Сучан впадает в море, раскинется парк с сетью прогулочных каналов. А на утесе над морем — представляете? — ресторан и танцевальная площадка, потому что жители в городе очень молодые. А еще аллея Дружбы.

А еще...

Но, сколько бы ни прошло лет, на всю жизнь запомнят девчата и свою «Каравеллу» — первую самодельную танцплощадку на берегу, и каюты старого, поставленного на прикол теплохода «Приморье» — первое свое жилье, и свой комсомольский плавстройотряд.

Восточный Порт.

Под этим заголовком в третьем номере журнала было опубликовано письмо тамбовской девушки Н. Т. о своей неделе. Если судить по тому числу откликов (около двух тысяч), которое оно вызвало, читателям вряд ли стоит напоминать его содержание.

«Пустой четверг, пустая суббота и бравада, бравада...» «Прочла письмо Н. Т. и тотчас же берусь за перо, не могу молчать!» «Думаю об исповеди Н. Т.»... «Я буду с ней спорить»... — так взволнованно начинаются читательские письма, и разговор в них не только о времяпрепровождении, с пользой и без, а о смысле жизни. Споря с Н. Т., каждый хочет узнать мнение других своих ровесников.

ПОДРУЖКА

ОТ ПОНЕДЕЛЬНИКА ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА

Наедине с природой.

Фото Н. Маторина.

Конечно же, встречала я скучающих девиц с сигаретками и в нашем городе. Удивлялась им, но никогда не думала, что за небрежным видом такой дикой в наше время образ жизни, такая «зеленая хандра»! Не могу поверить, Н. Т., чтобы не было у тебя никаких других желаний, кроме как выспаться да помотаться по городу. Не веришь в силу воли, целеустремленность? Значит, все книги, которые ты прочла, все люди, о которых узнала, не оставили в тебе никакого следа? Извини, но не примитив ли ты?

Что могу сказать о себе? Учусь в десятом классе в школе с математическим уклоном. Учитесь мне интересно, и совсем не жалею я о том, что почти все время уходит на учебу. Столько фильмов интересных вышло на экраны! Столько книг наметила прочесть, а времени совсем нет. Главное, я увлечена, я нашла свое призвание. Когда у человека есть цель, его жизнь всегда интересна и полна, если он, разумеется, не сидит сложа руки.

Конечно, у всех бывают срывы. Иногда придешь домой и так хочется поспать, наплевать на все дела. Но пойдешь на такую сделку с малодушием — и самой же потом стыдно. Как говорил А. С. Пушкин: «Презреть суд людей не трудно, презреть суд собственный невозможно». Так, по-моему, главное — разбудить в себе вот такой внутренний суд.

Желаю тебе, Н. Т., веры в себя.

К счастью, комсомолка Галя Послученко.

г. Рига.

Уже несколько дней нет мне покоя. Почему? Да все от лихо расписанной недели «От понедельника до понедельника». Я даже не знаю, с чего начать. А ведь было и со мной нечто похожее. Я тогда училась в музыкальном училище. Первый курс окончила без троек. Может быть, и

дальше дело бы шло хорошо. Но вот, на беду, встретила парня, который мне показался и богом и солнцем. Сбежала с ним с уроков, делала все так, как хотелось ему. Первое время, правда, мучил внутренний голос, но потом и он умолк. Жила мыслями своего друга: «Что тебе эта музыка! Какой от нее прок? Надо искать работу, которая давала бы заработок поприличней». У него всегда водились деньги, и мы не отказывали себе в развлечениях. Родители мои ничего не знали, потому что живут в другом городе.

Прошел год, закончила кое-как второй курс, прожила почти все каникулы у него, хотя меня так ждала мама! Все-таки в августе я приехала домой. Держалась самоуверенно, нагло, как будто не я виновата в том, что стала такой, а они, родители.

На третьем курсе меня исключили из училища. Какой это был удар и стыд! Вот с этого момента все во мне перевернулось. Сначала — отчаяние. Потом устроилась на работу, сняла комнату у двух старичков.

Работала. Бригада у нас была хорошая. Я даже вкус к жизни обрести начала, по-новому все чувствовать и видеть стала. Читала, не пропускала ни одного концерта. У многих девчат из бригады семьи были, дети маленькие, трудно им было выбраться в театр, в кино, вот я и рассказывала им о фильмах, о книгах, о музыке. На работе забывалась. А как лягу спать, снова начинает вспоминаться моя прежняя легкая жизнь. Как я могла докатиться до нее!.. Сначала-то все казалось безобидным: подумаешь, один безалаберный день! А за ним другой... И ведь не вернешь те дни, не переживешь их заново! Мой кумир — как же легко я встала в свое время на его позицию! — «светил» теперь другой, а при случае, смакуя, рассказывал своим дружкам о наших с ним отношениях.

Через некоторое время стала я часто встречать одного парня — в автобусе, около своего дома, у проходной. Словом, тень около меня выросла. Девчата смеялись, что я даже с ним незнакома. Потом мы все-таки познакомились. Чувствую, хороший парень, но не стою же я его! Сначала

я его просто прогоняла, потом решила рассказать все о себе: узнает — сам уйдет. А у самой сердце сжималось: умица он, обидчивый и сама доброта.

Рассказала. Ушел он, разревелась я. А назавтра выхожу из проходной, смотрю — снова стоит, улыбается.

Поженились мы. Я снова учусь, причем очно, — так Миша с мамой настояли. Я счастлива с ним и благодарна ему.

А теперь о той девушке, вернее, для нее. Страшно от ее бездумности. Она может сказать: «Сама такая была, а еще учишь!» Да, была, в том-то вся и суть, что была. Как-то Миша — мы еще не были женаты — принес стихи Николая Заболоцкого. Может быть, умышленно, может быть, случайно, не знаю, в книге была заложена одна страница.

Не позволяй душе лениться!
Чтоб воду в ступе не толочь,
Душа обязана трудиться,
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб.

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней зари,
Держи лентянку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Теперь эти стихи всегда со мной.

Н. Т. часто спит. Просыпается тоже часто. А ведь статистической подсчитано, что одну треть жизни человек спит. Неужели ей хочется проспать и остальные две трети? Дрема, дремучесть, дремучий человек — не от одного ли корня эти слова?

Хотелось бы встретиться с тобой, Н. Т., и поговорить. Что письмо? В письме много не скажешь.

Галя Федорова

г. Новосибирск.

5

Постигая законы прекрасного...

Итак, Н. Т., ты пишешь, что почти не жалеешь, что так проводишь время. Но это же не просто время — это жизнь. И она твоя. Я не верю, что ты такая плохая, как написала про себя. Нет. Ведь ты же размышляешь о своей жизни, а есть такие, что не задумываются ни над чем. Та-

6

кие и писать не будут, потому что считают свое поведение единственно верным.

Плохая! Откуда они берутся, плохие-то? Начинается все порой с незаметных, вроде бы безобидных мелочей. Я раньше встречалась с такими девушками, удивлялась, поражалась, жестоко осуждала! А вот полтора года назад столкнулась с целой такой компанией и сама чуть не попала в расставленные сети. «Неужели ни разу не курила?» «Неужели не пьешь?» И двусмысленные усмешки. Собирались каждый день в маленькой комнатенке. Оружий магнитофон, дым, бутылки, пустоопорожные разговоры. Я сбежала. Слабачок, видно, я. Не смогла ничего им противопоставить. Но я много думала потом о такой вот никчемной жизни. Ты ведь тоже, Н. Т., бывает, думаешь. И перед тобой, наверное, тоже вставал вопрос: зачем я? Этот вопрос рано или поздно встает перед каждым.

Зачем я? Смысл жизни моей — в чем он? Ты пишешь, что не веришь в существование силы воли, целеустремленности. Наверное, ты просто не встречала этих свойств в близких людях, а может, просто увидеть их не смогла.

Они учатся танцевать.

Фото А. Бочина.

7

Я немного работала в детской больнице — у меня фельдшерское образование, — и мне запомнилась и навсегда останется в моей памяти одна женщина-врач. Работает она очень давно, кажется, лет двадцать шесть. В отделение к нам поступила восьмилетняя девочка в крайне тяжелом состоянии. Тот случай, когда доктора пока еще бессильны. Она умерла ночью. А утром женщина-врач пришла раньше всех в отделение, чтобы встретить мать девочки. Когда мать ушла, она, проведя рукой по глазам (я заметила, она смахнула слезы), сказала мне: «Вот, Валя, смотри и запомни: с сердцем каждого ребенка теряешь часть своего сердца». Нет, это были не высокие слова. Говорят, медики привыкают к смертям. Чушь! К смертям нельзя привыкнуть. Я запомнила это. Запомнила навсегда.

Сейчас учусь в Челябинском медицинском институте. Как это здорово — учиться! И не потому, что весело всегда студентам, а потому, что интересно узнавать каждый день новое и запоминать, запоминать... Ведь от твоих знаний, твоей головы будет зависеть потом столько жизней!

А знаешь ли ты, Н. Т., для чего учишься? Есть ли у тебя убежденность в том, что нужны тебе знания, которые впишут в тебя насильно преподаватели, что вообще тебе нужен техникум? Что ты собираешься делать потом? Какой хочешь видеть себя на работе?

г. Копейск.

Валентина Донченко.

Мне уже двадцать три. Я не знаю, сколько тебе лет, Н. Т. Пусть шестнадцать, семнадцать. Это значит, что совсем скоро у тебя будет своя семья. Знаешь ли ты, какая это ответственность? Готова ли ты к этому? Хотя бы к тем будничным заботам, которые лягут на твои плечи? Ты привыкла жить только для себя, на всем готовом. А ты ведь станешь матерью, как я, как все. Ответь, захочешь ли ты, чтоб твой ребенок был похож на тебя? Как научишь ты его быть честным, трудолюбивым, любить людей, если ничего этого ты не умеешь сама? Ты

8

можешь ответить мне, что с замужеством все в твоей жизни круто изменится. Нет, Н. Т., характер, взгляды на жизнь куются годами. И если ты хочешь стать надежным, уважаемым человеком, любимой женщиной, настоящей матерью, то найди в себе силы переломить себя сейчас.

г. Алмалык.

Л. Колодкина

Прочитала я сейчас «отчет» Н. Т. Знаешь, «Подружка», он меня ошарашил. Не думаю, что так уж много девочек живет, как Н. Т. Мне 17 лет, учусь в 10-м классе. Комсорг. Не могу, правда, сказать о себе, что я лучшая ученица. Занимаюсь легкой атлетикой, участвую в выступлениях агитбригады. Много времени уходит на комсомольские дела. Учусь я в первую смену. Прихожу домой в 3 часа, обедаю, переодеваюсь, заходит за мной Юрка, и мы бежим на тренировку. В семь вечера приходишь домой. А если на стадион приходят ребята из подшефного класса (Юрка вожатый), то домой добираться часам к девяти. Тренировки четыре дня в неделю.

Свободный вечер бывает только в субботу. После школы стремишься выучить все на понедельник, а вечером собираются друзья. Нас восемь человек. Три девочки и пять ребят. Слушаем музыку, читаем новые стихи. Устраиваем «концерты». Мы с Иринкой в четыре руки играем на пианино, трое ребят на гитарах, остальные поют. Часто в «концерты» включаются и мои родители. Они нам нисколько не мешают, как, впрочем, и мы им. А в воскресенье с утра на лыжах, а летом в лес.

Приходишь домой — глаза слипаются, а у сестренки не ладится с задачами. Решаешь, объясняешь, а сама вот-вот заснешь. Лезу под душ. Таким образом удлиню день еще на два часа. В это время читаю.

Мы читали письмо всей «восьмеркой». Наши парни возмущены Генкой. Какой же ты выглядишь в его глазах, Н. Т., если он с ехидством называет тебя «умной девушкой»? Неужели тебе не обидно?

9

А какие «четкие» у вас отношения: за шубу — кино, за портфель — танцы...

Я привыкла к баскетбольному мячу, к лыжам, конькам, к «восьмерке», к подшефным. Я не могу уже без них.

Лариса П.

г. Алапаевск.

Автор письма требует отважиться на честность. Вероятно, в представлении Н. Т. говорить откровенно — значит, не касаться таких понятий, как комсомольский долг, долг общественный, гражданский. Что ж, буду искренним, но только обойти эти понятия не собираюсь, не могу.

Мне кажется, настоящий человек начинается с сознания своей ответственности перед обществом, с участия в его делах, с пользы, которую он приносит людям. Знаю, Н. Т. может сказать, что это лишь громкие слова. Но если бы она задумалась над их смыслом хотя бы в тот момент, когда выбирала профессию, то уже сейчас многое в ее жизни было бы иначе. Да просто не посмела бы она идти учиться делу, которое ей совершенно безразлично! Ведь она же совсем не любит свою будущую специальность, иначе стремилась бы изучить ее досконально. Каким же никчемным специалистом она станет!

А что значит ее фраза: «К сожалению, комсомолка»? Хочется думать, что за ней скрыто огорчение по поводу того, что она недостойна этого высокого звания, недостойна традиций комсомола и его сегодняшних больших дел, что не смогла она пока выдержать тех обязательств, которые взяла на себя добровольно, вступая в комсомол.

Долго думал над вопросами: что же это — жизненная позиция или болезнь возраста? Нет, видно, не позиция. Да какая может быть позиция при такой внутренней неустойчивости, таком бездумье! А может быть, ее письмо — уже толчок к серьезным раздумьям о жизни? Хотелось бы на это надеяться.

Николай Кравчук, ровесник

г. Тула.

10

Мамины уроки

Рисунок
М. АФАНАСЬЕВОЙ.

«...Я дружила с парнем почти год, но потом узнала, что он звонил другой девочке и ходил с ней в кино. Мы поссорились. Я знаю, что нравилось ему, и он мне по-прежнему нужен, но не могу простить измену.

Таня Х., г. Шевченко»

Что и говорить, Таня, тяжело, невозможно простить измену дорогому человеку. Но какая же это измена — сходить с кем-то в кино? Что же, парень, познакомившись с тобой, теперь и поговорить ни с кем не может, ни посмеяться, ни потанцевать? Друг, любимый, даже муж не твоя собственность. Тебе одной не заменить ему всего мира. У него могут и должны быть свои интересы, свои друзья. Самое лучшее — постараться подружиться с ними. Ну, а если это не получилось (друзьями ведь по заказу не становятся), не обижаться, не злиться на то, что есть люди, с которыми ему приятно, а тебе нет. Ты тоже имеешь право сама определять круг своего общения. И еще друзьям, любимым нужно верить. Подозрительность, мелкая ревность способны погубить самые добрые отношения. Тебе бы не ссориться, а поговорить с парнем по-хорошему, узнать, что за девочка была с ним в кино. Может, они вместе учились, вместе работают, знают друг друга много лет, и все твои обиды просто смешны?

11

«...Удобно ли со знакомым парнем идти отмечать какой-нибудь праздник, если ты там больше никого не знаешь?

А. Л., г. Калуга»

Конечно, лучше чувствуешь себя в компании, где все тебя знают. Но если мальчик хочет познакомиться с тобой со своими друзьями, которых ты пока не видела, — почему отказываться? Пойди, конечно. Разумеется, при условии, что твой спутник не случайный человек, а друг, которого ты достаточно хорошо знаешь. Если это не так и знакомы вы всего ничего, лучше в чужой дом с ним не ходить.

«У меня был день рождения и я пригласила к себе девочек из класса, тех, что живут в нашем дворе. Все с радостью согласились.

Если бы вы знали, как я старалась. Ведь такая дата — 16 лет! Я красиво накрыла стол, поставила везде цветы, купила новые пластинки, чтоб после маминих пирогов и чая мы смогли потанцевать. Но веселья не получилось. Две девочки — Таня с Ниной — были, оказывается, в ссоре. Друг с другом не разговаривали. И

все чувствовали себя напряженно. Через час Нина сказала: «Пошли к Люде, у нее магнитофон, записи есть интересные». Все ушли, а я проревела остаток вечера. А на следующий день одна из девочек мне сказала: «Ты сама виновата. Не надо было звать Таню, если они с Ниной в ссоре.

Ира Кучеренко,
г. Старополь».

Думаем, Ира, что ты не допустила здесь никаких ошибок. Виноваты твои друзья, которые, вероятно, плохо знакомы с правилами хорошего тона. Обязанности есть не только у хозяйки (о них, кстати, мы уже говорили в наших уроках), но и у гостей. Гость, коли уж он согласился быть гостем, должен прийти в дом с хорошим настроением, и не столько для того, чтобы повеселиться, вкусно поесть, а чтобы оказать хозяйке внимание в знак хорошего и ней отношения. Именно поэтому на дни рождения близких людей не приглашают — они приходят сами и стараются сделать все, чтоб хозяйке было хорошо. Ну, а если хозяйка в чем-то, по их мнению, была неправы — не того пригласила, не тем угостила, — нельзя портить ей настроение замечаниями, надутым видом и тем более откровенной грубостью, как Нина.

12

Вера Флерова.

ЖИВЕТ ЛЕГЕНДА

Рабфаковка Новочеркасского политехнического института Вера Флерова была веселой, общительной девушкой. Пожалуй, только серьезнее других относилась она к лабораторным занятиям, дольше просиживала в минералогическом музее института и особенно истово пополняла свою коллекцию минералов.

Летом 1934 года тысячи студентов, увлеченные призывом «В ближайшую пятилетку осмотреть всю нашу землю», отправились на поиски полезных ископаемых. Должность Веры в поисковой партии на Северном Кавказе была малозаметная, но хлопотливая. «Что должен уметь младший коллектор? — шутили геологи. — Все на свете и даже больше. Стирать белье и выючить лошадей, куковарить и подбивать подошвы, плотничать и таскать рюкзак с образцами».

Младший коллектор Флерова могла весь день скакать верхом или карабкаться по скалам с ледорубом, не боялась ночевать одна, слушая зловещий шакалий вой; могла довольствоваться за день одной черствой лепешкой или кружкой айрана.

Она упрямо боролась с пристывшими маляриями и жаждала открытий.

Однажды, увлеченная поиском, Вера случайно отдалась от лагеря. Сбившись с дороги — компас она забыла в лагере, — чуть не скатилась в пропасть.

Продрогшую, обмороженную, ее на следующий день нашли проводники-балкарцы.

Ох и отчитывал ее начальник партии Борис Орлов за «самоволку!» Но во взгляде его светилось уважение и восхищение.

Он был тоже прирожденным геологом, тоже верил в удачу, тоже работал как вол и тоже уверял, что здесь, у подножия Эльбруса, они отыщут необходимые стране редкие металлы.

Снова и снова уходила Вера в горы. Карабкаясь по ущельям, внимательно приглядывалась к камням. Еще школьницей она уверяла подруг, что по окраске камней можно угадать их характер, возраст, «словное положение» минерала в таблице Менделеева.

И вот счастливая минута: дрожа от волнения, Вера разглядывает в лупу шершавую поверхность небольшого кварцевого обломка. Неужели? Проводит по камню тонкими, чуткими пальцами. Так и есть — на коже остается серо-голубой «лунный» след. Вера взбирается выше, поднимает другой обломок. Сомнений нет! Металлические вкрапления в кварце не что иное, как редкий и драгоценный молибден!

В Наркомтяжпром летит телеграмма: «Геологическая партия № 46 нашла коренной выход молибденита, выдвигает Тырнауза как объект, заслуживающий постановки на нем широких геологических работ».

Вера пишет матери: «Вчера к нам приехал профессор Варданянц. Уложили спать в нашей палатке. Ходил на молибден. Ну, знаешь, мама, мировое месторождение! Настроение у всех очень приподнятое, ребята прямо сияют, трудятся поударному, не думая об отдыхе».

Еще бы! Молибден — это танковая броня и орудийные стволы, молибден — это металл, необходимый для получения быстрорежущих, магнитных и кислотостойких сталей.

Дни бегут, как воды Баксана. И наполнены они ощущением радости бытия. По вечерам Вера и Борис Орлов сидят «на троне» — большом замшелом валуне, обсуждают молибденовое будущее Тырнауза. «Неужели возле этого маленького аула появится рудник?» — спрашивает Вера. И Борис убежденно отвечает стихами: «Здесь будет город заложен!»

Часто свирепствует непогода. «Недавно пережили страшную ночь — был сильнейший ураган и дождь, — сообщает Вера родным в Новочеркасск. — Вечером сорвало палатку и унесло довольно много вещей. Вторую палатку завалило, пошел снег...» Описание бури прерывается радостным: «Дожидаюсь машины, чтобы погрузить спальные мешки, образцы, пробы, инструмент. Машина придет сюда, мамочка, за рудой, за молибденовой рудой. О нашем месторождении уже прописано в газетах».

В верховьях Баксана хозяйничают строители: в сложнейших условиях, на высоте почти трех тысяч метров пробивают штольни. Радует Вера: «Вырыты первые землянки. На руднике появилась изба-читальня». Комсомольцы-добровольцы буквально на своих плечах поднимают на вершину первый компрессор и рельсы для первых штолен. Мечты начинают сбываться.

Вера, как всегда, там, где трудно. Только Борис теперь постоянно одергивает жену, просит не рисковать: Вера готовится стать матерью.

...Не увидел света наследник молодых геологов. Не увидела Вера, как по склону пика Молибден по стальному канату промчался первый вагончик с рудой.

Инженер Флерова переходила через бурный Баксан. Внезапно налетел ураган, перевернул шаткий мостик, и Вера, увлекаемая тяжелым рюкзаком, рухнула вниз, на камни.

В легенде, сложенной горцами, в трогательных стихах ребятишек из Тырнаузской школы живет Вера. Неподалеку от школы есть площадь, уютная и красивая — имени Веры. А в высоте, над площадью, смотрят друг на друга вершины горных пиков — пик Флеровой и пик Орловой. Две вершины, названные именем отважного геолога... Мчатся туристские автобусы мимо шахтерского города Тырнауза. И когда выезжают за поворот, кто-нибудь обязательно покажет вверх: «Смотри, белый обелиск!» Борис Орлов сам таскал камни, сам вечерами высекал стихи. Приходят сюда молодые люди, кладут к подножию обелиска букетики горных цветов. И думают об отважных первопроходцах.

Л. КАФАНОВА

Мара ГРИЕЗАНЕ

Обелиски

Омытые кровью, солдатские тяжкие версты. Горят обелиски — мои путеводные звезды. На правое дело с призывной, волнующей силой зовут обелиски — по всей моей Родине милой. А сколько их было — сердец нерастраченных, юных! Ах, сколько в столице стонало гитар семиструнных! О, сколько их было — парней ясноглазых, веселых! Ах, сколько гармоний рыдало в поселках и селах! По всей неохватной, по всей затемненной России военные ветры по-бабьи беду голосили. По всей необъятной, на каждой дощатой платформе топтались мальчишки в непригнутой воинской форме. И Кама и Волга на битву сынов провожали. И матери долго цветными платками махали. Прощались невесты — косички девчоночьи мяли, — впервые по-женски любимых своих целовали. Гремели колеса. Литые колеса гремели. И пели солдаты, совсем по-мальчишески пели: про белые хаты, про верную Катю-Катюшу... И рвали те песни комбата отцовскую душу. На западе дальнем зловеще пылали зарницы. И в небе кружили железные черные птицы. А юность России в теплушках смеялась и пела. Гремели колеса — История грозно гремела!.. Безмерное горе по русской земле колесило. Не ветер военный — солдатская мать голосила. А сын опускался в могилу на серой шинели: под утренним небом глаза его тихо синели... Омытые кровью, солдатские тяжкие версты. Горят обелиски — мои путеводные звезды. На правое дело с призывной, волнующей силой зовут обелиски — по всей моей Родине милой.

У Галины Николаевны Львовой шьют годами. Одно пальто сносят — заказывают другое. Приводят знакомых, соседей, подросших дочерей. Как круги по воде, расходится по городу добрая слава мастера. Говорят, что пальто, вышедшее из рук Львовой, безошибочно узнаешь на улице. По какому-то особому, неброскому изяществу.

А меня в этой черноглазой молодой женщине (знаменитые закройщицы обычно выглядят солиднее) поразила еще и быстрота. Во всем. В том, как она говорит, смотрит, смеется. Как ходит, вернее, бегаёт по закройной, по лестнице — вверх, вниз — так и мелькают длинные ноги на каблукках (тапочек на работе она не признает: профессия требует подтянутости).

На огромном столе ткань, словно холст, натянутый на мольберте. Закройщица с куском мела в руке, прищурясь, на мгновение застывает, как бы нависает над полотном, и вот уже побежали по нему сильные, четкие, будто не от руки вычерченные белые линии. Не дрогнут, не покривятся. Уверенный и красивый почерк мастера. Выкройка почти не требуется — лишь изредка приложит ее Галина Николаевна к ткани, проверит себя, свой расчет. Мы привыкли: семь раз примерь, один раз отрежь. А тут, даже не дав налюбоваться меловым узором, стремительно кромают его кривые портновские ножницы. Растет горка деталей будущего пальто, линиями которого — теми самыми, проведенными мелом и удержанными ровными рядами швов, — будут восхищаться знатоки: «Львова шила...»

Ответственный момент: Г. Н. Львова (справа) вместе с заказчицей решают, каким быть новому пальто. Фото Ю. Расстригина.

ЯРОСЛАВСКИЙ ПОЧИН

Даже мерит она быстро. И при этом не спешит, не суетится. Пальто, как правило, сразу «садится», и примерка нужна не для подгонки, а для страховки, для спокойствия.

Признаться, меня смутила эта стремительность. Все-таки, как ни говорите, индивидуальный пошив. Заказчик хочет, чтобы его уважили, не пожалели времени и внимания. И сшили так, как никому другому не сошьют. Индивидуально. А тут скоростной раскрой, скоростная примерка. Шьет не один мастер, который тебя видел, знает, а целая бригада.

— Мы не сразу приняли бригадный метод, — говорит Галина Николаевна, — а теперь ни за что от него не откажемся. Понимаете, совсем другой класс работы. Отделка чище, ровнее. Редкий мастер одинаково силен во всех операциях. Одно получается лучше, другое хуже. А в бригаде можно каждую операцию довести до совершенства. Что же касается индивидуального решения вещи, то это на моей совести. Поверьте, сколько работаю, двух одинаковых пальто не сшила. Неинтересно.

В этом «неинтересно» ключ к характеру Львовой, то, что превращает ее труд в творчество. Неинтересно работать по стандарту, повторять то, что делают другие.

Ателье № 1 и два года назад считалось одним из лучших в Ярославле. Шили там хорошо (не одна Львова, есть и другие закройщицы, не слабее). Встречали заказчиков вежливо. А то, что по три, по четыре раза приходилось наведываться, прежде чем дождешься примерки, да еще сидеть в приемной, ждать очереди, к этому привыкли. Всякий, кто несет заказ в ателье, заранее набирается терпения.

Львову, быстрому во всем (мне кажется, у таких, как она, и дома все спорится, и борщ варится, и белье сохнет быстрее, чем у соседки), такой порядок не устраивал. Она знала цену времени, и чувство хозяйки протестовало против нерациональной растраты этого богатства.

Начала с простого: решила отказаться от второй примерки. Уже был такой опыт у некоторых закройщиков Москвы, Ленинграда. Но у себя, в Ярославле, Львова была первой. Конечно, ответственность куда больше. Тут уж не размахнешься на авось, с запасом, надеясь потом, на примерках, подогнать по фигуре. Кроить надо сразу набело. И мерки снимать иначе, по новой системе, тоже не испробованной еще в Ярославле: 16 мерок, точный, почти инженерный расчет при конструировании выкройки.

Одна примерка — значит, не нужно дважды сметывать, а потом распарывать боковые швы, плечи, укорачивать и удлинять подол, рукава. Высвободилось время не только у закройщицы — и у мастериц, выполняющих эти операции. Вместе с бригадиром Фаиной Михайловной Герасимовой прикидывали, на чем еще можно сэкономить. Хоть немного, минуточку. Набралось этих минут, всем на удивление, немало. Из цеха рационализация перешла в закройную, в салон, на склад...

Заведовал ателье тогда В. А. Агафонов, ныне заместитель главного инженера швейного объединения «Волга», — человек, которого вообще отличает обостренное чувство нового, интерес к экспериментам. Он сразу принял и поддержал начин бригады. Помог и руководитель ярославской службы быта П. Н. Балыков — практически помог, делом. Вся прогрессивная механизация, какой располагает современная швейная отрасль обслуживания, немедленно внедрялась в цех. Появились новые петельные машины, прессы, отпариватель. Увеличили бригады: вместо 6 стало 12 человек. Разделение труда, узкая специализация позволили более эффективно использовать технику.

Так по мелочам, по кирпичику складывалась система организации всего производственного процесса швейного ателье, изучать и перенимать которую приезжают сегодня со всех концов страны. Система в общем-то несложная. Суть ее в том, что учитывается и раскладывается в четкий производственный график каждая минута рабочего времени закройщицы, швеи и заказчика. Вот, пожалуй, принципиальное новшество, отличающее эту систему от всех прочих, принятых в нашем обслуживании: время заказчика приравнено к времени исполнителя.

Начнем с того, что ателье работает без выходных дней и без перерыва, с 8 до 20. В салоне постоянно дежурит художник-модельер. Заказчик не переминается с ноги на ногу возле заваленной кватанциями приемницы, ожидая, когда на него обратят внимание. Художник предложит фасон, поможет выбрать материал, подкладку, пуговицы (все это имеется тут же), а потом, когда все решено, вызовет закройщика. Нет, конечно, ни Львова, ни другие закройщицы не уклоняются от обсуждения фасона. Они и поспорят и посоветуют. Но все-таки значительную долю времени, связанного с выбором, колебаниями, сомнениями заказчика, берет на себя художник, закройщик от этого освобожден.

Снята мерка. Заказчице назначают точный день и даже час примерки: утром, перед работой, или вечером, а если хочет — в выходной. Этот срок — закон для работников ателье. Выполнить его минута в минуту — дело профессиональной чести. Только в особых случаях (болезнь закройщика, например) срок могут передвинуть. Но тогда сообщат по телефону или пришлют фирменную открытку. Об этом позаботится диспетчер, под постоянным, ежечасным контролем которого все стадии движения заказа. В любой момент он даст справку, где находится ваше пальто — в цехе, на раскрое, на складе изделий, готово ли оно к примерке. Эти же сведения ежедневно заносят на экран, установленный в салоне.

Удобно заказчику. Удобно закройщику: он знает, сколько у него сегодня примерок, может распределить свое время. Удобно и бригадиру: работа поступает в цех ритмично, без срывов и авралов.

Вот и вся система, весь ярославский почин. Ничего необыкновенного, поражающего внимание. Просто четкость. Экономия. Придирчивый, хозяйский глаз. А в результате в первый же год производительность труда закройщика возросла на 22 процента и потом еще на 10. Сейчас Львова успевает за день скроить и примерить одно пальто сверх плана. Бригада только за счет экономии времени в месяц сдает 20 дополнительных заказов, причем все высокого качества, с первого предъявления. А если подсчитать, сколько дорогого времени, которое раньше уходило на ожидание, поездки, нервотрепку, экономит заказчик?..

Галчонка мне принес сосед. — Через неделю я еду в командировку, — с досадой толковала я старику, — и для чего вы его подобрали? Это же слеток, родители его бы кормили!

— А кошки-то, кошки! — возражал старик. — А дома-то у меня, сама понимаешь... Шурка!

Шуркой он называл внука, парня лет пятнадцати, которого весь наш девятиэтажный дом отлично знал. Во дворе он звался Сашка-длинный и славился многими проделками — даже перечислять их не хочется. Был случай, когда он избил прохожего. Еще было известно, что кошкам лучше не попадаться ему на глаза.

— Возьми галку-то, ведь пропадет. Ты погляди, до чего она ласковая, — упрашивал Шуркин дед, а у него на плече сидела черная птица и нежно поклевывала его седое волосатое ухо.

Застелили газетами комнату, дед притащил откуда-то чиненную-перечиненную клетку. Первую ночь я беспокоилась, прислушивалась, жив ли галчонок в клетке, накрытой платком. Но птенец сразу привык к новому своему положению. Он тихо спал ночами. Утром я окликала его. Он коротко, хрипло отвечал. Я открывала дверцу, он ступал на мою ладонь прозячми от сна лапами. Встряхивался, почесывался, поглядывал, приходя в себя. Перелетал на стол, где обычно лежал зажим для белья, которым на ночь скреплялись шторы. Он поднимал зажим и швырял, двигал его, вставлял в дырочку свой большой клюв. И вдруг, обернувшись ко мне, с криком открывал рот, трепеща крыльями. Я поспешно заталкивала ему в горло творог или мясо. Он глотал, давась, требовал еще... День начинался.

Однажды я заметила, что он не пьет, а окунает в поилку голову и встряхивается, брызгаясь. Я принесла и поставила на пол тарелку с водой. Галчонок заинтересованно зашагал вокруг тарелки, останавливаясь, поглядывая, не решаясь приблизиться. Наконец он потянулся к воде. Коснулся — вода всколыхнулась. Он стоял, вытянув шею, пошевеливая клювом воду, и дивился на зыбь.

Он ступил в тарелку одной своей красной ногой. Ступил двумя. Присел, забил крыльями, заплескался, и полетели брызги по всей комнате — на паркет, на мебель, на стены. А я не мешала ему, только смотрела — такое удовольствие было смотреть.

Вылез он мокрой курицей. Перья слиплись, проглядывало розовое беззащитное тело. И долго занят был собой — ерошил, чистился, хлопал крыльями, просушивая их.

Он не любил, когда я уходила из комнаты. Если я бросалась бегом, галчонок с криком и шумом догонял и садился мне на голову. Я подставляла руку — он перешагивал с головы на мой палец. Я подносила галчонка к лицу. Он внимательно рассмат-

ривал меня голубыми глазами, трогал, поклевывал и быстрым движением клюва — будто ножницы раздвигались — открывал мои губы или перебирал волосы.

Мне не хватало с ним только игры, я не знала, как играть с птицей. Да и умеет ли птица играть?

Как-то я устроилась в кресле — заниматься. Он прилетел и сел на верхний край тетради, съехал по странице и начал ловить конец карандаша. Я дала ему поймать карандаш. Потянула — он не отпустил. Напрягаясь всем телом, он вырывал у меня карандаш, как щенок вырывает из рук палку.

Я прижала пальцем его ногу. Он тотчас отдернул ее. Прижала другую — он проворно убрал и эту. И ждал, уставясь, что будет дальше.

Я легонько потрепала его за опущенный клюв. Он замотал головой, высвободился, схватил меня за палец — тоже легонько. Стоял, задорно расставив ноги, не закрывая рта, готовый продолжать.

Не бойся, это я!

Нора АРГУНОВА

Новелла

Опять я его за клюв, он — за палец. И тут же отскочил, вспрыгнул на мое плечо, а когда я потянулась за ним, проговорил мне в самое ухо шепотом:

— Хаф-хаф!

На щеке я почувствовала его горячее дыхание. Что он хотел сказать? Не знаю. Тогда я еще плохо понимала его.

Приближался день моего отъезда. Прав-

да, настоящая командировка, на целый месяц, предстояла только в августе, сейчас я уезжала на пять дней. Но куда девать птенца?

Я листала записную книжку, звонила знакомым; один не мог взять галку, у другого телефон не отвечал. И я решила оставить ключ соседу.

— Раз шесть на день приходите надо, кормите, сможете?

— Чего поделаешь, — отвечал старик, — приду.

— Смотрите только, чтобы ваш Шурка... — Да ты что! — шепотом сказал старик, округляя глаза. — Его какое дело! И я уехала.

В Вологде, особенно вечерами, в гостиной я думала про галчонка и удивлялась своему легкомыслию. Да разве можно было оставлять ключ старику? По шесть раз на день отпирает он мою дверь — и Сашка ничего не замечает? Не может этого быть...

Вернулась я в третьем часу ночи. Зажгла свет... Галчонок был жив! Он сидел на книжной полке. Он не слетел ко мне, не подал голоса, как делал раньше, но он был жив.

Пока я раздевалась и разбирала вещи, он молча смотрел на меня сверху. Наконец я влезла на стул и подняла к нему руку. Тяжело хлопая крыльями, с пронзительным криком, какого я у него еще не слышала, он перелетел на другой конец полки.

Я перетащила стул, опять влезла — и снова он шарахнулся. Он и по виду стал другим, я не узнавала его. Да и он ли, тот ли это галчонок?

Я стояла на стуле, издали показывая ему ладонь, а он смотрел и кричал этим новым, нестерпимо резким голосом, в котором я уловила отчаяние.

Очень медленно, чтобы не спугнуть, я потянулась к нему еще раз. Он нагнулся. Я поднесла руку, и он вдруг сдвинул мне палец с такой силой, что я чуть не вскрикнула.

Теперь я поняла, что в нем изменилось. Я оставила птицу с блестящими, плотно уложенными, крепкими перьями — сейчас они изможены. Может быть, птицу ловили, гоняли, чьи-то руки мяли ее перья... Крылья, хвост, серебристая шея, даже лоб — все разломано, растерзано...

Птенец больно кусался, но я не отнимала руки. Честное слово, я чуть не плакала над ним от жалости!

— Галя, — твердила я ему, — не бойся, это я! Галя!

Долго я стояла на стуле, ждала, уговаривала. Постепенно он успокоился и затих. Вот он наклонился. Молча потерся о мою ладонь растрепанной головой. Тут же с криком отпрянул. Но я уже не сомневалась, что он вспомнил, узнал.

Гася свет, я думала о том, что пройдет время, перелиняют у него молодые изломанные перья, забудется страх. Я отворю окно. Он станет жить под крышей над моим окном, а в морозы возвращаться домой...

Почин бригады Львовой—Герасимовой давно вышел за пределы ателье. На него ориентируется теперь вся ярославская служба быта. Коллегия Министерства бытового обслуживания РСФСР рекомендовала распространить его и по другим областям.

...Сегодня в ателье № 1 обычный рабочий день. В кабинете у Львовой тесно: сразу две заказчицы, мама и дочка Майковы. Обе преподавательницы музыки. Зимой сшили пальто, сейчас примеряют различные костюмы.

— Верите ли, — смеется Майкова-мама, — такое пальто получилось, что всю зиму не болела. Очень уж настроение было хорошее.

У кассы ее просят проставить на квитанции оценку принятой работы. «Качество определяет заказчик» — эти таблички висят сейчас во всех ярославских ателье и мастерских. От оценки заказчика, его «отлично», «хорошо» или «плохо», зависит место коллектива и отдельного работника в социалистическом соревновании, выполнение плана, размер премиальных. Еще один добрый, только что родившийся ярославский почин...

— Что я поставлю Галине Николаевне? — переспрашивает заказчица с профессиональной ноткой в голосе (учительница ведь!). — Ну, конечно, «отлично». Здесь иначе не шьют...

Т. КОСТЫГОВА

Начнем с примера. Вот рассказ третьеклассника Саши С.

— Очень люблю чтение, и арифметику, и еще кино. Но мама запрещает ходить в кино. Она говорит, что верующим туда ходить не положено. В первом классе я стал октябренок, а мама мне запрещала носить звездочку. На Октябрьские праздники наша школа выступала в клубе с концертом, я рассказывал стихотворение. Когда я вернулся домой, мама побила меня.

Не разрешает мне мама смотреть телевизор у соседей, говорит, что это тоже «культурный грех». Мама меня пугает, если я не буду молиться, то попаду в пекло...

Вы, очевидно, уже догадались, что речь пойдет о воспитании детей в религиозных семьях, проблеме сложной и во многих отношениях тонкой. И еще о том, как закон, направляющий жизнь

вершаются не в мечети, а дома, на глазах у детей — обряд именаречения ребенка, положение его в колыбель, первое купание, первая стрижка и другие.

Активно действует «домашняя церковь» и в семьях сектантов. Родители приучают детей молиться утром, вечером, перед едой. С ними разучивают религиозные песни и стихи. Ребятам постарше дают переписывать заповеди, псалмы.

Особенно отличаются в этом отношении баптисты-«инициативники», для которых характерно стремление к отчуждению от нашей жизни и ее норм. Они начинают религиозное воспитание буквально с колыбели новорожденного.

Встревоженные тем, что молодежь в семьях верующих не хочет идти по пути родителей, церковники прибегают к испытанным средствам воздействия. Открыто или замаскированно они убеждают матерей и отцов, что дети их, став без-

дений родителей, которых он любит и которым верит, то перевешивают взгляды, сформированные школой.

Это настоящая трагедия для неокрепшей детской души. Она может привести к опасному нервному срыву, может воспитать человека лицемерного, лживого, стремящегося угодить и нашим и вашим.

Все, что связано с детьми, с защитой их интересов, входит в сферу действия нашего государства, его права и законов. У нас в стране церковь отделена от государства и школа отделена от церкви. Это означает, что религиозные организации ограничивают свою деятельность только отправлением религиозного культа. Все попытки церкви вести специальную работу с несовершеннолетними, создавать группы по обучению детей религии считаются незаконными.

Образование и воспитание подрастающего поколения государство доверило школе и общественным организациям, строящим свою деятельность на научно-материалистической основе. Государство охраняет право родителей на воспитание детей, не предоставляя верующим никаких привилегий. Но у родителей есть и твердые обязанности перед обществом. Советское законодательство о браке и семье в своей 52-й статье четко формулирует эти обязанности: «Родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться об их физическом развитии, обучении и подготовке к общественно полезной деятельности». И добавляет: «Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей».

Одни верующие отстаивают исключительность своего права на религиозное воспитание детей, на безраздельность своей власти по отношению к ним: «Мои дети: как хочу, так и воспитываю, но погибели их не допущу». Другие в известной мере ограничивают свои притязания, реально относятся к жизненной ситуации. Они не возводят психологического барьера между ребенком и окружающим «грешным» миром. Нам представляется правильным, гуманным такое поведение. Моральный долг родителей во имя интересов ребенка проявлять благоразумие.

Наше общество вправе предостеречь верующих родителей: остановитесь, подумайте. Вы вольны поступать как угодно с самим собой, но перед вами судьба ребенка. Взвесьте, правы ли вы, обкрадывая его жизнь, обрекая на тяжелый конфликт со школьным воспитанием, с товарищами, учителями. Не о себе подумайте — о нем, его душевном равновесии, здоровье.

Конечно же, нелегко, непросто принять такое решение верующему человеку. Им очень нужна в таком случае товарищеская помощь педагогов, авторитетных людей, которые смогут добрым, убедительным словом показать высокоуманный смысл отказа от религиозного воспитания детей.

Но в тех случаях, когда происходит вторжение религиозной педагогики в школьную сферу, когда родительское насилие угрожает жизненным интересам ребенка, свое веское слово в его защиту говорит советский закон.

И. БРАЖНИК,
доцент МГУ

Беседы о вере и знаниях

ПОДУМАЙТЕ О СУДЬБЕ РЕБЕНКА

граждан нашего государства, охраняет интересы детей.

Хорошо известно, что основы характера, фундамент мировоззрения формируются у людей с раннего детства. Это время самого доверчивого, некритического отношения ко всему, что внушается ребенку. Дети впечатлительны, они легко фантазируют и еще не умеют четко отделять реальное от вымысла. Они смотрят на мир глазами близких им людей — отца и матери, бабушки и дедушки.

А теперь представьте атмосферу религиозной семьи, с ее иконами, предметами культа, с соблюдением всех праздников, постов. Это своего рода «домашняя церковь», и главная роль в ней принадлежит чаще всего матери. От нее и зависит, каким станет ребенок к началу сознательной жизни.

Особенности детского возраста, наставническую роль матери учитывает в своей деятельности и церковь. Бывает, что в проповедях и поучениях священнослужители призывают верующих приводить и даже приносить детей в церковь или общину. Церковники знают, какое сильное впечатление производит необычайность обстановки и религиозной символики, театральность службы и ритуальных действий.

Большие надежды возлагают они на влияние религиозной семьи. Многие религиозные действия у мусульман со-

божниками, останутся несчастными, а сами они за духовную измену будут держать ответ перед богом. И тем и другим уготована будет «геенна огненная».

Кому не хочется видеть своих детей счастливыми, здоровыми, не обремененными судьбой! Вот и ведет мать свое дитя к престолу божьему, усмиряя порывы его души, наставляя его в смирении. У самих детей нет потребности в религии. Наоборот, им присущи активное отношение к жизни, подлинный интерес к познанию окружающего мира. Ребенок жадно тянется к новой информации, хочет знать кто, что и почему.

Церковная педагогика советует пресекать природную любознательность ребенка, если она выходит за пределы религиозной сферы. Для того, чтобы добиться послушания, детей запугивают картинами адских мук, греховности «мира», изолируют от сверстников. В детском саду малыш испытывает страх из-за того, что вместе со всеми он разучивает нерелигиозное стихотворение. В школе такие дети предубежденно относятся ко всякой, даже неатеистической информации.

Что же получается в итоге религиозного воспитания? Ребенок оказывается неподготовленным к правильному восприятию окружающей действительности. Сознание его раздваивается. Дома он слышит одно, в школе — совсем иное. То чаша весов клонится под грузом убеж-

ГРАНИ ТАЛАНТА

Елена ТАРАСОВА

Подперев голову рукой, она сидела у зеркала в своей крохотной гримерной. На ногах ладные блестящие сапожки, на голове лохматая меховая шапка, за плечами, напоминая тяжелые черные крылья, топорщилась бурка. По тому, как она невидящими глазами смотрела на свое отражение, я поняла: что-то произошло, и спросила об этом.

— Да так... Ничего особенного,— пытаюсь улыбнуться, ответила Люсьена.— Небольшая неприятность...

Но через несколько минут уже сама рассказывала, что недовольна собой: не так, как хотелось, исполнила на репетиции роль атаманши Клеопатры в «Думе о Британке».

— А! — лихо машет рукой Овчинникова и улыбается на этот раз по-настоящему.— Чепуха! Просто я не собралась. Выскочила на сцену без внутренней подготовки, вот и не получилось. Но если совсем честно: эта атаманша — роль для меня не обычная.

С первых шагов в театре мне как-то везло — я играла роли, которые любила, это были милые, добрые и простые женщины и девушки. В общем, как принято говорить, положительные героини. А эта атаманша явно отрицательная... Да буду я играть эту атаманшу,—помолчав и уже весело говорит Люсьена.— Ну, был срыв, но вечером, я уверена, все будет в порядке.

...Так и случилось. На спектакле я видела, что все было как надо, хотя, конечно, атаманша — не лучшая роль актрисы. И все равно, едва она появилась на сцене в своей лохматой шапке и с известным шегольством накинутой на плечи бурке, в зале возникло легкое движение, которое — я замечала — возникало почти всякий раз, когда на сцене появлялась Люсьена Овчинникова.

Актрису узнают. Узнают ее и на улице, и в кафе, и в городском транспорте. И не только узнают. У нее просят взаиммы, советуются, куда поступить учиться, стоит ли выходить замуж и какой нужно знать секрет, чтобы не ошибиться в выборе профессии. Но, пожалуй, настойчивее всего спрашивают, как она стала актрисой.

Спрашиваю ее об этом и я: не одно письмо с таким вопросом встречалось в редакционной почте.

— Боюсь, что мое начало было не очень поучительным. Чтобы стать актрисой, убежала из дома. Отец у меня пограничником был и в ту пору, когда я школу кончала, служил в Туркмении. Те-

атрального училища рядом не было, и я решила тайком уехать в Минск, где у меня жила тетка. Подруга хлеба на дорогу дала. Она меня и провожала. А отцу я письмо написала: мол, прости, милый папа. Это не прыжок в стратосферу, как ты отозвался о моем стремлении стать актрисой. Для меня театр — главное. Хочу помогать людям становиться умнее, благороднее, чище... Ну и еще что-то в этом же роде.

— А до этого вы пробовали свои силы в спектаклях? Может быть, участвовали в самодеятельности?

Люсьена Ивановна лукаво улыбается.

— И почему это,— говорит она,— все корреспонденты, будто сговорились, задают такой вопрос?

— Ну, видимо, потому, что это, пожалуй, самый естественный в наши дни путь к сцене.

— Может быть. Не знаю. Только я никогда не играла в самодеятельных спектаклях. Никогда! В школе у нас был, помнится, театральный кружок, но я в нем не участвовала. Может, оттого, что боялась. Я ужас какая застенчивая была.

— И отчаянная. Не побоялись ведь бросить родной дом, рассердить отца...

— Вообще-то, наверное. Впрочем, не знаю, не анализирую своих поступков. Приехала я в Минск. И выяснилось, что прием в институты закончен. Возвращаться домой не хотелось, хоть я и любила отца и мачеха у меня (мама-то моя умерла) была женщина хорошая. А чтобы не сидеть на шее у тетки, устроилась в магазин. В парфюмерный отдел. Сначала ученицей, потом продавцом.

Теперь-то я понимаю, что не столько работала, сколько играла перед покупателями роль продавца. И очень мне это нравилось. Душилась отчаянно, так что в трамвае от меня пассажиры шарахались. А мне было весело.

Пришло время подавать документы. Я подала сразу в три места — в Щепкинское училище, Шукинское и в ГИТИС. Явилась в положенное время в Москву. И чтобы не очень отличаться от столичных модниц, взяла взаиммы у приятельницы туфли на высоких каблуках, надела серьги, волосы повязала красной лентой. К сожалению, все эти ухищрения не помогли. Подготовлена я была плохо и в Шукинское провалилась. Духом, впрочем, не пала. И, снова повязавшись красной лентой, покачиваясь на непривычных каблуках, отправилась в ГИТИС.

Среди экзаменаторов — Григорий Гри-

Такой мы увидели Люсьену Овчинникову в кинофильмах «Девчата», «Отчий дом», «Мама вышла замуж».

горевич Конский, Иосиф Моисеевич Раевский, Платон Владимирович Лесли. Люди, ставшие впоследствии моими добрыми и любимыми наставниками.

Вошла я и слышу, как кто-то из них насмешливо этак говорит: «А это что за драма?» Но я и ухом не повела, прочитала рассказ Чехова. Какой, уж запомнута. Помню только, что экзаменаторы, слушающая меня, смеялись. И я решила, что провалилась. Вышла в коридор и ну реветь. Секретарша приемной комиссии увидела, подошла и сказала, что реву я напрасно: меня скорей всего примут, потому что комиссия я понравилась.

Так и случилось: приняли.

— Мне рассказывали, что смех, правда, не экзаменаторов, а зрителей, не на шутку напугал вас на просмотре кулиджановского фильма «Отчий дом».

— Очень я себе не понравилась на экране. Оттого и на первый просмотр не пошла — боялась. А потом, когда мне сказали, что фильм приняли хорошо, — отважилась. Вошла в зал, когда погас свет, и села рядом с Нонной Мордюковой. Все вроде сначала хорошо шло. Но появилась на экране Нюрка, и тотчас раздался смех. «Ну, конечно, — подумала я в ужасе, — этакая уродка и на экран полезла». — Если бы не Нонна, сбегала бы с просмотра. Потом меня, правда, хвалили.

— Нюрка — ваша первая роль в кино. А в театре?

— Я считаю своей первой настоящей ролью арбузовскую Таню, хоть и сыграла ее на сцене ГИТИСа, а не в Театре Маяковского, где работаю уже восемнадцать лет — со времени окончания института. Таня была моей дипломной работой. Как я к ней готовилась! Даже в Сокольниках заблудилась, как Таня. И в Большой театр бегала: ведь Таня, дочь учительницы музыки, хорошо знала и любила оперу. Роль, говорят, удалась. А в Театре Маяковского первой работой была Аннушка в «Обыкновенном человеке». Потом Надя в «Домике на окраине», Клава в «Часе до рассвета», Лаэрта в «Леди и джентльменах», Валя в «Иркутской истории», Туся Большакова в «Нас где-то ждут». Да мало ли их было, ролей-то!

...Я впервые увидела Овчинникову в спектакле «Маленькая студентка». Она играла Ваву Миландину. До сих пор помню, точно это было вчера, как Вава идет сдавать экзамен. Она плохо подготовлена и непременно провалится. Вава не говорит об этом, но актриса так выразительно проводит сцену, что зритель не может не понять, не почувствовать грозящего ей провала.

Естественность, убедительность и обаяние отличали и другую роль актрисы — Машу в спектакле «Время любить». Овчинникова с подкупающей достоверностью передавала радость Маши, когда мастер назвал ее руки золотыми.

Одна из последних ролей актрисы — Тамара в спектакле «Мария» Салынского. Роль эпизодическая, но сделана она с таким профессиональным мастерством и таким изяществом, что, бесспорно, является творческой удачей актрисы.

Впрочем, широкий зритель куда лучше знает и любит актрису по кинофильмам. Это и «Отчий дом», и «Девчата», и «Первый день мира», и «Девичья весна», и «Мама вышла замуж», и «Утренние поезда»...

Лучшие, на мой взгляд, роли Л. Овчинниковой в кино — маленькая чертежница

в «Утренних поездах» и деревенская девочка Нюрка в «Отчем доме». Они очень разные, эти роли. В Нюрке привлекают цельность, широта характера, слитного с природой, среди которой живет эта открытая, искренняя, веселая и чуть лукавая девочка. Совсем иная героиня «Утренних поездов» — бойкая, пустынная и несчастная, рано повзрослевшая девушка.

— Вы много сыграли характеров рядовых русских девушек и женщин. Как вы работаете над ними? Как приходите к внешнему и внутреннему рисунку роли?

— По-разному. Главное, наверное, в том, что я любопытна к людям. Сколько увижу, сколько передумаю, переживу — все со мной, во мне. Иногда случится неприятность — плачешь, а где-то в глубине души (плохо это, да?) радость: теперь и это буду знать. А в чем-то я, наверное, похожа на своих героинь: люблю петь, плясать, смеяться.

Люсьена действительно похожа на многих из тех, кого она играет. Та же легкость в движениях, та же челочка, тот же быстрый, с лукавинкой взгляд.

— А вас не тревожат повторения, не пугает, что многие ваши киногероини похожи друг на друга?

— Конечно, пугает. Недавно даже разговор такой был. Позвонили мне с «Мосфильма». Хотим, сказали, предложить вам роль штукатура Люси. «Простой девушки?» — спросила я. «Да», — отвечают. «Такой веселой, — говорю я, — разбитной?» «А откуда вы знаете?» Еще бы мне не знать: амплу веселой, разбитной девушки припаяно ко мне намертво. Да, существуют актеры одной роли и роли одного актера. Но бывает и просто кочующий из пьесы в пьесу, из фильма в фильм образ облегченной, расхожей драматургии. Образ-повтор. И если твои актерские данные втолкнули тебя в этот «долгоиграющий ряд», вырваться из него нелегко.

Сетования Люсьены Овчинниковой можно понять. Но то, что сейчас огорчает ее, когда-то радовало и было счастливым открытием самой себя как в театре, так и кинематографе.

— Я ведь искренне люблю своих героинь, — говорит актриса, — люблю играть рабочих девочек и хорошо знаю их. Только хочется, чтобы образы эти были глубоки и сложны, чтобы требовали напряженного труда и перевоплощения. Очень бы, конечно, хотелось сыграть женщину застенчивую, тонкую, пусть даже с трудным характером и сложной судьбой.

Я желаю актрисе исполнения этой мечты и заодно поздравляю ее с присвоением звания заслуженной артистки РСФСР.

— А над чем вы сейчас работаете? — задаю я традиционный вопрос.

— Снимаюсь на Одесской студии в фильме «Северное сияние», посвященном людям Крайнего Севера. Моя героиня — жена охотника, живет в тайге, тяжело переживает разлуку с двумя детьми, которые воспитываются в интернате, она в вечной тревоге за жизнь мужа. Только что снялась в роли Валентины для телефильма «Большая перемена».

Есть и еще планы, но я, как все актеры, не люблю говорить о несъгранных ролях.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Лариса Сушко выросла в Одессе. По окончании Московского архитектурного института несколько лет занималась проектированием, затем перешла на преподавательскую работу.

Стихи Лариса пишет сравнительно недавно. Но уже не раз публиковалась в различных журналах, а также в альманахе «Поэзия». Первая книжка поэтессы, «Снежить», вышла в 1972 году в издательстве «Молодая гвардия».

Родине

...Во мне сороковых метели,
и отзвуки метущих залпов,
и расколовшиеся ели,
и грозный марш полков на запад.

Во мне разлет твоих просторов,
печаль неслыханных потерь,
твоих ручьев разливный норов
и грусть забытых матерей.

И с этим грузом спозаранку
мне молоко и хлеб нести
и на колене детском ранку
несмело йодом обвести.

Неутоленность

Это более памятно,
чем выступившая пятючка
в правой стороне живота,
чем пятно от зеленки
на первой невесомой рубашечке,
чем неистовый крик,
раздирающий
сморщенную красную гримаску,
похожую на резиновую,
чем полтора шажочка до дивана,
которые,
как показались, прошла сама,
чем прятки — пеленки на голову —
найди меня! —
чем веселый лепет «ибиди»,
и пальчик, указывающий на сапожки,
чем первые прочитанные слова,
и первое, упрятанное глубоко в глазах
упрямство.

Это более жжет,
чем желание накормить
лучшими плодами садов.
Этот путь подлиннее,
чем от соскакивающего бантика
до косы.

Это невыносимо трудно —
оставаться спокойной,
неуступчивой,
будто бы безразличной,
целуя лишь спящую.

Это —
лепить человека,
проглатывая его взглядом
и в отдалении,
лепить каждой минутой своей жизни,
своим человеческим достоинством,
когда, как у скульптора
перед глазами
в обычной для других неброской
глыбе, —

вот он! — образ гармонии,
еще не выявленный.

Детский сад на даче.

Фото А. БОЧИНИНА.

Ян ВЕРМЕЕР. ДЕВУШКА С ЖЕМЧУЖНОЙ СЕРЬГОЙ.

Пробуждение

Татьяна СЕДОВА

«Девушка с жемчужной серьгой», хранящаяся в музее Маурицхейс в Гааге, поистине может быть названа одним из шедевров мировой живописи. Эта скромная небольшая картина стоит по своей художественной ценности многих тысяч броских и больших полотен. В ней все поражает тонким художественным вкусом, безупречным тактом, точностью отбора художественных средств, лаконизмом. Кажущаяся простота выполнения скрывает за собой длительный процесс обдумывания замысла, сложный, точный расчет композиционного построения, взыскательный поиск наиболее гармонических красочных созвучий. Портрет создан великим голландским живописцем семнадцатого столетия Яном Вермеером Дельфтским. Имя этого художника долго находилось в забвении. Только со второй половины девятнадцатого века художника вспомнили и начали разыскивать его работы. Они начинают цениться так высоко, что в двадцатом веке предпринимаются неоднократные попытки подделывать его произведения и сбывать за большие деньги в частные коллекции и музеи.

Сохранилось около сорока подлинных картин Вермеера. Они составляют предмет особой гордости тех музеев и коллекций, которые имеют счастье ими обладать. К сожалению, в советских музеях нет ни одного произведения прославленного голландца, хотя у нас и хранятся ценнейшие в мире собрания голландского искусства той эпохи.

Голландская художественная культура XVII века была богата живописными талантами. Можно назвать десятки имен знаменитых художников, великолепных мастеров портрета, пейзажа, натюрморта, бытовых сцен, батальных композиций. Их заслугой было решительное обращение к изображению

окружающей человека действительности. В небольших полотнах эти «малые голландцы» запечатлели многие своеобразные стороны национального уклада жизни. Они были горячими патриотами своей родины, сравнительно недавно обретшей свободу от испанского владычества, страстными почитателями ее непритязательной красоты. С энтузиазмом воспроизводили они туманные равнины, песчаные дюны, медленно текущие воды в каналах и реках, небо с вечно бегущими облаками, быт и нравы своих сограждан.

В явлениях повседневной жизни они увидели особую привлекательность и красоту, дотоле неизвестную искусству. В незаметном на первый взгляд они сумели открыть значительное, в малом — великое, в некрасивом обнаружили прекрасное — словом, все, связанное с человеческим существованием, обрело для них свой эстетический смысл.

Художники эти явились создателями подлинно реалистического искусства. На первом этапе своего развития, особенно в творчестве Франса Хальса и его последователей, оно было отмечено чертами демократического мироощущения. Но во второй половине семнадцатого столетия голландское искусство начинает отражать сословные вкусы уже буржуазного общества и теряет былой демократизм.

В Голландии продолжают работать великие мастера, сохраняющие верность гуманистическим идеалам. Среди них следует прежде всего выделить два имени — Яна Вермеера и Рембрандта ван Рейна. Но страстный бунтарь Рембрандт совсем не схож со спокойным, рассудительно-сдержанным Яном. Сведения о жизни Яна Вермеера (1632—1675) скудны. Он родился в свое время в Дельфте.

В большой семье Вермеера было одиннадцать детей. Картины Вермеера высоко ценились соотечественниками, но работал он медленно, в каждом случае упорно добиваясь законченности и совершенства. И оттого постоянно нуждался в деньгах, которые не мог добыть трудом живописца. К концу своей жизни Вермеер был вынужден заниматься торговлей чужими картинами.

Вермеер Дельфтский принадлежит не только к числу гениальных живописцев мира, но и к наиболее взыскательным художникам, не разрешающим себе выпустить в свет произведение, не отвечающее самым строгим требованиям.

«Девушка с жемчужной

серьгой» была написана художником после 1660 года, в период наивысшего расцвета его таланта. С большим основанием многие историки и искусствоведы предполагают, что для этого прелестного портрета ему позировала старшая дочь. Действительно, образ девочки таит в себе притягательное обаяние благодаря тому чуткому, бережному отношению, с которым сам художник относится к своей модели. Только постоянно наблюдая жизнь близкого и милого сердцу существа, можно уловить пробуждение женственного очарования, тот трудно установимый краткий возрастной миг, когда в нескладной девочке-подростке начинает ощущаться будущая прелестная женщина. В портрете это находит выражение в сознательно допущенном художником противоречии между бесхитрым детским личиком и «взрослой» одеждой, особенно тюрбаном, плотно облегающим голову.

Ниспадающий вниз конец тюрбана слегка оттягивает голову девочки назад. Возникающая благодаря этому вертикальная линия придает ее позе оттенок горделивости, впрочем, не лишаящий девичий образ скромности и простоты.

Девушка повернула лицо в сторону художника, глядя на него открытым чистым взглядом больших карих глаз. С их живым блеском соперничает сияние большой жемчужной серьги. Из этого неожиданного сопоставления рождается поэтическая настроенность портрета. Лицо девушки залито ослепительным потоком солнечного света. Этот ликующий свет придает девичьему лицу с внимательным, словно вопрошающим взглядом некую загадочность. Художника явно очаровывает поэтическая трепетно-нежная девочка, ее душевная чистота. Этому этическому идеалу удивительно соответствуют и краски, любимые художником, желтый и синий тона. Вермеер использует цвета спектра в их чистом, звонком и интенсивном звучании.

Лицо девушки никто не назовет красивым, но всякий согласится, что оно прекрасно отражением ясно душевного мира, контрастом внешнего покоя и затаенной эмоциональной жизни. Великий художник средствами своего волшебного искусства превращает кроткое скромное существо в поэтический идеал пробуждающейся женственности, не допуская в этом образе ничего случайного, мелкого, второстепенного.

МАЛЬЧИК НАБОРОТ

Мальчик как мальчик — беленькая челочка, застенчивый взгляд. Это и есть «тот самый Вадик». Заведующая детским садом, знакомя новую воспитательницу с группой, сказала: «Дети спокойные, но вот Вадик... Вам трудно с ним придется». Тамара Андреевна про себя подумала: «Ну уж, чтобы не справиться с пятилетним мальчонкой...»

...В группу принесли новые игрушки. Среди них две совершенно одинаковые машины. Одной завладел Коля. Вадик попробовал отобрать у него машину. Не получилось. Тогда мальчик подошел к воспитательнице и сказал: «Я хочу вон ту». Тамара Андреевна протянула ему вторую машину. Но Вадик ее не взял и тихо повторил: «Я хочу ту, у Коли».

— Эта такая же.

Мальчик стоял на своем.

— Нет, нет, поиграй ей.

Вадик надулся, отошел и начал стучать носком ботинка в стену.

— Вадик, не надо. Ты портишь стену!

— потребовала Тамара Андреевна. Вадик застучал сильнее. Воспитательница взяла мальчика за руку и отвела от стены. Вадик вернулся и опять принялся за свое.

Уже давно перестал играть с машинной Коля. Мальчика убеждали воспитательница, няня, заведующая — никакие уговоры не помогли. Дети погуляли, поели, а Вадик все стоял и стучал в стену. От стены его с трудом оторвала мать, пришедшая к концу дня. Вадик плакал, кричал, вырывался и падал на пол.

Тамара Андреевна была в отчаянии. С удивлением услышала она от мамы Вадика почти горделивое:

— Он у нас такой... Настойчивый!

Как заблуждалась мама! Как сильно ошибаются те родители, которые готовы терпеть тиранию маленького упряма ра-

ди иллюзии — «растет волевой, сильный!»

На самом деле упрямство объясняется не силой, а слабостью детской воли. В дошкольном возрасте только начинает формироваться способность управлять своим поведением. Проявить волю — это значит уже к чему-то осознанно стремиться, отказаться от каких-то желаний во имя окружающих людей, преодолеть внешние, а чаще всего внутренние препятствия. Воля полезна обществу, упрямство всем нам во вред: оно неразумно. И большинство родителей в отличие от Вадиковой мамы понимают это. В редакцию приходит много тревожных писем: «Ребенок упрям. Почему? Как быть?»

Итак, почему?

...Кто сегодня не знает, что подростковый возраст — переходный, трудный? Но далеко не каждому известно, что и на дошкольные годы падает переломный, очень ответственный для воспитателей момент. У детей на третьем году жизни как бы «портится характер». До этого времени во всем зависимый от взрослых малыш, естественно, был и послушен им. И вдруг все наоборот. Ребенок словно отделяется от воспитателя: он овладевает речью, начинает одеваться и раздеваться сам, узнает многое о вещах и обращении с ними. Конечно, эти знания и умения, с точки зрения взрослого, малы и элементарны. Дети склонны переоценивать свои возможности. Родители запрещают брать молоток, трогать утюг, а ребенку кажется, что и он, так же как папа, легко забудет в стенку гвоздь, с такой же ловкостью, как мама, погладит рубашку. Он большой, он все может. В этот период дети иногда делают попытку командовать не только вещами, но и взрослыми людьми: чего-то требуют, повышают голос. А окружающие довольно часто не замечают новых возможностей детей, продолжают по-старому относиться к ним. Возникают конфликты: взрослый добивается, чтобы малыш вел себя, как прежде, ребенок не подчиняется, защищает свое право на действие и самостоятельность. Если родители внимательны к малышу и даже в крохотном человечке видят и уважают растущего Человека, с его желаниями и стремлениями, все обойдется нормально. Пусть сын, коли уж хочется ему, подержит в руках молоток. Под присмотром старшего беды не будет. Но именно в это время важно и другое: познакомить ребенка с понятиями «не нужно», «нельзя». Мера запретов. Мера требований. Требования в это время должны усложняться, пусть чаще звучит слово «сам»: «завяжи сам шнурки», «ешь сам ложкой»... Мера помощи —

уже нет необходимости бросаться к малышу при первой попытке взобраться на стул.

В самых первых своих проявлениях упрямство не беспричинно.

Ребенок отказывается надеть красивый костюм. В этом костюме нельзя играть, как захочется, страшно его испачкать.

Упрямство бывает способом самоутверждения. Пятилетнему Мише все говорят, что он еще маленький. Чтобы доказать, что он такой же большой, как старшие братья и сестры, мальчик нарушает запреты взрослых, грубит, отказывается подчиняться.

Маленький ребенок еще плохо управляет своими чувствами, не всегда осознает их и выражает их с нашей, взрослой, точки зрения нелогично. Вася остро, почти болезненно любит маму. Как только его мама начинает с кем-нибудь беседовать, мальчик тянет ее за руку, принимается хныкать, жаловаться на несуществующие болезни. Мальчику хочется, чтобы внимание мамы принадлежало только ему.

Особый случай упрямства — от нездоровья. Например, после болезни малыш физически ослаб. То, что раньше получалось само собой, теперь удается с трудом. Ребенок беспричинно (по мнению взрослых) плачет, просит какую-то особую еду, нарушает установленные правила. Подобное упрямство временно, и ничего особенного не произойдет, если родители, желая успокоить ребенка, в чем-то ему уступят. Однако при этом не стоит фиксировать внимание на своей уступчивости, объяснять: «Мы тебе это разрешаем только потому, что ты болен».

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ!

«ОТ НОЛЯ ДО СЕМИ». Изд. «Знание». М. 1967.

Л. ОСТРОВСКАЯ. «Надо ли наказывать детей». Изд. «Просвещение». М. 1967.

Е. АРКИН. «Ребенок в дошкольные годы». Изд. «Просвещение». М. 1968.

Когда ребенок окрепнет, можно будет вновь предъявить ему обычные требования.

Такое «разовое» упрямство само по себе не страшно. Плохо другое — не замечать его, не задумываться над ним. Каждый конфликт требует родительского анализа и точного решения: устранить причину каприза или твердо настоять на своем. Ведь даже мимолетный каприз ребенка — заявка на линию в его отношениях со взрослыми. И если эти отно-

шения складываются неправильно — детское упрямство тут как тут.

Кстати, заметьте: ребенок обычно упрям только с кем-то из взрослых (не со всеми) и очень редко упрямится в кругу детей.

Чаще всего крайности делают малыша упрямым: когда ему запрещают или, напротив, когда ему все разрешают.

Даже «сонная» курица беспорядочно бьется, если ее не выпускать долго из рук. Это стремление вырваться, обрести волю физиологи называют «рефлексом свободы». А разве не сбавывает этот рефлекс у живого, любознательного дошкольника, которому то и дело кричат: «Не ходи!», «Не бегай!», «Не трогай!», — а он «назло» ходит, бегает, трогает.

Неразумно и вредно наказывать детей за проявление упрямства.

Одна мама пишет в редакцию о своем сыне: «В моем мальчике много упрямства, даже если его шлепнешь, он будет настаивать на своем, но уже со злостью». Очень верно замечено: ничего, кроме злости, такой «нажим» не вызовет. Кстати, именно насилие порождает очень сложную, болезненную форму упрямства: ребенок не просто чего-то требует, а действует наоборот, даже вопреки своим желаниям.

«Толя, иди гулять!» — говорит мама. «Не пойду», — отвечает сын. «Правильно, не ходи», — соглашается мама. — Кажется, будет дождь». «Нет, пойду!» — говорит Толя и упорно рвется на улицу. Потому важно не переступить ту грань, за которой начинается вместо борьбы с упрямством борьба с ребенком. Эта борьба не обязательно окончится победой взрослых, но ребенок всегда окажется страдающей стороной. Дошкольный возраст — возраст хрупкий. Грубостью, насилием взрослый может не только «слопать характер», породив в растущем человеке вялость, безволие, но и нарушить психическое равновесие: по утверждениям медиков, психиатров, многие неврозы имеют истоки в раннем детстве.

Неразумное удовлетворение родителями желаний и прихотей ребенка — другая из распространенных причин появления упрямства. Мама и папа ни в чем не отказывали любимой дочке и вдруг сегодня не купили игрушку, которая приглянулась. Конечно, девочка сделает все возможное, чтобы добиться своего: будет кричать, плакать, топтать ногами. Кстати, на правиле «захочу — получи» воспитывался и тот «неподдающийся» Вадик, о котором шла речь в начале статьи.

Лечить упрямство трудно: всегда трудно перестраивать сложившиеся отноше-

Маленькая неосторожность — большая беда

Это произошло совсем недавно в Риге. Родители уложили вечером своих четверых детей спать, а сами ушли в кино. Дети за это время нашли спички и, играя ими, учинили пожар. Все четверо (а старшему шел пятый год) погибли...

О несчастье говорить нелегко, пожар — всегда большая беда. Особенно тяжело говорить о пожарах, уносящих жизнь детей. Но говорить приходится: случается, когда малыши или школьники становятся виновниками пожара, к сожалению, еще немало. Мы, работники пожарной охраны, изучаем причины каждого случая. Вывод один: самая частая причина — шалости детей со спичками.

Как предупредить несчастье?

Самое простое: малышам спичек не давать. Ну, а детям постарше? Школьникам? По этому поводу мнения разделились.

Очевидно, с определенного возраста, скажем, с того времени, как ребенок становится школьником, надо его обучать умелому обращению с огнем. Обучать точ-

но так же, как прививаем мы ему другие полезные навыки. И непременно предупредить об опасности.

Дети очень впечатлительны. Рассказ о несчастье, происшедшем из-за баловства с огнем, оставит неизгладимый след в душе маленького слушателя. Пусть элементарные требования пожарной безопасности органически войдут в систему воспитания ребенка, как необходимый элемент его разумного существования.

В некоторых книгах и журналах, рассчитанных на детей и подростков, спички нередко расцениваются как предметы игр или как пособие (хотя продажа ребятам спичек, как и папирос, запрещена). Справедливо ради надо сказать, что авторы арифметических задач со спичками

ния младшего со взрослым или искоренять черту, даже черточку, характера. И все-таки... Можно постепенно научить дошкольника относиться сознательно к словам «нельзя» и «нужно».

Чем меньше ребенок, тем легче ему проявить себя в действии и тем труднее ему в этом действии остановиться. Есть смысл отказаться от прямых запретов и переключать ребенка с одного дела на другое. Вместо «Перестань кричать!» — «Скажи еще раз, но тихо-тихо», вместо «Не двигай стул!» — «Поставь стул вот сюда». Детям старше пяти лет (именно к этому времени ребенок может в какой-то мере осознанно управлять своим поведением) полезно дать почувствовать, что упрямством он нанес вред и другим и себе.

«Не буду убирать игрушки!» — заявляет шестилетний Вова. «Не убирай! — спокойно соглашается мама. — Позову Сережу, он уберет совсем. Я вижу, тебе игрушки больше не нужны».

Если упрямство сопровождается криком, топанием, падением на пол и т. п., ни в коем случае не следует проявлять вслух тревоги о самочувствии ребенка: «Не лежи на полу — простудишься», «Не стучи головой — голову разобьешь». Увидев волнение родителей, ребенок отвечает: «И буду! И простужусь! И разобью! И еще хуже будет!» И чувствует, что для победы над взрослыми осталось «потрудиться» совсем немного.

В подобной ситуации лучше всего оставить упряма одного, — сделать вид, что ничего не случилось, а после, когда приступ упрямства пройдет, с ребенком 5—7 лет можно и поговорить о неразумности и недопустимости такого поведения.

Кстати, повод для оптимизма: упрямство похоже на детскую болезнь — оно проходит. Взрослея, ребенок умнеет и набирается опыта отношений со взрослыми и сверстниками. Неразумные поступки остаются позади. И, право, только при крупных просчетах в воспитании упрямство закрепляется в характере. «Тайнственное», необъяснимое детское желание делать «все наоборот» почти всегда остается где-то позади.

Даже поэтому большинство упрямых детей нуждаются не в строгости, а скорее в помощи — помогите им скорее выбраться из этого и для них тяжелого упрямства.

Пусть скорее окружающие скажут о «мальчике наоборот»: «Мальчик как мальчик».

Л. ЛЕВИНОВА,
научный сотрудник Института
дошкольного воспитания АПН СССР

Рисунок О. КОРНЕВА.

РЖАВЧИНА

Вероника
КОНОНЕНКО

Во дворе остервенело лаяла собака. Мы стояли у калитки, в нерешительности переступая с ноги на ногу. «Пойду первая», — вздохнув, сказала Наташа и, словно бросаясь в холодную воду, с силой толкнула калитку: Я вошла следом. Прижимаясь к сараю, то и дело проваливаясь по колено в раскисшем снегу, мы медленно двигались к дому. Собака звывалась на дыбы и так натягивала веревку, что казалось, она вот-вот лопнет. Наташа невольно прикрыла лицо руками. Я видела: ей мучительно стыдно идти в этот дом под злобный лай и хрипение собаки. На глазах у Наташи блеснули слезы, сжатые губы побелели. Но не идти она не могла.

Внезапно Дик захлебнулся и затих. Во двор вошла женщина, волоча за собой санки, нагруженные мешками. Она шла, понуро опустив голову, повязанную платком, механически передвигая ноги в заляпанных грязью резиновых сапогах. На ее худеньких плечах болталась рваная зеленая кофта. В руках была зажата палка с острым наконечником. «Мама», — прошептала Наташа. Женщина подняла лицо, но глаза ее, словно незрячие, смотрели куда-то мимо нас. Она бросила санки, молча открыла сарай и тут же исчезла, канула в темноту. Я оглянулась вокруг и увидела, что во дворе то тут, то там лежали груды почерневшей капусты, картофельные очистки, какие-то тряпки.

— Мама эти отбросы на свалке собирает, — сказала Наташа, кивнув на туго набитые мешки, которые мать оставила на санках. — С шести утра, полный рабочий день. Зимой еще ничего, а летом там задохнуться можно! Видели, какая она худая, словно соломинка! Только что воспаление легких перенесла. Ей лежать надо, а отец ее и сегодня на свалку погна!

Добравшись до крыльца дома, мы облегченно вздохнули: собаке сюда не дотянуться. Я постучала в дверь. В оконце террасы показалась всклокоченная голова. Маленькие голубые глазки смотрели настороженно и хмуро.

— Кто там?

— Откройте, по делу, — ответила я.

— У меня с вами никаких дел нет.

Голова исчезла. Дом молчал, как нежилой. И только Дик, срывая голос, по-прежнему скакал на веревке. Наташа снова яростно забарабанила в оконное стекло. Наконец дверь тихонько приоткрылась, и чья-то рука, накинув цепочку, просунулась в узкую щель. «Ваши документы!» Я предъявила редакционное удостоверение.

Потом мы сидели на кухне, не раздеваясь, — хозяин экономил на топливе, — и, ежась от холода, разговаривали. Вернее, говорил Егор Денисович. Он жаловался. Работал всю жизнь, а что получил? Родная дочь ненавидит. Замуж, не спросив, вышла за какого-то голодрянца. Волосы черные, в кольцах, не иначе — цыган. Такого без присмотра в доме оставить страшно — «обворует». Он встал и, кутаясь в кацавейку, повел нас в жилые комнаты.

Блесла полированная мебель. Ковры мягко облегли стены, в сервантах искрился хрусталь. Палец Егора Денисовича с тупым грязным ногтем хищно тыкался в ковры, шкафы, в телевизор, словно склеивал с них что-то. «Всего полно, все есть. Живи да радуйся, так нет, ушла! — укорял он Наташу. — А все потому, что лодыри с муженьком оба, лодыри. Для хозяйства палец о палец не ударят, туеядцы».

«Я с шестнадцати лет на производстве, — возмутилась Наташа, — а на твою кубышку работать не хочу!» Она украдкой глянула в угол комнаты, где под радиоприемником стоял стальной канцелярский сейф. И мне вспомнились ее слова: «Дома свои тысячи держит, не доверяет сберкассе. Так и сидит, как привязанный, возле сейфа».

«Вот, вот и я о том же говорю, лодыри вы с мужем, туеядцы». — Егор Денисович уже теснил нас из комнат, запирая двери на замки. Затем мы направились во двор. По дороге Егор Денисович ласково погладил рыжего кота, который, грозно урча, вытаскивал из кучи отбросов ошметок грязного сала. «Кощежки, хорошенькие, славенькие, — почти пел он елейным, приторно сладким го-

предлагают предварительно отрезать у спичек головки. Всегда ли эта рекомендация дойдет до ребенка? А что сделать с головками от спичек? Жизнь убеждает, что головки нередко применялись для самодельных ракет, ставших причиной несчастья для детей. Надо научить подросших детей разумно относиться к спичкам, а от маленьких хранить спички дома за «тремя замками». ...В разгаре лето, а в эту пору, как известно, огню легко вспыхнуть и в лесу, и в доме, и во дворе, и в дровяном сарае. Об этом надо всегда помнить.

А. ЕМЕЛЬЯНОВ,
зам. начальника Управления
пожарной охраны МВД Латвийской ССР

Сезонная работа

«Дорогая редакция! Я работала на торфопредприятии с апреля по январь, а остальные месяцы находилась в межсезонном отпуске. Прошу разъяснить, все ли месяцы года засчитываются в стаж или время отпуска не входит в него?»

М. Кузьменко»

Сезонные работы очень разнообразны. На рыбных промыслах, например, на сахарных, консервных заводах, на торфоразработках, на зверобойных промыслах и т. д. ежегодно заняты тысячи людей. Однако сезонными считаются только те работы, которые перечислены в специальных перечнях.

В связи с особыми условиями труда сезонников для них предусмотрены и особые правила приема на работу. Трудовой договор рабочего с предприятием может быть заключен на весь сезон, на какой-то срок, на время выполнения какой-либо работы. Обычно срок сезонных работ — до шести месяцев. В виде исключения он может быть увеличен. Например, в лесном хозяйстве и лесной промышленности — до восьми месяцев.

В трудовой стаж сезонные работы засчитываются по их фактической продолжительности. Однако на торфоразработках, лесозаготовках, лесосплаве, а также на сахарных и консервных заводах Министерства пищевой промышленности СССР и сезонных отраслях Министерства мясной и молочной промышленности и рыбного хозяйства работа в течение полного сезона засчитывается за год.

Есть некоторые особенности и при увольнении сезонных рабочих. Например, если предприятие (учреждение, хозяйство) полностью или частично ликвидируется либо если работы в них сокращаются по причинам производственного характера, то трудовой договор может быть расторгнут. В этом случае рабочие и служащие, проработавшие более месяца, должны быть предупреждены администрацией за неделю до увольнения. А если это не сделано, им обязаны выплатить выходное пособие в размере недельного заработка. Если работа продолжалась менее месяца, такое предупреждение и выдача выходного пособия не обязательны.

Работник, не справляющийся со своими обязанностями или нарушающий трудовую дисциплину, также может быть уволен без предупреждения и выдачи пособия.

Расторжение трудового договора по инициативе администрации до окончания его срока (сезона) производится с предварительного согласия комитета профсоюза.

Правом на очередной отпуск или компенсацию за него сезонные работники не пользуются.

А как производится оплата больничных листов сезонным рабочим?

При трудовой травме или профессиональном заболевании им выплачивается пособие по временной нетрудоспособности независимо от того, сколько времени человек проработал. В остальных случаях (заболеваниях) пособие выплачивается, если ко дню наступления нетрудоспособности человек проработал в общей сложности не менее трех месяцев в течение последнего года или не менее десяти месяцев в течение двух последних лет.

Н. БУГАЕНКО, юрист

лосом, — от них польза, не то что от дочери с зятем! — И гордо добавил: — Кошечек у меня пятнадцать! Иначе нельзя, иначе нас крысы съедят!»

Позвякивая связкой ключей, Егор Денисович открыл дверь добротного строения.

«Вот тут животные у меня, свинки. Я, знаете, очень люблю животных». Действительно, свиньям жилось отлично. Тепло и сухо. Паровое отопление, стоки для нечистот, электрическое освещение.

Мы вернулись в дом. Мать Наташи неслышно, как тень, вошла в кухню и села в углу, положив на колени иссохшие, натруженные руки.

«Мы работы не боимся», — обидчиво, укоряя кого-то, повторяла Прасковья Федотовна одну и ту же фразу. Но не было в ее словах ни радости, ни гордости рабочего человека за свой труд, а только колючий, горький вызов да глухая, затаянная боль. Во всем облике этой женщины было что-то обреченное — словно она давно-давно сломалась, — боль рвалась наружу из ее глаз и губ сухими, сгоревшими слезами человека, который сам себя предал, осознает это, но уже не может подняться.

Да, Прасковья Федотовна немало поработала на своем веку. Вместе с мужем инженером она строила Норильск, была передовой работницей, избирали ее депутатом горсовета. После работы вечно хлопотала о других: устраивала ребятшек в ясли, «выбивала» кому-то жилье. Случалось, и поесть забывала, да и спала маловато, но всегда летала как на крыльях, не чувствуя усталости, потому что тогда она была нужна людям и люди были нужны и дороги ей.

«Знаете, какая мама была там, на Севере? — говорила мне Наташа по дороге в родительский дом. — Веселая, красивая, ее все любили. И, главное, она была счастливая! Я это очень хорошо помню».

Вот за эту красивую маму, образ которой не тускнел в душе девочки, за красивого и счастливого человека и начала борьбу Наташа, когда увидела, как страшно изменилась ее мать.

Не в один день стала Прасковья Федотовна угрюмой и нелюдимой. Не в одночасье оцепенела ее душа, не сразу потухли глаза и стерлась с лица улыбка. Девочка помнила, что, когда они переехали из Норильска в Лианозово под Москву, мама была прежней. Шло время. Ивановы построили дом. Расходы были, конечно, большие. Решили завести парочку поросят — подспорье в хозяйстве. Дети развехались. Осталась дома одна Наташа. Пенсия у Егора Денисовича и Прасковьи Федотовны солидная — по сто двадцать рублей на каждого. В доме поселился прочный достаток — живи, да радуйся. Но не тут-то было! Все началось с того, вспоминает Наташа, когда отец с матерью продали на базаре первых увесистых свиней. С тех пор и потеряли они покой.

Плодилось свиньи — их поголовье в иные годы доходило до 25 штук — росла и алчность Егора Денисовича.

И прежде Прасковья Федотовна замечала, что скуповат Егор, прижимист. Думала, от нехваток эта скупость, придет достаток — излечится. Посмеется над мужем, да и забудет. Бывало, и ворчал Егор, что жена все для людей старается, однако не очень свой характер показывал, стыдился товарищей.

Но вышли Ивановы на пенсию, поселились в маленьком домике на окраине, и

главным стал в семье Егор Денисович. Тут-то и расцвело махровым цветом все, что до поры лежало под спудом: жадность, страсть к накопительству, холодный расчет.

С утра до ночи Егор Денисович заставлял Прасковью Федотовну работать в свинарнике. Чтобы не тратиться на корма, гонял жену на свалку собирать отходы. Первое время Прасковья Федотовна пыталась бороться с мужем. Но начались скандалы, и она уступила, поддалась, не решилась разрушить семью... Да теперь уж и сама Прасковья Федотовна ворчала, когда Наташа бегала к заболевшей подруге: «Лучше бы воды свиньям натаскала!» Наташе была противна такая жизнь. Она все еще помнила, как было весело в их семье раньше, с каким радушием выносила мама гостям пироги. Наташе было стыдно за родителей, стыдно, что переступили они ту грань, которую человеку переступить нельзя. Там, за невидимой чертой, где стремление к благополучию оборачивается стяжательством, выросла звериная жадность. Но напрасно она старалась обуздать отца, образумить мать: рядом с нею жили чужие люди — обуреваемый жадностью отец и надорвавшаяся на работе, вечно раздраженная мать.

Нет, Наташа не боялась работы. После восьмого класса она пошла на завод, поступила в вечерний техникум, много читала. Но в глазах родителей Наташа была лентяйкой, дерзкой, непослушной дочерью. Муж Наташе достался хороший. Даже сгоряча плохого слова не скажет, с дочуркой возится, как не всякая мать. А главное, любят они друг друга. Но для Егора Денисовича зять Валерий — голь перекатная. «Что с него проку? Один костюм в дом после армии принес!» Нет, не видел или не хотел видеть Егор Денисович, что у Валерия почетная профессия, что его ценят на работе, не видел, что дочь бригадир, ударник коммунистического труда, без пяти минут техник, не хотел видеть потому, что все, не приносящее в его кубышку дохода, потеряло для Егора Денисовича всякую цену.

Кстати, Наташа и ее муж зарабатывали прекрасно, хорошо одевались. Но деньги не стали для них единственным смыслом жизни, главным мерилом в оценке человеческих достоинств и отношений. С каждым днем росла пропасть между родителями и дочерью. Жить вместе стало невыносимо, и Наташа с семьей ушла из дома. Но в душе ее продолжала биться и не находила покоя тревога за мать. Тогда-то и написала Наташа Григорьева свое горькое письмо в редакцию.

Самодовольный, с хитренькой улыбкой сидел передо мной Егор Денисович, не человек — стальной сейф. Ржавчина стяжательства развела его душу, наложила свой отпечаток и на лицо его. И я подумала: что ждет впереди этого старика и его жену? Мертвым грузом лежат их сбережения, тускнеет полированная мебель в холодных комнатах, вешают платья в шкафах. Ни за какие деньги не вернуть Егору Денисовичу того, что растрачено, — здоровья жены, человеческого достоинства, уважения окружающих. Ни за какие деньги не купить того, что вообще бесценно, — радость в доме, любовь дочери, нежность внучки. Оглянутся однажды эти двое, связанные цепью жадности, и увидят: пустота вокруг, одинокая, бесславная старость.

Ох, обидели...

В. Карпова из Ташкента пишет в редакцию: «Я работала на заводе старшим бухгалтером и, зная номер текущего счета, около трех лет вела междугородные переговоры по домашнему телефону со своей дочерью, живущей в Туркмении.

Когда это обнаружили, меня заставили возместить ущерб, нанесенный мною, лишили тринадцатой зарплаты и премии и, кроме того, вынесли решение перевести на несколько месяцев в цех. Я, конечно, не вынесла такого издевательства и написала заявление с просьбой уволить меня по собственному желанию.

И, что же вы думаете, никто не стал уговаривать меня не покидать предприятие, а ведь оно было мне родным домом! Прошу ответить, правильно ли со мной поступили».

Ответ. Мы понимаем вашу обиду: ведь не каждый сумеет в течение столь долгого времени безнаказанно запускать руку в государственный карман. Да за такую ловкость и сообразительность не лишать нужно было вас премий, не понижать в должности, а, наоборот, премировать и продвигать по службе!

Очень странно, что никто не пытался сохранить для завода работника, который настолько «сроднился» с ним, что перестал различать, где свое, а где государственное.

ПЕРСОЛИ

ПРИЧЕСКА ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

Кто из нас не хочет выглядеть в праздник красивым! Не миновала этого искушения и проживающая в городе Ставрополе Галина Ивановна Залеская. Она решила посетить «Салон красоты».

— А ты знаешь, что творится в предпраздничный день в парикмахерской? — спросила подруга.

— Ну что ж, красота требует жертв.

Галина Ивановна встала в пять утра и мужественно выстояла три часа в очереди. Наконец настал желанный миг. Она сидела в кресле.

— Что? Прическу? Не будем делать, — огоршила ее парикмахерша.

— Как не будем?

— Так, не будем. Волос у вас длинный и густой. Нам с таким волосом не справиться.

Клиентка пыталась уговаривать и даже кривить душой не в свою пользу. Не такие уж, мол, у нее волосы густые. Даже совсем не густые. Где еще женщина может отважиться на такое отчаянное заявление, как не в парикмахерской?

— Как же не густые, когда именно густые! — возмутилась парикмахерша.

Короче: хотите иметь прическу — подрежьте волосы. Прическу требует жертв.

Так и ушла Галина Ивановна, как говорится, необслуженной. Вот так смотрят на красоту в «Салоне красоты» г. Ставрополя, на улице Коминтерна, 5.

БЕЗ ГАРАНТИИ

Тут к нам в редакцию поступило одно швейное изделие. По почте, бандеролью. Развернули мы его и видим, что в общих чертах оно напоминает женский халат. Хотя по некоторым приметам его можно отнести и к спецодежде для огородного пугала. Слишком уж перекошены

у него полы, а карманы посажены на разных уровнях. И вроде бы сподручнее в нем отпугивать птиц, нежели хлопотать по дому.

Хорошо еще, что при этом загадочном изделии было сопроводительное письмо. Оно и прояснило картину. Оказалось,

не для пугала сие пошито. Гражданка Московская из Казани, приславшая нам сей уродливый халат, сообщила, что он произведен на свет на Джалабадской швейной фабрике и что она уже просила фабрику заменить уродца на более изящный экземпляр.

И вот такое сердитое послание получила от директора фабрики В. Ченцово:

ПАРСОЛИ

БУДЬ ВЕЧНО МОЛОДЫМ, НО НЕ ОСТАНЬСЯ ВЕЧНОЗЕЛЕНЫМ.

ЛЕГЧЕ ВСЕГО МЕНЯЮТ УБЕЖДЕНИЯ ТЕ, У КОГО ИХ НЕТ.

ПРИРОДА НЕ ТЕРПИТ ПУСТОТЫ. А ВОТ МЫ БЫВАЕМ ГОРАЗДО ТЕРПИМЕЕ.

БУДЕМ ВЕЖЛИВЫ

Мы не особенно удивимся, если на Уральском заводе гидромашин (г. Сысерть) появится нижеследующий приказ:

§1. Всем руководящим мужчинам литейного цеха, а именно начальнику цеха, его заместителям, мастерам настоящим предписывается в обязательном порядке ежедневно здороваться с работницами.

§2. Форма приветствия — «Здравствуйте», «Добрый день» и т. д. — выбирается по усмотрению здоровающегося.

Основание: 1. Заповедь инженера человеческих душ Сервантеса: «Ничто не стоит нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость».

репной лодке плавать, что нравится. А в холодное время, когда от парового отопления эти осадки испаряться начинают, в аптеке банная парная. Обращались работницы аптеки в горисполком и в областное аптекоуправление за помощью. А им в ответ: да, ваша правда, только пока ничего другого предложить не можем. Потерпите. Они и терпят, а лекарства портятся.

На снимке: помещение аптеки, после дождя превратившееся в водный бассейн.

2. Письмо работниц литейного цеха, не помнящих случая, чтобы заповедь Сервантеса выполнялась начальством этого цеха.

Возможно, скептики скажут, что вежливость бесполезно и нелепо регламентировать приказами. Что ж, мы и сами, откровенно говоря, против такого приказа. И нас и работниц вполне удовлетворит, если руководящие мужчины литейного цеха без всякого приказа последуют достойному примеру директора завода и главного инженера. Эти еще более руководящие мужчины не считают зазорным поздороваться с работницами.

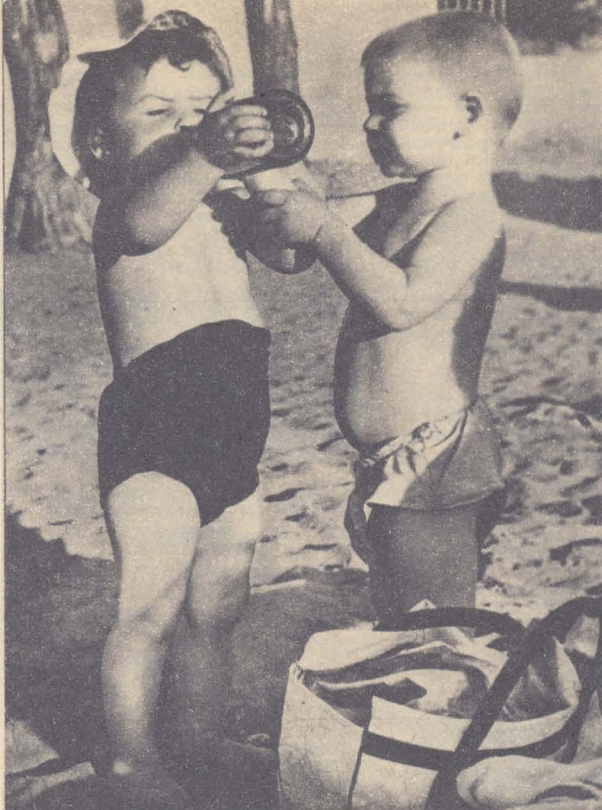

Фото наших читателей: Ю. Магалашвили, И. Перельштейна, И. Фортуса.

ЖАРКО...

ХОРОШО, КОГДА СВЕТИТ СОЛНЦЕ, ЯРКО ГОЛУБЕЕТ НЕБО, ХОРОШО, КОГДА СТОЯТ ПОГОЖИЕ ЛЕТНИЕ ДЕНЕЧКИ. НО ЕСЛИ РТУТНЫЙ СТОЛБИК НА ТЕРМОМЕТРЕ ПОДБИРАЕТСЯ К ТРИДЦАТИ, А ВЫ НЕ В ЛЕСУ И НЕ НА ПЛЯЖЕ — В ГОРОДЕ, С ЖАРОЙ СПРАВЛЯТЬСЯ ТРУДНЕЕ. ОСОБЕННО НЕМОЛОДЫМ, НЕЗДОРОВЫМ ЛЮДЯМ.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ В ЖАРУ? КАК ОДЕВАТЬСЯ, ПИТАТЬСЯ, ЧТОБЫ ЛУЧШЕ СЕБЯ ЧУВСТВОВАТЬ И НЕ ДОПУСТИТЬ ПЕРЕГРЕВАНИЯ ОРГАНИЗМА? ВОТ ЧТО СОВЕТУЕТ ВРАЧ Г. ВОЛК:

● В жару аппетит обычно снижается. Поэтому завтракайте плотнее (обязательно горячее!), а в обед съешьте что-нибудь легкое, предпочтительно овощное или молочное. Дело в том, что продукты, богатые углеводами и жирами, сгорая в организме, выделяют много тепла. Вот почему в жару рекомендуются пища, в которой больше белков и витаминов, — творог, молоко, овощи, фрукты. Лучше не варить мясных и рыбных супов — готовить окрошки, свекольники: да и на гарнир полезнее овощи, вареные или сырые. Такое питание помогает организму поддерживать нормальный тепловой баланс.

● Жара вызывает жажду. Это естественно: организм теряет много воды, и приходится потерю восполнять. Без воды не может обходиться ни одно живое существо, она входит в состав всех органов и тканей нашего тела. Но питье без меры приносит вред, излишек жидкости тяжело ложится на сердце. К тому же чем больше пьешь, тем больше хочется. Есть жажда истинная, вызванная потребностью организма, а есть и ложная, связанная с высыханием слизистой оболочки рта и гортани. Чтобы утолить ее, достаточно сделать один-два глотка или просто прополоскать рот. Пить лучше воду слегка подсоленную или подкисленную,

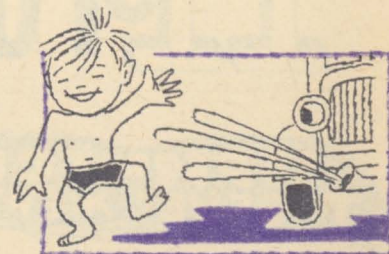
газированную, минеральную, зеленый чай, квас, чайный гриб. Сладкие соки, компоты, вода с сиропом усиливают жажду.

● Вы устали от жары. Опустите локти в холодную воду — и вам станет легче. Уставшие ноги вымойте прохладной водой, а затем смажьте кремом стопы и разотрите ноги от ступни к колену.

● Чаше принимайте душ: загрязненная пылью и потом кожа ухудшает терморегуляцию организма. По этой же причине надо чаще менять и стирать белье, одежду.

● Не носите в жару синтетическое белье: оно прилипает к телу и не пропускает воздух. Да и платья, блузки лучше хлопчатобумажные, льняные или из натурального шелка, легкие и светлые, свободного покроя, без тугих воротников, поясов, застежек.

● Детей не наряжайте в капроновые платья и рубашечки. Может появиться потница, а потом и гнойничковые заболевания кожи. Не забудьте: на солнце ребенку полезно быть только до 11 часов утра, остальное время пусть проводит в тени, под сенью деревьев, под тентом.

● Старайтесь не появляться на солнцепеке с непокрытой головой. Особенно важно соблюдать это правило тем, кто работает на воздухе. Удобны и модны светлые кепочки с козырьком, бросающим на лицо тень, или соломенные шляпы с большими полями. Головку ребенка защитите панамой или легкой ситцевой косыночкой. Надо отказаться от чепчиков с завязочками под подбородком.

● Летом не покрывайте волосы лаком. Под влиянием солнечных лучей и жары лак выделяет вредные вещества, которые плохо действуют на волосы. И красить волосы не стоит: от солнца крашенные волосы становятся ломкими и сухими.

● Пудру, краску для бровей и ресниц оставьте до осени, летом обилие косметики неприятно для глаз. Пусть кожа дышит, используйте щедрые дары лета. Между прочим, мелкие капельки пота, выступающие на чистой коже, тоже один из защитных механизмов, предупреждающих перегревание организма. Испаряясь, пот охлаждает кожу. Если вы страдаете от жары — лучше не пудриться. К тому же вещества, содержащиеся в губной помаде, пудре, краске, могут под действием солнца вызвать воспаление кожи — дерматит.

Летние рецепты

КВАС ИЗ СВЕЖИХ ЯГОД

Вымытые ягоды — землянику, малину, можно и другие — раздавите и залейте кипятком (на 1 кг ягод 10 л воды) и накройте крышкой. Через 12 часов процедите, добавьте сахар (700—800 г), лимонную кислоту по вкусу и дрожжи (20—30 г). Если нет дрожжей, можно 5—10 чайных ложек изюма и ложку сахара, залить таким же количеством теплой воды и настоять 2—3 дня. Размешайте, накройте посуду чистой тканью и оставьте в теплом месте еще на 12 часов. Если вы хотите подольше сохранить квас, разлейте в бутылки, не доливая их примерно на 5 см, и укутайте пробками (полиэтиленовыми или обычными). Квас поставьте в прохладное место. Через три дня он готов.

Когда квас (любой) готовят для того, чтобы сразу же использовать, можно не разливать его в бутылки. Кастрию с квасом накройте крышкой и поставьте в прохладное место, 3—5 дней квас полностью сохраняет свои вкусовые качества, а потом становится кислым и невкусным.

СВЕКОЛЬНИК С КВАСОМ

Нарежьте кубиками или соломкой молодую свеклу. Залейте стаканом воды, добавьте уксус и тушите под крышкой 20—30 минут. Минут за 10 до конца варки добавьте и нарезанную свекольную ботву. Охладите. Сваренную морковь, очищенные от кожицы огурцы, крутые яйца нарежьте, а зеленый лук разотрите с солью, чтобы выступил сок. Все это соедините со свекольным отваром, перемешайте, добавьте хлебный квас, сметану, сахар, соль по вкусу, при подаче на стол положите укроп.

На 2—3 свеклы с ботвой: стакан воды, 1 л хлебного кваса, 1 морковь, 2 огурца, 100 г зеленого лука, 2 яйца, сметана, сахар, соль, уксус, зелень — по вкусу.

15—20 минут на слабом огне, постоянно перемешивая. Теперь можно положить остальные ягоды, довести суп до кипения и охладить. Подают его со сметаной или со сливками.

На 500 г ягод: 2 столовые ложки манной крупы, 2 ложки сливок или сметаны, 4—5 ложек сахарного песка.

ВИШНЕВЫЙ СУП С РИСОМ

Вымойте вишни. Половину отделите и осторожно освободите от косточек. Остальные, с косточками, разомните, залейте водой и варите 5—10 минут на слабом огне. Минут через 15—20 процедите отвар, ягоды протрите через сито, добавьте сахар, вареный рис, вишни без косточек и еще раз вскипятите.

На 300 г вишен: 4—5 столовых ложек риса, полстакана сахара и 4—5 стаканов воды.

3. КОЧЕТКОВА,

инженер-технолог питания

КВАС ИЗ ФРУКТОВОГО ИЛИ ЯГОДНОГО СОКА

Этот квас можно приготовить из любого концентрированного сока, лучше кислого.

В горячую кипяченую воду (10 л) налейте 1 л сока и 500—700 г сахара (если сок сладкий, то меньше). Когда остынет, добавьте 20—30 г дрожжей (или настоящий изюм) и размешайте. Поставьте в теплое место, затем разлейте в бутылки, укутайте и храните на холоде.

ХОЛОДНЫЙ БОРЩ

Свеклу очистите, нарежьте кубиками, залейте водой, добавьте чайную ложку столового уксуса и варите 20—30 минут. Готовый отвар процедите и охладите. Свеклу снова положите в кастрюлю, туда же добавьте вареный картофель и свежие огурцы, нарезанные кубиками, рубленое яйцо и мелко нарезанный зеленый лук. Перед подачей на стол положите еще сахар, соль, горчицу или тертый хрен. Все это залейте охлажденным свекольным отваром, добавьте сметану и размешайте. В каждую тарелку насыпьте нарезанную зелень петрушки или укропа.

На 500 г свеклы: 1—2 картофелины, 2 огурца, 100 г зеленого лука, 2 яйца. Сахар, соль, уксус, горчица, сметана, зелень — по вкусу.

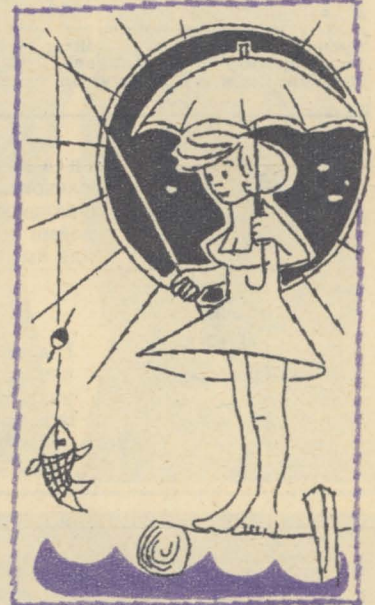
ХОЛОДНИК ПО-БЕЛОРУССКИ

Мелко нарежьте перебранный и промытый щавель, залейте кипятком или бульоном и варите 5—7 минут. Разотрите с солью мелко нарезанный лук, нарежьте огурцы, белок крутых яиц (желток разотрите). Все это положите в охлажденный отвар щавеля и перемешайте. Перед подачей на стол добавьте соль, сахар, сметану, укроп.

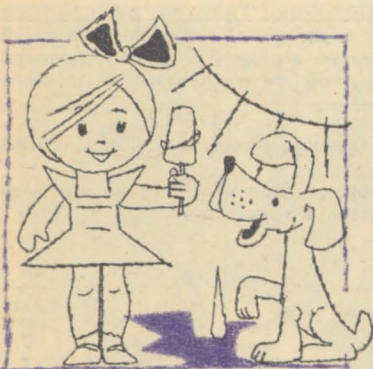
На 500 г щавеля: 2 огурца, 50 г зеленого лука, 2 яйца, сметана, соль, сахар, уксус, укроп — по вкусу.

СУП ИЗ ЯГОД С МАННОЙ КРУПОЙ

Ягоды (малину, землянику, черную смородину) промойте и освободите от плодоножек. Половину ягод отложите, засыпьте сахаром и поставьте в холодное место. Остальные разомните, залейте кипяченой водой, доведите до кипения и оставьте на 15—20 минут. Отвар процедите. Оставшуюся массу протрите через сито и соедините с отваром, добавив 5—6 стаканов воды и сахар. Струйкой засыпьте манную крупу и варите еще

Рисунки И. КЛЕШКО.

ЯБЛОЧНЫЙ КВАС

Зрелые яблоки (1 кг) промойте, вырежьте семенное гнездо, мелко нарежьте и сложите в эмалированную кастрюлю. Туда же добавьте промытый изюм (100 г), сахар (700—800 г) и залейте теплой кипяченой водой (10 л). Когда остынет, добавьте дрожжи (20—30 г) и поставьте на 12 часов в теплое место. Процедите, разлейте по бутылкам и держите на холоде.

ТОМ
СЕМ

■ Нарядная, яркая клеенка украшает стол. Жаль, если она блекнет, выцветает. Чтобы этого не случилось, не мойте ее мылом и стиральным порошком, а протирайте тряпкой, смоченной водой пополам с уксусом. Нельзя ставить на клеенку горячие кастрюли, чайники и гладить на ней.

■ Надрезанная колбаса не засохнет, если смазать срез жиром или положить на него кусочек лимона.

■ Вы пересушили белье, его трудно гладить. Положите на гладильную до-

ску намоченную и отжатую простыню — сразу станет легче.

■ Совет старого рыбака: чтобы быстрее снять чешую с рыбы, потрите ее хорошенько о траву. Плавники лучше срезать ножницами.

■ Если вы решили испечь пирог с ягодами, не кладите в начинку сахар. Сделайте тесто более сладким, а готовый пирог посыпьте сахарной пудрой.

■ Чтобы махровые полотенца и халаты были пу-

шистыми, поддержите их после стирки в подсоленной воде и не гладьте.

■ Чемодан, которым вы долго не пользовались, приобрел неприятный, затхлый запах. Протрите его изнутри тряпкой, смоченной в уксусе, а затем хорошенько просушите, желательно на солнце.

■ Масло, на котором вы уже жарили, можно использовать еще раз. Процедите его и добавьте несколько капель лимонного сока. Исчезнет запах и вкус горелого.

НОВИНКИ

«РАЗНОСКА» И «ЗОЛУШКА»

Новые туфли, да еще надетье на босу ногу, в жару способны принести массу неприятностей. Если туфли жмут — побрызгайте их изнутри аэрозолем «Разноска» и сразу же наденьте. Препарат растягивает и смягчает кожу, туфли как бы сразу разношаются. Другая новинка того же Новомосковского комбината химических товаров — аэрозоль «Золушка» — служит для очистки и освежения ковров, одежды, мягкой мебели.

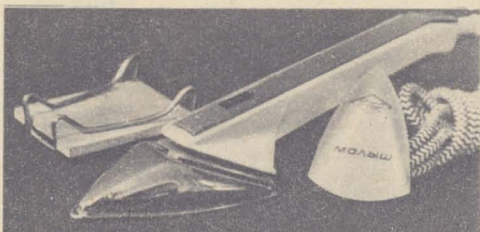
САДОВОДАМ-ЛЮБИТЕЛЯМ

Разноцветные пластмассовые шланги с лейкой на конце предназначены для полива грядок и клумб. Длина их от 10 до 50 метров, цена — 21 коп. за метр.

Для ухода за плодовыми деревьями, сбора урожая садоводам пригодится и легкая лестница-стремянка, стоит она 13 и 17 рублей, в зависимости от длины. Специальное шарнирное устройство в минуту делает стремянку обычной лестницей.

А. ЧЕРНЫШЕВА

Фото Г. ИБЕРКЛЕЙДА.

«МАЛЫШ»

миниатюрен, легок, у него удобная ручка. Ограничитель температуры с сигнальной лампочкой охраняет уют от перегревания. Работает «Малыш» от сети переменного тока напряжением 127 и 220 вольт, стоит 5 рублей.

Летние платья со складками, сборками, пышными рукавами трудно как следует отгладить. Утюжок «Малыш», который начал выпускать Московский электротехнический завод имени Куйбышева, облегчит нам эту работу: он

На первой странице обложки: Полина Николаевна Зеленова, бригадир маляров-шлифовщиков Московского автомобильного завода имени Ленинского комсомола. Вместе со своими товарищами борется она за право носить звание «Бригада имени II съезда РСДРП».

Фото Н. Маторина.

На четвертой странице обложки: Урожай. Ковер работы художника Э. Вигнера (Латвийская ССР). Всесоюзная художественная выставка, посвященная 50-летию СССР.

К этому номеру дается бесплатное приложение: Выкройки сарафана, платьев на полную фигуру; модные детали платья; рисунок детского коврика.

МОДА

1. Платье отрезное по талии, юбка заложена низко застроченными складками. Застежка спереди на «молнии». Галстук съемный. Платье может быть выполнено из льна, светлой тонкой шерсти, гладкого шелка и отделано крупной декоративной строчкой. Особенно рекомендуется высоким женщинам.

2. Только для стройных — платье из набивного шелка с завышенной талией, расширенной книзу юбкой из четырех клиньев и модным рукавом-«крылышком». Лиф платья оформлен настроенным сверху руликом из цветной гладкой ткани. Из такого же рулика — пояс.

3. Для летнего вечера удобно платье-пальто из плотной набивной ткани. Кокетка спереди втачана в реглан и пристегивается двумя пуговицами. Застежка на длинную «молнию». Все детали отстроены. Пальто рекомендуется женщинам среднего возраста.

4. Платье-костюм для молодой женщины. Рельефные линии жакета отстроены и заканчиваются разрезами. Накладные карманы с фигурными клапанами тоже отстроены. Воротник и галстук из отделочной ткани, только воротник белый, а галстук черный. Юбка со складками.

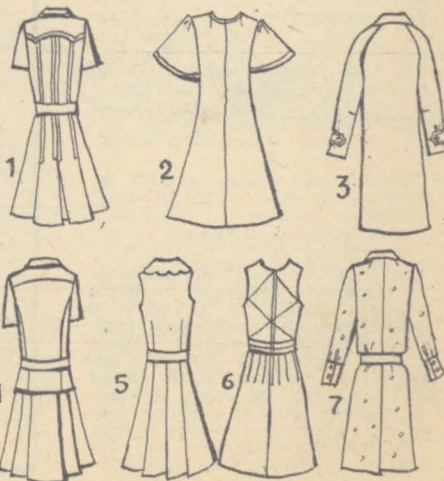
5. Платье из светлого пике или льна с большим, вышитым гладью воротником. Юбка со складками.

6. Платье без рукавов из набивного ситца или сатины, с завышенной талией. Юбка плиссированная или застрочена маленькими складками. На лифе настроена гладкая цветная тесьма. Можно сделать к платью маленький жакетик с короткими рукавами. Рекомендуется молодым женщинам.

7. Платье для женщин любого возраста и комплекции. Простое, рубашечного покроя, с застежкой на планке. Модный воротник на стойке и крупные манжеты из ткани той же расцветки, но другого рисунка.

Оформление обложки Г. ГАГАРИНОЙ.

Выкройки отдельных деталей этих моделей даны в приложении.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
[зам. главного редактора], А. Г. ХРИП-
КОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:

101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; между-
народной жизни — 250-44-90; литера-
туры и искусства — 250-12-30; семья и
быта — 250-11-93; науки и антирели-
гиозной пропаганды — 253-30-78; худо-
жественного оформления — 253-34-79;
писем — 250-57-38; массовой работы —
250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Сдано в набор 24/V 1973 г.
А 03317. Подписано к печ. 15/VI 1973 г.
Формат 60×92¹/₂.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 12 550 000 экз.
(1-й завод: 1—10 778 300 экз.).
Изд. № 1427. Заказ № 683.

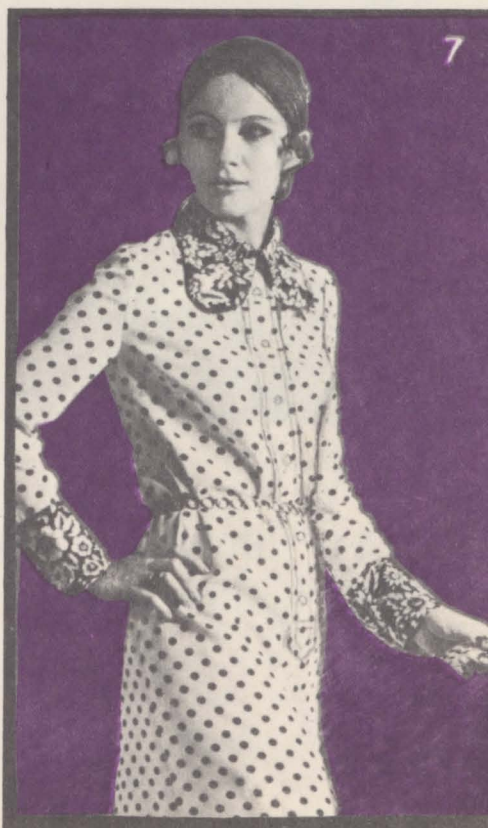
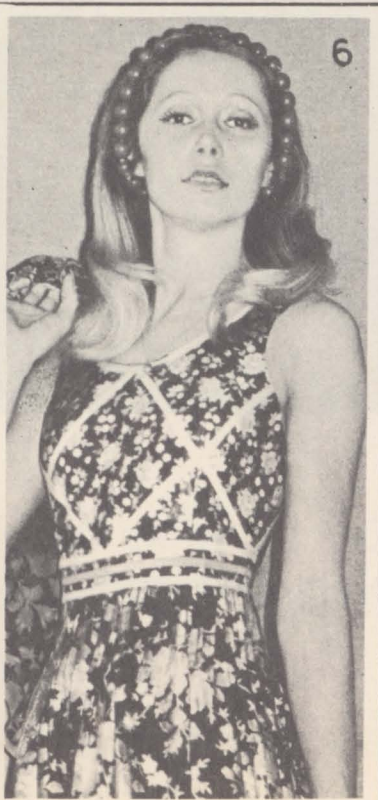
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
Т. Н. ЖУРАВЛЕВА.

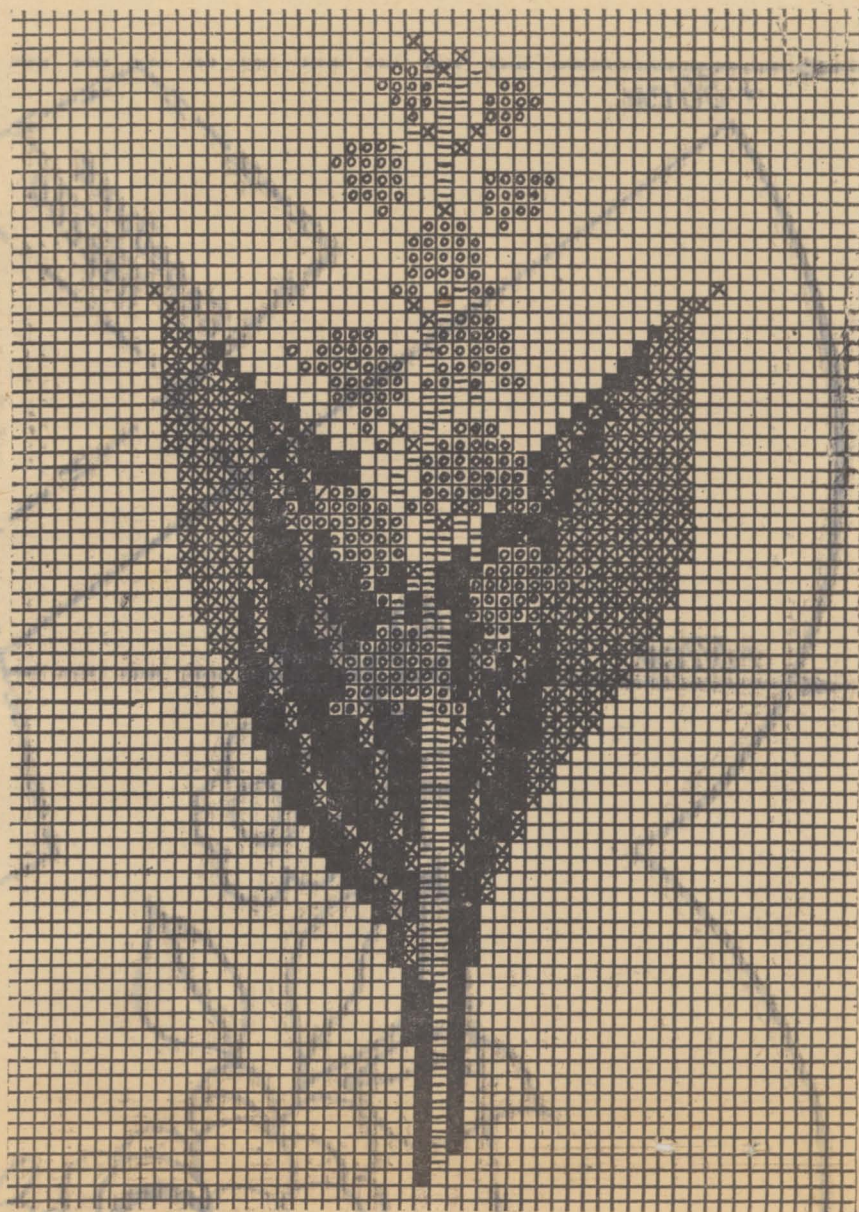
ЛЕТО 73

У Р У

Цветок ландыша, вышитый крестом, может украсить детскую и взрослую одежду, скатерть, подушку, салфетку.

Художник Т. Еременко.

Дожник
дочков

Условные обозначения:

- — белый
- — светло-желтый
- ▣ — зеленый
- — темно-зеленый

МОДНЫЕ ДЕТАЛИ

На обороте приложения мы даем выкройки в натуральную величину без припусков на швы нескольких модных деталей платьев, фотографии которых помещены на третьей обложке журнала.

ВЫШИТЫЙ ВОРОТНИК (модель 5) очень наряден. Сначала гладью цветными нитками выполняется вышивка. Затем две детали воротника складываем лицом внутрь (зубцы не вырезаны, только намечены), сметываем, строчим и только после этого вырезаем зубцы, осторожно подсекая в углах до самой строчки. Автор вышивки Т. Большакова.

ГАЛСТУК (модель 1) кроится из ткани платья или из отделочной ткани. При помощи детали 3 обработайте нижнюю часть галстука, затем сложите его по линии сгиба.

ВОРОТНИК НА СТОЙКЕ И МАНЖЕТЫ (модель 7) модны и на платьях и на блузках. К прямой верхней части стойки пришивается воротник, нижняя, изогнутая пришивается к горловине.

МОДНЫЙ РУКАВ ТИПА «КРЫЛЬШКО» (модель 2). Головка густа собрана, нижняя часть обтачена руликом.

НАКЛАДНЫЕ КАРМАНЫ С ФИГУРНЫМИ КЛАПАНАМИ (модель 4) нужно обязательно отстрочить.

Условные обозначения:

1. Воротник с вышивкой

2. Галстук

3. Деталь для обработки
узла галстука

4. Воротник

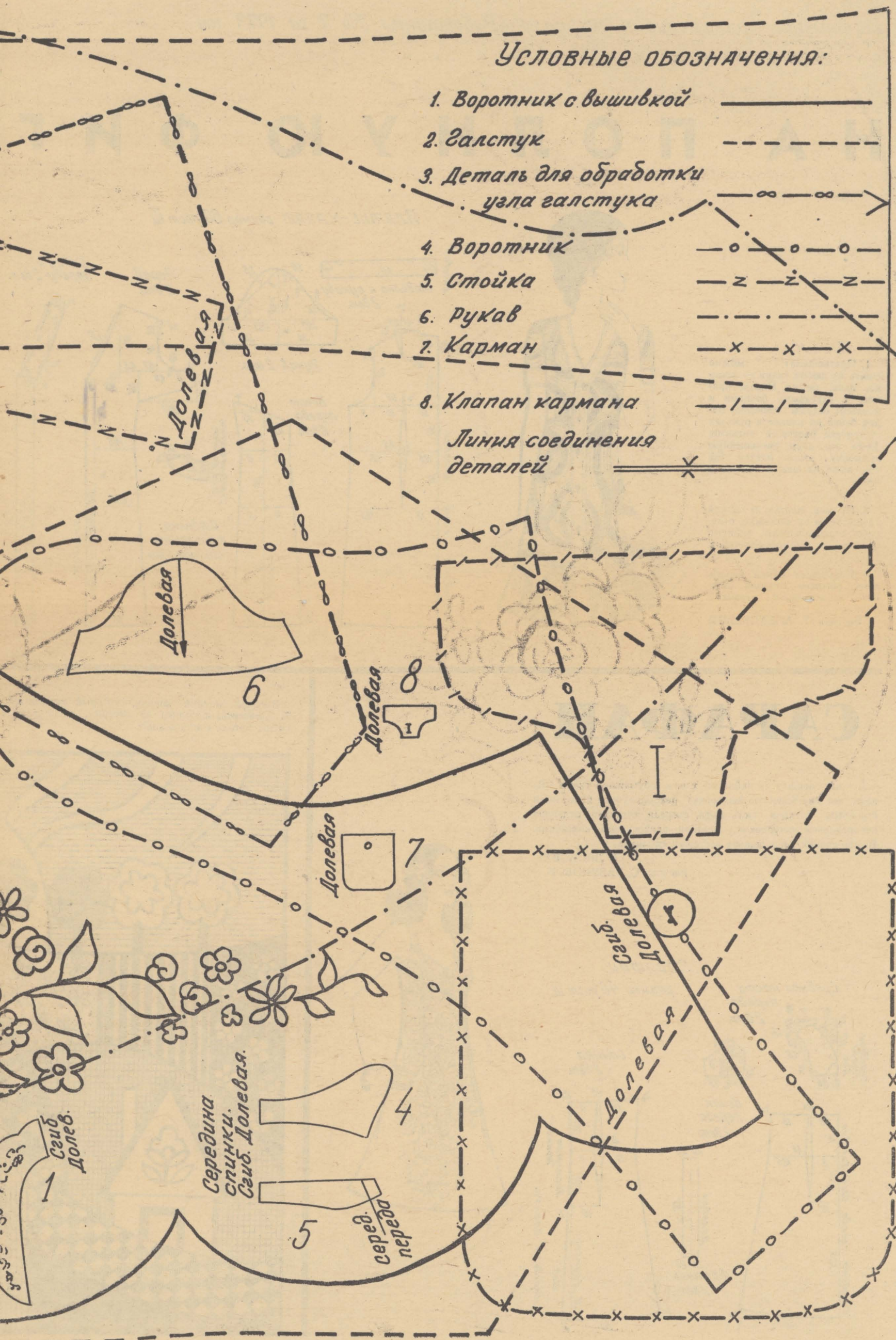
5. Стойка

6. Рукав

7. Карман

8. Клапан кармана

Линия соединения
деталей

Долевая

6

Долевая

Долевая

1

7

Долевая
Сгиб. Долевая

Середина

Спинки.

Сгиб. Долевая.

4

5

Серед.
переда

Сгиб.
Долев.

Цена 10 копеек.

Индекс 70770.